

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2017

№ 12

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии (№ 1529)

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Valentin Ye. Gol'din (Saratov, Russia)
Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko
(Saint-Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilena Janyšková (Brno, Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Васильева Г.М., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь сложноподчиненных предложений для иностранных студентов: теоретические и методические ориентиры.....	5
--	---

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Земичева С.С. Индивидуальный тезаурус диалектоносителя: концепция словаря.....	24
Богачёва Г.Ф., Ольховская А.И., Парамонова М.К. Электронный идеографический словарь: теоретический и прикладной аспекты (на материале «Русского тематического словаря»)	39
Перфильева Н.П. О концепции системного словаря метапоказателей	61

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник.....	83
Ядав Р., Нестерова Н.Г., Верма К.С. Принципы определения лексического минимума для программы обучения русскому языку иностранцев как проблема учебной лексикографии	106

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Блинова О.И. Лексикографические проекты томских диалектологов (2007–2017 гг.)	125
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Макарова А.С. Рецензия на книгу: Словарь современных политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!».....	134
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	145

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Vasileva G.M., Levina I.N. A lexico-syntactic dictionary of complex sentences for foreign students: theoretical and methodological guidelines.....	5
---	---

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Zemicheva S.S. A conception of the electronic thesaurus of a dialect language personality	24
Bogacheva G.F., Olkhovskaya A.I., Paramonova M.K. An electronic ideographic dictionary: theoretical and practical aspects (on the material of <i>The Russian Thematic Dictionary</i>)	39
Perfilyeva N.P. On the concept of a systemic dictionary of meta-indicators	61

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Gender dialectology and dictionaries as its source	83
Yadav R., Nesterova N.G., Verma K.S. Determining a lexical minimum for the country-specific teaching of the Russian language.....	106

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

Blinova O.I. Lexicographic projects of Tomsk dialectologists (2007–2017).....	125
--	-----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Makarova A.S. Book review: <i>Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii "Dayte miru shans!"</i> [Dictionary of Modern Political Slogans of Russia and Germany: Give a Chance to the World!]	134
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	145
--	-----

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/12/1

Г.М. Васильева, И.Н. Левина

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Исследуются теоретические и методические основания проекта учебного лексико-синтаксического словаря для иностранных студентов, единицей описания в котором выступает лексико-синтаксическая модель сложноподчиненного изъяснительного предложения типа [спорить], (что...). На основе научно-методических принципов учебной лексикографии и РКИ (русского как иностранного) предлагается решение ряда задач, касающихся как теории синтаксиса сложноподчиненного предложения, так и вопросов лексикографии.

Ключевые слова: учебная лексикография, синтаксис, сложное предложение, изъяснительное предложение, РКИ.

Статья посвящена рассмотрению теоретических и методических оснований проекта учебного словаря, призванного оказывать помощь иностранным студентам в освоении вызывающего объективные трудности «сегмента» системы русского языка. Речь идет о типе сложноподчиненного предложения (СПП), осуществляющем не только передачу информации, но и экспликацию ее источника, являющемся важнейшим средством категории эвиденциальности (засвидетельствованности), находящем активное использование во всех без исключения сферах коммуникации и потому обладающем наибольшей частотой употребления в речи, – **изъяснительном предложении**.

При высокой частоте¹ использования данной структуры СПП неоднократно констатировался факт того, что изъяснительное пред-

¹ В пользу этого тезиса свидетельствует частота употребления в языке союза «что»: в современном «Частотном словаре современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка», различающем проявление омонимии, союз «что» (лемма «что сопj») занимает по частоте употребления в русском языке 9-е место (см. «Ранговый список лемм» [1. С. 419]).

ложение является источником большого количества грубых нарушений в речи носителей языка. При освоении конструкции испытывают трудности и студенты-иностранцы. Это подтверждают, например, данные корпуса RULEC (Russian Learner Corpus), содержащего базу текстов американских студентов Портлендского государственного университета (США)¹, которые осваивают русский язык в течение нескольких лет.

Функциональная значимость, структурная пестрота и необходимость обеспечения нормативности речи при построении высказываний рассматриваемого типа сложноподчиненных предложений не могут не инициировать попыток лексикографического учета данного материала: в последнее десятилетие стремление включать информацию об изъяснительном придаточном предложении в грамматическую зону толковых словарей, до этого ограничивавшихся лишь единичными упоминаниями², стало более заметным, подобная тенденция прослеживается лишь в отношении союза «что»³. Обращаясь к аспектным изданиям, осуществляющим в словарном описании более последовательную презентацию информации о возможности придаточного изъяснительного, тем не менее укажем факторы, по-прежнему обуславливающие актуальность создания учебного лексико-синтаксического словаря.

В словаре В.И. Красных «Русские глаголы и предикативы» [5] отмечена сочетаемость более 800 слов с изъяснительными придаточными предложениями, среди которых не только глаголы, но и безличные предикативы на -о. Однако следует констатировать, что и

¹ RULEC (Russian Learner Corpus) – лонгитюдный подкорпус письменной академической речи РУЛЕК, созданный О. Киселевой и А. Алсуфьевой (Портлендский государственный университет, США), составная часть Русского учебного корпуса, разработанного учеными и преподавателями России и США: О. Киселевой и А. Алсуфьевой (Olesya Kisselev and Anna Alsufieva, Portland State University, USA) и Е. Рахилиной и Т. Архангельским (Ekaterina Rakhilina, Timofey Arkhangelskiy, National Research University Higher School of Economics, RF) [2].

² В этом отношении показательно увеличение помет в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Т.Ю. Шведовой по сравнению с первыми выпусками «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, содержащего, по наблюдению С.Г. Ильенко, менее двух десятков соответствующих помет [3. С. 24].

³ См., например, в СОШ словарную статью «ГОВОРИТЬ», где для 2-го и 3-го значений используется указание «о ком-чем и с союзом “что”» [4].

данное издание не может полностью удовлетворить потребность в означенной информации, поскольку не включает опорных слов всех грамматических типов, хотя моделиобразующими свойствами, кроме двух указанных морфологических классов, обладают и некоторые существительные, прилагательные, а также фразеологизированные словосочетания [6, 7]. Подобный подход к изъяснительным предложениям типичен: показательно заглавие учебного словаря глаголов и глагольного управления Г.Г. Малышева «Глагол – всему голова» [8], тетради-словаря для первого сертификационного уровня Г.Л. Скворцовой и Г.Н. Чумаковой «Русские глаголы» [9]. Между тем содержание программ первого (В1) и второго (В2) сертификационных уровней определяет изучение предложений с опорными компонентами всех перечисленных типов.

Указанный подход в лексикографировании изъяснительного предложения обусловлен выбором теоретических ориентиров: в свете вербоцентрической теории придаточное трактуется как актант, определяемый валентностными свойствами предиката главной части СП, приравниваясь к присловному распространителю. Однако объяснительная сила вербоцентрической теории в отношении русского изъяснительного предложения проявляет себя лишь частично, так как для создания правильного высказывания указать на возможность появления при лексеме в качестве распространителя придаточного изъяснительного недостаточно. Не менее значимым компонентом является показатель средства связи частей СПП: кроме базового, безусловно самого распространенного союза «что», придаточная часть может присоединяться союзом-частицей «ли», союзами «чтобы», «будто», «якобы», «как бы не» и некоторыми другими, однако гораздо менее распространенными¹.

Для построения отвечающего литературным нормам высказывания в речи необходимо учитывать две «переменные»: слово, выступающее в качестве опорного (контактного), и союзное средство – подобный подход был предложен С.Г. Ильенко, обозначившей их совокупность как «контактную рамку». Показательно, что понятие было терминировано в статье, посвященной методике преподавания

¹ Классификация изъяснительных предложений «от союзов» представлена в академических грамматиках: см., например, Граматику-80 [6].

синтаксиса в школе [10. С. 27]¹. Контактная рамка – ключевое понятие, обеспечившее возможность лексикографического ракурса описания изъяснительных СПП; позже это понятие легло в основу понятия «лексико-синтаксическая модель» (ЛС-модель): «ЛС-модель – бинарная структура нерасчлененного типа – формируется лексической и грамматической составляющими. Ядро модели организует контактная рамка, включающая лексический компонент (контактное слово в главной части) и грамматический компонент (союз) в придаточной части СПП» [12. С. 30]. Или, в несколько другой формулировке: «Лексико-синтаксическая модель изъяснительного предложения (ЛС-модель) – абстрактный минимальный образец, представляющий бинарную структуру нерасчлененного типа, в главной части которого получает экспликацию лексический компонент – контактное (опорное) слово, предопределяющий своим значением наличие придаточной части и связь с нею определенным грамматическим компонентом (союзом), а также включающий другие конструктивные признаки грамматического и стилистического характера, необходимые и достаточные для создания правильного высказывания <...> как и другие абстракции подобного типа, она рассматривается не как неизменная данность, а с учетом варьирования в некоторых пределах, что отражается соотношением инвариант / вариант / регулярная реализация / вариация» [13. С. 321]. ЛС-модель выступает в качестве единицы лексикографического описания рассматриваемого типа СПП в вышедшем в 2007 г. «Лексико-синтаксическом словаре русского языка: модели сложноподчиненного предложения» С.Г. Ильенко и И.Н. Левиной – в нем насчитывается около 2000 моделей [12]. Модель включает информацию о морфологии опорного слова, синтаксических особенностях речевой реализации модели; стилистическом потенциале моделей, например: [ГОВОРИТЬ₃], (ЧТО...)^[книжн.], [ВЕДАТЬ], (...ЛИ)^{[Neg/?]устар.}

Теоретические ориентиры, связанные с лексико-синтаксической координацией [14] и заложившие основу «Лексико-синтаксического словаря русского языка», актуальны и для проекта учебного словаря,

¹ На десятилетие раньше в приложении к докторской диссертации С.Г. Ильенко [11. Ч. 3. С. 738–915] была представлена сочетаемость глаголов и имен с подчинительными союзами в виде списка, составившего в дальнейшем основу «Лексико-синтаксического словаря».

где единицей описания также выступает лексико-синтаксическая модель. Создание словаря подобного типа, однако, требует решения целого ряда дополнительных задач, касающихся как теории синтаксиса сложноподчиненного предложения, так и вопросов лексикографии, причем и те и другие в соотношении с адресатом и целями издания должны быть существенно скорректированы.

«О том, что без словарей иностранные языки не изучают, знали все и всегда. О том, что словарь может рассматриваться как весьма важное, хотя и специфическое средство обучения, стали говорить сравнительно недавно», – заметил В.В. Морковкин, один из основателей отечественной учебной лексикографии [15. С. 102]. Значительное число публикаций, посвященных интерпретации словаря как средства обучения и содержащих серьезные аргументы в пользу необходимости размежевания учебной и общей лексикографии, появилось в конце 60-х и в 70-е гг. В известной статье С.Г. Бархударова и Л.А. Новикова «Каким должен быть учебный словарь?» было предложено и основное разграничение академической и учебной лексикографии: «...учебную лексикографию по сравнению с академической можно определить в целом как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности» [16. С. 46]. В результате последующей научной дискуссии оформилась особая дисциплина – учебная лексикография, представляющая собой отрасль педагогической лингвистики, основное направление которой – теория и практика создания учебных словарей [15. С. 104]. Конституирующим признаком учебного словаря выступает его обязательная обучающая направленность (учебная функция) – именно цель и назначение учебных словарей являются основанием для выделения особой области лексикографии [17. С. 364–401]. В публикациях, продолживших дискуссию (работы Г.Ф. Богачевой [18], П.Н. Денисова [19], Л.П. Катлинской [20], В.В. Морковкина [21], Г.Н. Складневской [22], Ф.П. Сороколетова [23], А.Е. Супруна [24], А.Н. Тихонова [25] и др.), не только постулировались необходимость учета опыта и достижений общей отечественной лексикографии, ее статус теоретической и практической базы любых лексикографических исследований, но и были выдвинуты и обоснованы общие научно-методические принципы научного направления «Русский язык как иностранный» (РКИ) и специфические научно-методические прин-

ципы учебной лексикографии как особой научно-методической дисциплины.

Взаимосоотнесенность данных принципов может рассматриваться в качестве лингвометодической основы учебного лексикографирования независимо от типа конкретного словаря. Концепция лексико-синтаксического словаря для иностранных студентов разрабатывается на базе общего «Лексико-синтаксического словаря русского языка» с учетом системы принципов учебной лексикографии.

Принцип разнонаправленной избирательности, сформулированный в работах А.Е. Супруна [24. С. 46], дает возможность лексикографу избирательно и дифференцированно подойти к отбору включаемого в словарь материала, исходя из задач учебного словаря, представить в учебном словаре сведения, собранные авторами других специальных лексикографических изданий. Этот принцип соотносится с важнейшими особенностями учебного словаря – его комплексностью и универсальностью (см., например, [25. С. 116–117]). В нем для иностранного учащегося должны быть отобраны и представлены данные из словарей различного типа: толковых, идеографических, энциклопедических; словарей сочетаемости и словарей синонимов и т.д. В учебном лексико-синтаксическом словаре в согласии с этими принципами будут использованы, прежде всего, данные «Лексико-синтаксического словаря русского языка», а также материалы толковых, идеографических, семантических и ряда учебных словарей.

В настоящее время в отечественной лексикографии реализуются два ведущих принципа: системоцентрический и антропоцентрический, каждый из которых, несмотря на их определенную разнонаправленность, должен быть учтен и в учебном лексикографировании.

Принцип системности реализуется в учебном лексико-синтаксическом словаре, вслед за общим «Лексико-синтаксическим словарем русского языка», в результате экспликации явления координативности элементов синтаксической и лексической подсистем. Это предполагает введение системообусловленных характеристик слова, какой является информация о грамматических особенностях, касающихся: а) морфологии опорного (контактного) слова, в частности фиксации ограничения парадигмы глагольного слова, например, безличной формой: [ХОТЕТЬСЯ_{3s/n}], (ЧТОБЫ...); б) синтаксических

требований, например использовать в придаточной части инфинитивную конструкцию или сказуемое в форме прошедшего времени на -л: [ОСТЕРЕГАТЬСЯ], [ЧТОБЫ НЕ...] }^(Vconj / Inf) и т.д.

Принцип антропоцентричности, ориентирующий на понимание языка как принадлежности сознания человека, является доминирующим в современной как общей, так и учебной лексикографии (В.В. Морковкин [15, 21], Д.Б. Гудков [26] и др.), отражается в учете «фактора адресата».

С «фактором адресата» непосредственно связан вопрос о языковой компетенции учащихся – один из центральных в преподавании русского языка как иностранного, приобретающий в учебной лексикографии статус *языковой компетенции адресата словаря*. Интерпретации содержания коммуникативной компетенции, предлагаемые лингвистами и методистами, различны, однако общепринятым является признание ее комплексного характера. В привлекающей внимание концепции Л.П. Крысина [27] навык владения языком связывается с несколькими уровнями. В рамках данной концепции (учебный лексико-синтаксический словарь будет ориентирован на формирование знаний, необходимых для «владения языком» на продвинутом этапе обучения) знания будут включать: 1) собственно лингвистический уровень (лексические и грамматические знания); 2) ситуативный уровень (на его формирование будет направлен комплекс функционально-стилистических помет); 3) национально-культурный уровень (формированию которого будут способствовать отбор иллюстративного материала из произведений русской художественной литературы и публицистики).

Антропоцентрическая установка учебного словаря, его направленность на формирование коммуникативной компетенции, предполагающей корректное использование изучаемого языка в каждой конкретной речевой ситуации, обуславливают прагматическую ориентацию всех сегментов и зон словарной статьи, что позволяет включить в словарную статью учебного лексико-синтаксического словаря следующие характеристики, отражающие различные уровни коммуникативной компетенции: *синтаксическую* (с помощью включения примеров типичных моделей СПП), *грамматическую* (в виде присловных грамматических помет), *фонетико-акцентологическую* (с помощью постановки ударения), *лексическую* (в виде расширенного толкования, включающего большее число сем), *стилистиче-*

скую и ситуативную (в виде функционально-стилистических помет, отражающих специфику речевой ситуации), энциклопедическую (страноведческую) и национально-культурную (с помощью введения культуроинформативного и тематически ценного иллюстративного материала). Поскольку корпус лексико-синтаксических конструкций связан с отображением «картины мира» человека (ЛС-модели, отображающие мыслительную, познавательную деятельность человека; ЛС-модели, отображающие речевую деятельность; ЛС-модели, отображающие эмоциональный мир; ЛС-модели, отображающие поведение человека), это дает возможность введения чрезвычайно разнообразной информации.

Одним из специфических научно-методических принципов учебной лексикографии следует назвать *принцип ориентации на словарь «активного типа»* ([15, 16, 21, 28] и др.), предназначенных, в отличие от словарей *пассивного типа* (цель которых в основном обеспечить узнавание и понимание текста), для порождения речевого произведения.

В отношении адресата-иностранца достижение указанной цели не только диктует появление словаря нового типа, но и определяет частные конкретные решения, касающиеся объема и структуры словаря, а также особенностей подачи материала в словарной статье.

По мнению А.Н. Тихонова, «только полнота сведений о слове может делать словарь пособием активного типа» [25. С. 117], тем не менее, как уже отмечалось выше, комплексность учебного словаря осуществляется не в результате объективного описания всех особенностей лексикографируемой единицы языка, хотя и базируется на них, а во многом благодаря действию принципа *разнонаправленной избирательности*, выражающего интересы адресата словаря. С одной стороны, данный принцип, представляя собой необходимый инструмент учебной избирательности, помогающий преодолеть излишнюю перегруженность учебного словаря, дает возможность составителю редуцировать или опускать некоторые зоны, традиционно выделяемые в составе словарной статьи, с другой стороны, он диктует необходимость повышения значимости тех аспектов в характеристике слова, которые являются актуальными для презентации словарных единиц в иностранной аудитории и способствуют их более эффективному усвоению и использованию.

Жанр учебного словаря накладывает на структуру словарной статьи дополнительный спектр усложняющих ее параметров. Важный вопрос формирования лексической компетенции в учебном словаре касается приёмов толкования, связанных с проблемой адекватного восприятия сложных языковых единиц. Под учебным *толкованием*, или *семантизацией* слова, понимают текст, устраняющий неопределённости относительно значения слова [21]. Ведущую роль в семантизации играет обнаружение главного компонента значения слова, определяемого авторами работ по учебной лексикографии как «абсолютная ценность слова» [15. С. 109; 16. С. 157].

Разработанные в общей лексикографии приемы толкования, по мнению методистов, не решают всех вопросов, связанных с проблемой *учебного толкования*, призванного способствовать наиболее эффективному усвоению слова иностранными студентами и направленного на формирование у них лексической компетенции. Как уже отмечалось, конечной целью обучения иностранных студентов, находящихся на продвинутом этапе обучения, а также студентов-филологов, на которых в первую очередь будет ориентирована вторая часть (или второй выпуск) лексико-синтаксического словаря, является формирование языковой компетенции, «сопоставимой с языковой компетенцией носителей русского языка» [29. С. 67]. В связи с этим в толковании значения слов по возможности должна быть отражена «действительная лексическая компетенция носителей русского языка» [29. С. 68]. Такой подход к понятию лексической компетенции предполагает, что учебное толкование должно быть ориентировано на отражение гораздо большего числа сем, всесторонне характеризующих объект номинации, чем это происходит в общих толковых словарях русского языка, например:

ВОРЧАТЬ: Говоря раздраженным тоном, негромко и неотчетливо выражать неудовольствие, досаду и т.п. (общий словарь).

ВОРЧАТЬ: На протяжении какого-то промежутка времени выражать недовольство чем-либо или кем-либо, говоря негромко и монотонно и ни к кому конкретно не обращаясь (учебный словарь).

Таким образом, если в первом толковании отражены в основном ядерные семы, то в толковании, предлагаемом в качестве учебного,

зафиксированы и «не основные» семы, являющиеся, однако, отражением лексической компетенции носителей русского языка¹.

При создании учебного лексико-синтаксического словаря будут учтены как принцип *доступности*, так и принцип *последовательности*, на основе которых отбирается и организуется учебный материал. В соответствии с ними осуществляется разработка структуры, учитывающей начальный и продвинутой этапы обучения русскому языку (сертификационные уровни В1 и В2).

Объем списка лексем, выступающих в роли лексического компонента контактных рамок, для продвинутого этапа обучения должен регулироваться критериями отбора, соответствующими задачам учебных словарей [31]. Отбор материала для учебного словаря обычно регулируют традиционно выделяемые критерии синхронности и частотности, учебной ценности слов, их системных лексических и словообразовательных связей, тематической ценности, а также критерий стилистической отмеченности слова, предполагающий «неагрессивную» стилистическую окраску, т.е. отсутствие жаргонной или узкоспециальной и т.п. маркированности ([16, 25] и др.). Согласно *принципу синхронности* в иллюстративный материал словаря не будут включены примеры употребления лексико-синтаксических конструкций, зафиксированные ранее XIX в., например: [УВЕДАТЬ], (ЧТО...) |^{устар.}; [НАВЕТКИ], (ЧТО...) |^{устар.}

Принцип *компрессии и минимизации языка* активно используется, прежде всего, при формировании реестра единиц, организующих «вход» словарной статьи. Тем не менее в ЛС-модели, имеющей комбинированный характер, важная роль принадлежит опорной (контактной) лексеме и ее семантике.

Отбор языковых единиц для учебного словаря непосредственно связан с понятием лексического минимума словаря [32–35], который, по мнению В.В. Морковкина, должен включать необходимый лексический запас, позволяющий учащимся в общих чертах понимать тексты учебного характера, – в дальнейшем он служит основой формирования более полного лексикона [36]. Поскольку обучение языку – динамический процесс, естественно иметь в виду разные

¹ Дополнительные семантические признаки, использованные в тексте учебных толкований, были взяты из «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», созданного под общим руководством Ю.Д. Апресяна [30].

этапы его постижения. Таким образом, речь должна идти о словниках различного объема, размер которых определяется уровнем владения языком, с одной стороны, и типом словаря (малый, средний и большой; краткий или относительно полный) – с другой.

Реализация *принципа компрессии и минимизации языка*, предполагающая сокращение количества словарных статей по сравнению с базовым словарем, может быть связана с рассмотрением состава ЛС-моделей в ракурсе поля (упорядоченного множества) с выявлением центра (ядра) и периферии. Принципиальная ориентация на сертификационные уровни определяет градацию центр vs периферия для каждого уровня, а потому и возможность «строєвых» отношений между уровнями.

«Центр» корпуса лексико-синтаксических моделей СПП, релевантный для первого сертификационного уровня, формируют не только более частотные ЛС-модели, но и не имеющие специфических ограничений лексического (семантического), стилистического, морфологического и синтаксического характера.

Однако на продвинутом уровне используется *функционально-стилистический* принцип обучения РКИ, согласно которому иностранные студенты получают возможность дифференцировать разговорную, книжную, публицистическую и т.п. разновидности русской литературной речи (см., например: [19, 25, 37]), что прежде всего обуславливает расширение объема иллюстрирующего материала за счет последовательного введения высказываний, извлеченных из текстов разной функциональной принадлежности. Что касается стилистического маркирования моделей, необходимо отметить, что включение в состав учебного словаря таких моделей, как [ПРОСИТЬ], (ДАБЫ...)^{устар.}; [ВЯКАТЬ], (ЧТО...)^{прост.}, весьма проблематично, поэтому использование системы функционально-стилистических помет будет носить ограниченный характер.

В соответствии с принципом *методической целесообразности* при создании учебного словаря лексико-синтаксических конструкций в методических целях представляется возможным расширить его, включив наряду с моделями изъяснительных предложений явно и последовательно представленные модели местоименно-соотносительных предложений вмещающего типа, прежде всего содержащих соотносительное слово (указательное местоимение) в форме творительного падежа, как, например, [ИЗВЕСТНЫЙ ТЕМ],

(ЧТО...), [КОНЧИТЬСЯ ТЕМ], (ЧТО). Лексикализованные конструкции, включая соотносительные слова (указательные местоимения в главной части), как и содержащие эти компоненты в качестве факультативных синтаксические варианты ЛС-моделей изъяснительного предложения (см. подробнее в статьях М.Я. Дымарского, например [38. С. 84–118]), составляют «среду» изъяснительных предложений и являются одной из причин многочисленных ошибок.

Структура учебного лексико-синтаксического словаря существенно отличается от словаря общего типа, что находит проявление, по меньшей мере, в следующем. Во-первых, в композиционном членении на части (книги), соответствующие сертификационным уровням В1 и В2. Ориентация на уровни освоения языка предполагает специфическую структуру словаря, следующую принципу «матрешки»: «центр» более высокого уровня, например второго сертификационного (В2), вбирает в себя «периферию» более низкого уровня (В1). Во-вторых, в композиционном членении на алфавитную и идеографическую части. При небольшом количестве моделей на начальном этапе алфавитный принцип вполне удовлетворяет, однако на продвинутом этапе предполагается использование идеографического (тематического) подхода, существенно упрощающего для иностранцев пользование словарем. Предпосылку классификации, релевантной для реализации учебных целей, создают словари идеографического типа, в первую очередь «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [39], а также выполненные в рамках единой авторской концепции толковые словари под общей редакцией Л.Г. Бабенко [40]. Типология предложений вмещающего типа, в отличие от изъяснительных, отличающихся чрезвычайным разнообразием, потребовала специального исследования – оно было осуществлено Г.М. Васильевой [41].

Создание учебных словарей – одно из основных направлений методики РКИ. Их отсутствие – в данном случае речь идет о синтаксических словарях – не может не сказываться в практике обучения русскому языку и потому представляет актуальную задачу учебной лексикографии.

Следование основным принципам учебной лексикографии позволит создать комплексный учебный словарь активного типа, обладающий выраженными чертами антропоцентризма и направленный

на формирование комплексной коммуникативной компетенции иностранных студентов продвинутого этапа обучения.

Литература

1. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. – М.: Азбуковник, 2009. – 1087 с.
2. *RULEC* (Russian Learner Corpus, Русский учебный корпус). – URL: <http://www.web-corpora.net/RLC/rulec>
3. *Ильенко С.Г.* Теоретические и прагматические предпосылки словаря // Ильенко С.Г., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 3–26.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е, изд., доп. – М.: Азъ, 2009. – 955 с.
5. *Красных В.И.* Русские глаголы и предикативы: Словарь сочетаемости. – М.: Арсис лингва, 1993. – 226 с.
6. *Русская грамматика.* – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
7. *Левина И.Н., Филиппова Е.Д.* Лексико-синтаксические модели с краткими прилагательными и категорией состояния в роли контактных слов // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте. – СПб., 2008. – С. 323–343.
8. *Малышев Г.Г.* Глагол всему голова: учебный словарь русских глаголов и глагольного управления для иностранцев. – Вып. 1: Базовый уровень. – СПб.: Златоуст, 2005. – 144 с.; Вып. 2: Первый сертификационный уровень. – СПб.: Златоуст, 2006. – 448 с.
9. *Скворцова Г.Л., Чумакова Г.Н.* Русские глаголы: Тетрадь-словарь студента-иностранца. Первый сертификационный уровень. – 2-е изд. – М.: Рус. яз. курсы, 2007. – 200 с.
10. *Ильенко С.Г.* О лингвистических основах школьного курса синтаксиса // Обучение русскому языку в 7–8 классах. – М., 1973. – С. 6–36.
11. *Ильенко С.Г.* Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1964. – Ч. 3. – 993 с.
12. *Ильенко С.Г., Левина И.Н.* Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 440 с.
13. *Левина И.Н.* Словарное описание идиолекта М.В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение // Филологическое наследие М.В. Ломоносова. – СПб., 2013. – С. 317–360.
14. *Ильенко С.Г.* Коммуникативно-структурная природа сложного предложения и проблема его лексикографического описания // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте. – СПб., 2008. – С. 9–43.
15. *Морковкин В.В.* О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М., 1986. – С. 102–117.

16. Бархударов С.Г., Новиков Л.А. Каким должен быть учебный словарь? // Русский язык за рубежом. – 1971. – С. 46–53.
17. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: век нынешний и век минувший. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – 571 с.
18. Богачева Г.Ф. Толкование слова применительно к общему и учебному толковым словарям // Учебники и словари в системе средств обучения русского языка как иностранного. – М., 1986. – С. 157–167.
19. Денисов П.Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 208–211.
20. Катлинская Л.П. Особенности лексикографического описания производных слов // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 86–89.
21. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 131–136.
22. Скляревская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб., 1995. – С. 15–23.
23. Сороколетов Ф.П. К проблеме создания словаря собственно современного русского литературного языка // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб., 1995. – С. 4–14.
24. Супрун А.Е. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике. – М., 1978. – С. 46–53.
25. Тихонов А.Н. Проблемы составления толкового словаря русского языка для национальных республик // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 114–119.
26. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 118 с.
27. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык. Культура. Этнос. – М., 1994. – С. 66–78.
28. Гак В.Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 119–126.
29. Стернин И.А. Системное значение слова и его реализация в речи // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984. – С. 66–73.
30. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. – Вып. 2. – 487 с.
31. Васильева Г.М. Учебный лексико-синтаксический словарь для иностранных студентов: проблемы организации словника // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 4. – С. 251–255.
32. Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь: [10000 лексических единиц] / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1984. – 1167 с.
33. Лексические минимумы современного русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1985. – 608 с.

34. *Лексический минимум по русскому языку как иностранному: первый сертификационный уровень. Общее владение* / сост. Н.П. Андрияшина (отв. ред.) и др. – 3-е изд. – СПб.: Златоуст, 2011. – 162 с.
35. *Лексический минимум по русскому языку как иностранному: второй сертификационный уровень. Общее владение* / сост. Н.П. Андрияшина (отв. ред.) и др. – 3-е изд. – СПб.: Златоуст, 2011. – 195 с.
36. Морковкин В.В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 28–37.
37. Ким С.С.-Д. Вопросы комплексной разработки типовой русской части для русско-национальных словарей // Вopr. языкознания. 1981. № 5. С. 39–54.
38. Дымарский М.Я. Функционирование соотносительных слов в изъяснительных конструкциях // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте. СПб., 2008. – С. 84–118.
39. *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т.* / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: Ин-т рус. яз., 2003. – 629 с.; Т. 4. – М.: Азбуковник: Ин-т рус. яз. РАН, 2007. – 922 с.
40. *Словарь-тезаурус прилагательных русского языка, распределенных по тематическим группам* / под ред. Л.Г. Бабенко. – 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 864 с.
41. Васильева Г.М. К вопросу о тематической классификации лексики, выступающей в роли опорных слов в местоименно-соотносительных предложениях вменяющего типа // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): Материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб., 2013. – С. 370–376.

A LEXICO-SYNTACTIC DICTIONARY OF COMPLEX SENTENCES FOR FOREIGN STUDENTS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GUIDELINES

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 5–23.

DOI: DOI: 10.17223/22274200/12/1

Galina M. Vasileva, Irina N. Levina, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: galinav44@mail.ru / iri555007@yandex.ru

Keywords: educational lexicography, syntax, complex sentence, explanatory sentence, lexico-syntactic model of sentence, Russian as foreign language.

The theoretical and methodological foundations of the project of an educational lexico-syntactic dictionary for foreign students are analysed in this article in detail. The descriptive unit is the lexico-syntactic model of the [*pisat'*], [*chto* ...] [write (that ...)] type. However, the creation of an educational dictionary addresses a range of tasks connected with (1) the theory of syntax of the complex sentence and (2) lexicography issues, both of which should be significantly updated in relation to the recipient and the objectives of the publication.

Suggested solutions are based both on scientific and methodological principles of educational lexicography (multidirectional selectiveness, orientation towards dictionaries of the active type, consideration of the recipient's specifics) and on the principles of Rus-

sian as a foreign language inseparably associated with them: synchronism, comprehensibility and consistency, compression and minimisation of language as well as methodological relevance.

When creating an educational dictionary of lexico-syntactic constructions with a focus on methodology, it seems appropriate to supplement it and add the most explicitly and consistently presented models of pronominal-correlative sentences of the enclosing type, particularly those containing a correlative word (demonstrative pronoun) in the instrumental case, e.g., [*izvestnyy tem*], (*chto* . . .) [famous for the fact that . . .], along with models of explanatory sentences.

The research perspective addresses questions not only connected with the notions of centre / periphery / sphere of explanatory sentences (their correlation with other types of complex sentences, particularly the pronominal-correlative of the “enclosing” type), but also with the ideographic classification of support (contact) words.

Consideration of the “recipient factor” determines the specifics of the dictionary content and its structure. The structure of a lexico-syntactic dictionary for foreign students has to have two essential compositional levels that are manifested in its sections: (1) on the basis of the language competence level that is oriented at certification levels, (2) on the basis of alphabetical and ideographic (thematic) distribution of units.

Adherence to the major principles of educational lexicography will allow developing a complex educational dictionary of that active type that would have characteristic traits of anthropocentrism and be aimed at the formation of a complex communicative competence of foreign students of an advanced level of studies.

References

1. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Frequency Dictionary of Modern Russian on the materials of the Russian National Corpus]. Moscow: Azbukovnik.
2. RULEC (*Russian Learner Corpus*). [Online] Available from: <http://www.web-corpora.net/RLC/rulec>. (In Russian).
3. Il'enko, S.G. (2007) Teoreticheskie i pragmaticheskie predposylki slovary [Theoretical and pragmatic preconditions of the dictionary]. In: Il'enko, S.G. & Levina, I.N. *Leksiko-sintaksicheskiy slovar' russkogo yazyka: modeli slozhnopodchinennogo predlozheniya* [Lexico-syntactic dictionary of the Russian language: models of the complex sentence]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
4. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2009) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Az'.
5. Krasnykh, V.I. (1993) *Russkie glagoly i predikativy. Slovar' sochetaemosti* [Russian verbs and predicatives. Compatibility dictionary]. Moscow: Ars is lingva.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
7. Levina, I.N. & Filippova, E.D. (2008) Leksiko-sintaksicheskie modeli s kratkimi prilagatel'nymi i kategoriei sostoyaniya v roli kontaknykh slov [Lexico-syntactic models with short adjectives and with the category of state in the role of contact words]. In: Il'enko, S.G. (ed.) *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v leksikograficheskom aspekte*

[Complex sentences in the lexicographic aspect]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

8. Malyshev, G.G. (2005) *Glagol vsemu golova: uchebnyy slovar' russkikh glagolov i glagol'nogo upravljeniya dlya inostrantsev* [The verb is the head to everything: an educational dictionary of Russian verbs and verb government for foreigners]. Is. 1. St. Petersburg: Zlatoust.

9. Skvortsova, G.L. & Chumakova, G.N. (2007) *Russkie glagoly. Tetrad'-slovar' studenta-inostrantsa. Pervyy sertifikatsionnyy uroven'* [Russian verbs. Notebook-dictionary of a student-foreigner. The first certification level]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

10. Il'enko, S.G. (1973) O lingvisticheskikh osnovakh shkol'nogo kursa sintaksisa [On the linguistic basis of the school course of syntax]. In: Babaytseva, V.V. (ed.) *Obucheniye russkomu yazyku v 7–8 klassakh* [Teaching the Russian language in grades 7 & 8]. Moscow: APS USSR.

11. Il'enko, S.G. (1964) *Voprosy teorii slozhnopodchinennogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Questions of the theory of the complex sentence in modern Russian]. Philology Dr. Diss. Part 3. Leningrad.

12. Il'enko, S.G. & Levina, I.N. (2007) *Leksiko-sintaksicheskiy slovar' russkogo yazyka: modeli slozhnopodchinennogo predlozheniya* [A lexico-syntactic dictionary of Russian: models of the complex sentence]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

13. Levina, I.N. (2013) Slovarnoye opisanie idiolekta M.V. Lomonosova na sintaksicheskoy urovne: iz'yasnitel'noye predlozheniye [Dictionary description of M.V. Lomonosov's idiolect at the syntactic level: an explanatory sentence]. In: Bukharkin, P.E., Volkov, S.S. & Matveev, E.M. (eds) *Filologicheskoye nasledie M.V. Lomonosova* [Philological heritage of M.V. Lomonosov]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. pp. 317–360.

14. Il'enko, S.G. (2008) Kommunikativno-strukturnaya priroda slozhnogo predlozheniya i problema ego leksikograficheskogo opisaniya [Communicative-structural nature of the complex sentence and the problem of its lexicographic description]. In: Il'enko, S.G. (ed.) *Slozhnopodchinennoye predlozheniye v leksikograficheskom aspekte* [Complex sentences in the lexicographic aspect]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

15. Morkovkin, V.V. (1986) O bazovom leksikograficheskom znaniy [On the basic lexicographic knowledge]. In: Morkovkin, V.V. & Trushina, L.B. (eds) *Uchebniki i slovni v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Textbooks and dictionaries in the system of means of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkiy yazyk.

16. Barkhudarov, S.G. & Novikov, L.A. (1971) Kakim dolzhen byt' uchebnyy slovar'? [What should a learner dictionary be like?]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 3. pp. 46–53.

17. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) *Russkaya leksikografiya: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Russian lexicography: the present century and the past century]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

18. Bogacheva, G.F. (1986) Tolkovanie slova primenitel'no k obshchemu i uchebnomu tolkovym slovaryam [Interpretation of the word with reference to general and educational explanatory dictionaries]. In: Morkovkin, V.V. & Trushina, L.B. (eds) *Uchebniki i slovni v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Textbooks and

dictionaries in the system of means of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkiy yazyk.

19. Denisov, P.N. (1977) Ob universal'noy strukture slovarnoy stat'i [On the universal structure of the dictionary entry]. In: Red'kin, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical issues of educational lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk.

20. Katlinskaya, L.P. (1988) Osobennosti leksikograficheskogo opisaniya proizvodnykh slov [Features of the lexicographic description of derivative words]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka.

21. Morkovkin, V.V. (1988) Antropotsentricheskii versus lingvotsentricheskii podkhod k leksikografirovaniyu [Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicography]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka.

24. Suprun, A.E. (1978) Nekotorye svoystva uchebnogo slovary i slovar' dlya obuchayushchego [Some properties of the learner dictionary and the dictionary for the educator]. In: Denisov, P.N. & Morkovkin, V.V. (eds) *Problemy uchebnoy leksikografii i obuchenie leksike* [Problems of educational lexicography and of teaching vocabulary]. Moscow: Russiy yazyk.

25. Tikhonov, A.N. (1988) Problemy sostavleniya tolkovogo slovarya russkogo yazyka dlya natsional'nykh respublik [Problems of compiling an explanatory dictionary of the Russian language for national republics]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka.

26. Gudkov, D.B. (2000) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: problemy obucheniya* [Intercultural communication: the problems of learning]. Moscow: Moscow State University.

27. Krysin, L.P. (1994) Vladenie yazykom: lingvisticheskii i sotsiokul'turnyy aspekty [Language proficiency: linguistic and sociocultural aspects]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Etnos* [Language. Culture. Ethnos]. Moscow: Nauka.

28. Gak, V.G. (1988) Problema sozdaniya universal'nogo slovary (entsiklopedicheskii, kul'turno-istoricheskii i etnolingvisticheskii aspekty) [The problem of creating a universal dictionary (encyclopedic, cultural-historical and ethnolinguistic aspects)]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka.

29. Sternin, I.A. (1984) Sistemnoe znachenie slova i ego realizatsiya v rechi [Systemic meaning of the word and its representation in speech]. In: Timofeev, K.A. (ed.) *Ekspressivnost' na raznykh urovnyakh yazyka* [Expressivity at different levels of the language]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

30. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2000) *Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [A new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Is. 2. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

31. Vasil'eva, G.M. (2012) Uchebnyy leksiko-sintaksicheskii slovar' dlya inostrannykh studentov: problemy organizatsii slovnika [Learner lexico-syntactic diction-

ary for foreign students: problems of the organization of the glossary]. *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian Vector*. 4. pp. 251–255.

32. Morkovkin, V.V. (ed.) (1984) *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka: kompleksnyy uchebnyy slovar': [10000 leksicheskikh edinits]* [Lexical basis of the Russian language: a comprehensive educational dictionary: [10,000 lexical units]]. Moscow: Russkiy yazyk.

33. Morkovkin, V.V. (ed.) (1985) *Leksicheskie minimumy sovremennogo russkogo yazyka* [Lexical minimums of the modern Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.

34. Andryushina, N.P. (ed.) (2011) *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu: pervyy sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie* [The lexical minimum in Russian as a foreign language: the first certification level. General knowledge]. 3rd ed. St. Petersburg: Zlatoust.

35. Andryushina, N.P. (ed.) (2011) *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu: vtoroy sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie* [The lexical minimum in Russian as a foreign language: the second certification level. General knowledge]. 3rd ed. St. Petersburg: Zlatoust.

36. Morkovkin, V.V. (1977) *Uchebnaya leksikografiya kak osobaya lingvometodicheskaya distsiplina* [Educational lexicography as a special linguomethodological discipline]. In: Red'kin, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical issues of educational lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk.

37. Kim, S. S.-D. (1981) *Voprosy kompleksnoy razrabotki tipovoy russkoy chasti dlya russko-natsional'nykh slovarey* [Questions of the complex development of a typical Russian part for Russian-national dictionaries]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 39–54.

38. Dymarskiy, M.Ya. (2008) *Funktsionirovanie sootnositel'nykh slov v iz'yasnitel'nykh konstruktivnykh* [Functioning of correlative words in explanatory constructions]. In: Il'enko, S.G. (ed.) *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v leksikograficheskoy aspekto* [Complex sentences in the lexicographic aspect]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

39. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2003) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy. V 6 t.* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematised by classes of words and meanings. In 6 vols]. Vol. 3. Moscow: IRL RAS.

40. Babenko, L.G. (ed.) (2012) *Slovar'-tezaurus prilagatel'nykh russkogo yazyka, raspredelennykh po tematicheskim gruppam* [Dictionary-thesaurus of adjectives of the Russian language, distributed according to thematic groups]. 2nd ed. Ekaterinburg: Ural State University.

41. Vasil'eva, G.M. (2013) [On the issue of the thematic classification of vocabulary acting as supporting words in pronominal-correlative sentences of the enclosing type]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko)* [Word. Dictionary. Literature: Communication. Text. Syntax (to the 90th anniversary of the birth of S.G. Il'enko)]. Materials of the all-Russian conference. St. Petersburg. 13–15 November 2013. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 370–376. (In Russian).

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374.73+811.161.1'28

DOI: 10.17223/22274200/12/2

С.С. Земичева

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ¹

Представлена концепция диалектного словаря нового типа: электронного тезауруса, создаваемого на материале речи носителя сибирского старожильческого говора. Описаны задачи создания словаря, принципы отбора материала, общая структура (синописис) и структура словарной статьи. Обосновывается выбор электронного формата словаря. Выявляется новизна данного лексикографического ресурса на фоне существующих и проектируемых идеографических словарей русского литературного языка и диалектной речи.

Ключевые слова: идеографический словарь, диалектная языковая личность, сибирские говоры, электронная лексикография.

Несмотря на активное развитие лексикографии в течение ХХ–ХХІ вв., словарей идеографического типа относительно мало, несравненно меньше по количеству, чем традиционных толковых словарей, что связано с общим преобладанием в лингвистике семасиологических исследований над ономасиологическими.

Среди идеографических словарей представлены словари русского литературного языка, диалекта, идиолекта писателя. Так, на материале литературного языка созданы «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой [1], «Русский идеографический словарь» [2], «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова [3], ряд идеографических словарей отдельных частей речи под ред. Л.Г. Бабенко [4–6], «Функционально-когнитивный словарь русского языка» под общ. ред. Т.А. Кильдибековой [7], «Тематический словарь» В.В. Морковкина [8]; «Толково-понятийный» словарь А.А. Шушкова [9].

В диалектной лексикографии идеографический тип словарей является ещё более редким. К таковым относятся словарь Г.А. Ракова,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02043).

включающий диалектную и общерусскую лексику говора с. Нарым Томской области [10. С. 73]. К типу дифференциальных (собственно диалектных) идеографических словарей принадлежат «Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Урала» О.В. Вострикова [11], «Тематический словарь говоров Тверской области» [12]. Проекты диалектных идеографических словарей в электронном формате разрабатываются в МГУ под руководством Е.А. Нефёдовой [13], в Омском государственном университете под руководством М.А. Харламовой [14].

Среди идеографических словарей языка писателя наиболее известен словарь языка Ф.М. Достоевского под редакцией Ю.Н. Караулова [15–16]; аналогичный проект разрабатывается на материале произведений И.С. Тургенева [17]. Е.А. Слободян создан электронный идеографический словарь поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (на польском языке) [18].

Речь рядовых носителей языка в идеографическом аспекте представлена в словаре, составленном Е.Н. Гуц. Его можно условно назвать «словарём подростка», так как основными информантами были представители данной социально-возрастной группы. Словарь ограничен рамками одного семантического поля («Человек») [19].

Создаваемый автором статьи электронный «Идеографический словарь диалектной языковой личности» вписывается, с одной стороны, в круг электронных диалектных словарей, с другой – будет первым идеографическим словарём, комплексно представляющим речь конкретного индивида. Этот ресурс создаётся на базе изданного толкового словаря диалектной языковой личности [20], фиксирующего речь Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), коренной жительницы с. Вершинино Томской области, носителя сибирского старожильского говора.

Как ясно из представленного выше обзора, лексикографические источники, объединённые понятием «идеографический словарь» и близким к нему «тематический словарь», многообразны и для выявления специфики каждого из них необходимы дополнительные признаки. В качестве таковых могут выступать: 1) цель; 2) принципы отбора материала и состав словника; 3) формат представления данных (электронный/бумажный); 4) принципы организации материала (макроструктура словаря); 5) структура словарной статьи (микроструктура). Охарактеризуем существующие идеографические слова-

ри и проектируемый «Идеографический словарь диалектной языковой личности» по этим параметрам.

1. Цель. Цель создания идеографического словаря может быть практической, учебной или исследовательской (в зависимости от адресата). Традиционная практическая цель использования идеографического словаря формулируется так: «...помогать читателю создавать собственные речевые произведения. <...> Содействовать читателю в наиболее точном словесном выражении и правильном грамматическом оформлении того, что он хочет сказать» [8. С. 8–9]. Такой словарь является активным и адресуется школьникам, студентам, преподавателям, журналистам [Там же]. Кроме того, идеографические словари полезны и весьма востребованы при изучении иностранного языка (так, на иностранцев, овладевающих русским языком, ориентирован словарь А.А. Шушкова [9]).

В рамках исследовательских целей с помощью идеографических словарей осуществляется, прежде всего, изучение языковой картины мира. При этом у учёных нет единого мнения о том, каким образом идеографический словарь способствует достижению данной цели. Можно выделить несколько подходов, которым соответствуют разные типы словарей. Первый – сопоставительное исследование языков, реализуемое через составление двуязычного или многоязычного словаря [21]¹.

Второй подход – исследование языка посредством ключевых концептов – отражён в так называемом идеологическом словаре. Самыми известными примерами служат «Русский идеографический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой [2], а также идиоглоссарий Ф.М. Достоевского [15, 16]. Для составления словарей подобного типа выбирается небольшое число наиболее значимых, концептуально важных единиц, которые получают подробное описание. Ограничение в составе словника позволяет расширить иллюстративную зону, включить в словарь большое число контекстов, демонстрирующих сочетаемость слова, а также дополнительную энциклопедическую и культурную информацию.

Примером такого издания, созданного на диалектном материале, является словарь О.В. Вострикова [11]. К этому же типу принадле-

¹ Обзор многочисленных словарей этого плана остался за рамками данной статьи.

жат вышеупомянутые проекты диалектных идеографических словарей. Так, в МГУ разрабатывается электронный идеографический словарь «От Архангельска до Яренска: путешествие по Русскому Северу». Для его создания используется Wiki-движок; планируется включение мультимедиафайлов, дополнение материалов этнолингвистическим комментарием [13]. В Омском государственном университете создаётся электронный словарь Среднего Прииртышья, названный понятийно-тематическим. В него предполагается включить этимологические и энциклопедические данные [14]. К лингвокультурологическому типу относится также словарь «Славянские древности» [22]. Несмотря на то что словарные статьи в нём организуются по алфавитному принципу, они легко группируются и на тематической основе («животные», «растения», «цвета», «месяцы», «обряды», «части тела», «предметы» и др.).

В рамках третьего подхода выделяется особый тип словарей – тезаурус, в котором средством репрезентации картины мира служит организация семантических полей. «С точки зрения идеографического (ономасиологического) описания языка, т.е. в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, лексику можно представить в виде системы взаимодействующих С<емантических> п<олей>, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира» (Weltbild), определяемую его внутренней формой» [23]. К этому типу принадлежит большинство идеографических словарей литературного языка, перечисленных в начале статьи.

По-видимому, наиболее существенным признаком разделения «идеологического словаря» и тезауруса является отношение к лексикографированию многозначных лексем. В идеологическом словаре рассматривается концепт, понимаемый как «неразрывная сочленённость семантической структуры слова – всех его значений – с тем единым понятием, которое обязательно присутствует за каждым из этих значений, иными словами, семантическая структура многозначного слова представляет собой не что иное, как содержательную основу концепта» [2. С. 3]. В тезаурусе единицей представления является слово как член семантической группы; классификация слов осуществляется на уровне лексико-семантического варианта.

Единственным известным нам диалектным словарём тезаурусного типа является «Диалектный идеографический словарь Нарымско-

го говора» Г.А. Ракова [10]. «Идеографический словарь диалектной языковой личности» также проектируется как словарь тезаурусного типа. По замыслу составителя, словарь преследует одновременно теоретическую и практические цели. Теоретическая задача – системное представление лексикона индивида, и в этом плане конечный продукт видится как наглядная целостная репрезентация языковой картины мира диалектоносителя. Практическая же цель состоит в том, что словарь может использоваться при написании учебных и научных работ разного уровня, посвящённых исследованию определённого семантического поля в диалектном идиолексиконе; при этом значительно экономится время на сбор материала, кроме того, электронная форма представления делает материал более интересным для молодых исследователей.

2. Принципы отбора материала. В большинстве рассмотренных идеографических словарей лексика отбирается по признаку актуальности, общеупотребительности слова. Особенностью идеографического словаря О.С. Баранова [3] является включение большого числа терминов в связи со стремлением составителя зафиксировать научную картину мира, в то время как в большинстве случаев в центре внимания лексикографов находится наивная картина мира.

Как правило, в идеографическом словаре фиксируются только самостоятельные части речи – глаголы, имена существительные, а также (выборочно) прилагательные, наречия, фразеологические обороты. В словаре под ред. Н.Ю. Шведовой [1] предполагалось лексикографирование служебных слов; к сожалению, вышли в свет лишь первые четыре тома, включающие местоимения, существительные, глаголы (в том числе ползузнаменательные, глаголы-связки); издание пятого и шестого томов, куда должны были войти наречия, прилагательные, числительные, а также служебные слова и междометия, пока не осуществлено. Планируется включение названных классов слов и в «Универсальный идеографический словарь» под ред. Л.Г. Бабенко [24].

В «Идеографический словарь диалектной языковой личности» отбираются, прежде всего, полнозначные единицы, зафиксированные в индивидуальном лексиконе, – имена существительные, имена прилагательные, глаголы (кроме связочных), слова категории состояния и наречия. Данные единицы не фильтруются по стилистическим признакам

и частотности, т.е. в словарь войдут общерусские, диалектные и просторечные единицы, частотные и редкие слова индивидуального лексикона. Такой подход обусловлен целью словаря, ориентированного на максимально полное представление идиолекта.

3. Формат. Большая часть рассмотренных словарей представлена в традиционной бумажной форме. «Диалектный идеографический словарь Нарымского говора» Г.А. Ракова, опубликованный в 1988 г., был назван «человеко-машинным» [10], при этом «машинный» принцип использовался для создания словаря, итоговый продукт представлен в бумажной версии. Диалектные идеографические словари в электронном формате пока находятся в стадии проектирования [13, 14]. Несомненным плюсом данных продуктов является использование таких возможностей компьютерного формата, как включение мультимедиа-файлов (фотографий информантов, местности и реалий; видеофрагментов) а также использование гиперссылок с целью навигации. Однако в обоих случаях речь идёт, по-видимому, об «идеологических» словарях (не тезаурусах).

Для идеографического словаря тезаурусного типа выбор электронного формата представления является, на наш взгляд, принципиальным. Разделяем точку зрения Д.О. Добровольского и А.Н. Баранова: «С формальной точки зрения Тезаурус представляет собой совокупность таксонов, упорядоченных по достаточно произвольным характеристикам. Это связано с тем, что естественно-языковая семантика в целом устроена не по «древесному» принципу, а по *сетевому* (выделено мною. – С.З.). Отдельные фрагменты лексической системы могут быть упорядочены в виде дерева – например, термины родства, названия цветов, овощей, фруктов, животных и пр. <...> Традиционные структуры тезаурусов в том виде, в котором они представлены в словарях Роже, Дорнзайфа, Халлига и Вартбурга, это компромисс – функция отображения сети в дерево, приводящая к неизбежным искажениям» [25. С. 392]. Для тезауруса, таким образом, электронный формат является оптимальным, в частности, благодаря возможности передать сетевую организацию лексики посредством гипертекста.

Эта возможность частично реализована при переводе в электронный формат «Идеографического словаря русского языка» О.С. Баранова. Словарь представлен в двух онлайн-версиях. В «Русском тезаурусе» [26] можно посмотреть общую

классификационную схему и алфавитный список заголовков статей, но отсутствует возможность сплошного поиска по всему тексту словаря. Поэтому чтобы найти, например, слово *берёза*, отсутствующее в алфавитном списке, нужно открыть вкладку «Растительный мир» и осуществить поиск на странице сайта (одновременным нажатием клавиш Ctrl+F). В результате можно выяснить, что слово входит в группу 168.2.11 «гамамелидиды» [26].

В версии этого словаря, представленной на сайте «Академик» [27], предусмотрен алфавитный указатель названий словарных статей и упрощённый поиск по ним (поисковая строка расположена на главной странице сайта). Основное достоинство данной версии – возможность перемещения от одной статьи к другой (гиперссылки). Например, в статье «дерево» указаны такие связанные понятия, как «растение», «ствол», «лес», кликнув по которым, можно посмотреть соответствующие статьи. Существенные минусы этой версии – отсутствие полнотекстового поиска (в результате найти в нём слово «берёза», не зная о принадлежности растения к подклассу гамамелидид, не представляется возможным), а также отсутствие общей классификационной схемы, лишаящее словарь наглядности. Совмещение двух вариантов этого словаря позволило бы в полной мере реализовать возможности электронного ресурса.

«Идеографический словарь диалектной языковой личности» создаётся в электронном виде. Готовый продукт будет представлять собой систему гиперссылок с названиями статей, которые можно развернуть по мере необходимости. Таким образом, иерархическая структура лексики отобразится в наглядной форме. Запланированы два типа навигации: поиск конкретного слова и поиск группы слов (семантического поля). Предполагается возможность фильтрации результатов (поиск только в названии группы – заголовке словарной статьи или поиск только в списке слов).

4. Макроструктура словаря. В качестве общих структурных элементов идеографического словаря на макроуровне можно выделить: 1) общую классификационную схему; 2) собственно словарь; 3) алфавитный указатель единиц. Общая схема классификации лексики в печатных изданиях, как правило, предшествует словарю и зачастую совпадает с оглавлением. Её просмотр позволяет судить о наличии тех или иных групп лексикона, степени их детализации. Этот элемент является желательным и при создании электронного

ресурса. Алфавитный указатель единиц помещается обычно в конце словаря и служит основным инструментом навигации по печатному изданию, отсутствие такого указателя затрудняет работу пользователя со словарём. В электронном формате этот элемент факультативен, если реализована возможность полнотекстового поиска, в нём нет необходимости. Сравнение идеографических словарей по наличию выделенных макроструктурных элементов представлено в таблице.

В проекте идеографического словаря диалектной языковой личности предусмотрена общая классификационная схема (гипертекстовое оглавление), алфавитный указатель отсутствует.

Структура идеографического словаря задаётся его синописом – общей иерархической схемой семантических полей. В проектируемом словаре за основу взята схема Г.А. Ракова, которая представляет собой вариант схемы Халлига-Вартбурга, приспособленной для диалектного материала [10. С. 246–254]. На первом уровне классификации выделяются три раздела: 1. «Вселенная». 2. «Человек». 3. «Человек и вселенная». Далее они членятся на подразделы (3.1. «Существование». 3.2. «Пространство». 3.3. «Время». 3.4. «Количество». 3.5. «Движение». 3.6. «Изменение». 3.7. «Причина. 3.8. «Восприятие» и др.), группы (3.2.1. «Расположение». 3.2.2. «Направление». 3.2.3. «Перемещение». 3.2.4. «Размер». 3.2.5. «Расстояние». 3.2.6. «Форма» и др.) и подгруппы (3.2.4.1. «Большой». 3.2.4.2. «Маленький»).

Для создания «Идеографического словаря диалектной языковой личности» многие фрагменты схемы, представленной в словаре Г.А. Ракова, были существенно переработаны. Отдельные подгруппы были перемещены (например, подгруппа «Беременность» перенесена из группы «Болезнь» в группу «Физическое состояние»); в некоторых случаях подгруппы упорядочены по иерархическому принципу (так, подгруппы «молоко», «мясо», «крупа» включены в состав подгруппы «пища»); добавлены новые подгруппы, в частности обозначения характера человека («добрый/злой», «весёлый», «безответственный»), эмоций («раздражение», «тревога», «удивление», «веселье», «облегчение») и др.; некоторые подгруппы («Ленин», «коммунизм») исключены.

Словарь	Макро-структура		Микроструктура		
	Схема классификации лексики	Алфавитный указатель	Толкование	Пометы	Контексты
«Универсальный идеографический словарь русского языка» / под общ. ред. Л.Г. Бабенко (проект)	+	+	+	+	+
«Русский семантический словарь» / под ред. Н.Ю. Шведовой (т. 1–4)	+	+	+	+	+
«Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова	+	+	+ ¹	+	min ²
Баранов О.С. РУССКИЙ ТЕЗАУРУС. Электронное издание. 2014 http://thesaurus.wallst.ru	–	+	+–	+	min
Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс]. http://ideographic.academic.ru	+	+	+–	+	min
«Функционально-когнитивный словарь русского языка» / под ред. Т.А. Кильдибековой	+	–	–	+	min
«Диалектный идеографический словарь Нарымского говора» Г.А. Ракова	+	–	–	–	–
«Идеографический словарь диалектной языковой личности» (проект)	+	–	–	–	+–

5. Структура словарной статьи. На микроуровне (уровне словарной статьи) существующие словари идеографического типа значительно отличаются друг от друга (см. таблицу). Так, в словарях под редакцией Н.Ю. Шведовой [1] и Л.Г. Бабенко [24] словарная статья включает толкования единиц, пометы и контексты их употребления, т.е. в целом соответствует статье толкового словаря, поэтому данные лексикографические продукты представляют собой

¹ Знак + – указывает, что толкование даётся выборочно, не всем словам.

² Условное обозначение min указывает, что контекст минимален (словосочетание, а не предложение, как в остальных случаях).

синтез толкового и идеографического словарей. В остальных случаях (словари под ред. О.С. Баранова [3], Т.А. Кильдибековой [7], Г.А. Ракова [10]) зоны толкования и контекстов отсутствуют или сведены к минимуму (демонстрируется только сочетаемость слова), т.е. словари представляют собой определённым образом упорядоченные списки слов и выражений. В словарях О.С. Баранова и Т.А. Кильдибековой используются специфические средства придания наглядности словарю: шрифтовые выделения; особое расположение слов на странице (место слова указывает, в частности, на его частеречную принадлежность). Общим структурным элементом всех идеографических словарей является последовательная иерархическая нумерация словарных статей.

Проектируемый «Идеографический словарь диалектной языковой личности» также принадлежит к словарям списочного, или тезаурусного, типа. Словарная статья включает: 1) числовой индекс; 2) наименование семантической группы; 3) перечень единиц, входящих в неё. Толкование слова и контексты его использования в словарную статью не входят, так как они представлены в опубликованном толковом словаре личности [20]. При многозначных словах указывается номер значения в соответствии с «Полным словарём диалектной языковой личности»; омонимы разграничиваются с помощью цифровых индексов. Метафорические значения имеют помету «переносное» (*перен.*). На данном этапе создана общая структурная схема «Идеографического словаря диалектной языковой личности» (выделено более 700 семантических подгрупп), в соответствии с ней распределены единицы из первого тома базового толкового словаря личности (отрезок А–З; около 4 тыс. единиц). Всего планируется осуществить лексикографирование не менее 14 тыс. единиц¹.

Сравнение существующих словарей по параметрам макро- и микроструктуры см. в таблице.

Таким образом, проект «Идеографического словаря диалектной языковой личности» в русле традиции томской диалектологической школы отражает основные тенденции современной лексикографии: антропоцентризм; ориентацию на фиксацию речи; представление

¹ Единицей в данном случае выступает отдельное значение слова (лексико-семантический вариант); аналогично понимается единица во всех словарях, включённых в таблицу.

смысловых отношений лексических единиц; современный электронный формат.

Идеографический словарь – это одновременно и способ представления картины мира диалектной языковой личности (и в этом смысле результат работы исследователя) и в то же время полезный инструмент для новых исследований.

Литература

1. *Русский семантический словарь*: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998–2007. – Т. 1–4.

2. *Русский идеографический словарь*: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2011. 1032 с.

3. *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.

4. *Толковый словарь русских глаголов*: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / авт.-сост. Л.Г. Бабенко [и др.]; пер. на англ. и подбор эквивалентов С.В. Гусев; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.

5. *Большой толковый словарь русских существительных*: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 864 с.

6. *Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределённых по тематическим группам* / [авт.-сост. Л.Г. Бабенко и др.]; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Проспект, 2014. – 224 с.

7. *Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира* / под общ. ред. Т.А. Кильдибековой. – М.: Гнозис, 2013. – 670 с.

8. *Тематический словарь русского языка*: ок. 25 000 слов / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин. – М.: Рус. яз., 2000. – 556 с.

9. *Толково-понятийный словарь русского языка*: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений / А.А. Шушков; Ин-т лингв. исслед. РАН. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во Аст»: ООО «Транзиткнига», 2003. – 768 с.

10. *Раков Г.А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 131–254.

11. *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области: в 5 вып. – Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2000. – Вып. 1–5.

12. *Тематический словарь говоров Тверской области*: в 5 вып. / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. – Тверь: Золотая буква, 2002–2006. – Вып. 1–5.

13. *Ковригина Е.А.* «От Архангельска до Яренска: путешествие по Русскому Северу». Идеографический электронный словарь говоров архангельского региона [Электронный ресурс] / Е.А. Ковригина, Н.К. Котова // Материалы Междунар. молодежного науч. форума «Ломоносов-2016» / отв. ред. И.А. Алешковский,

А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8566/uid58754_12f6c58acff3d3ab3843d64bf0018ac2aaccbbb5.doc (дата обращения: 27.01.2017).

14. Харламова М.А. Концепция диалектного понятийно-тематического словаря // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 771–773.

15. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова и др.; под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2008. — 962 с.

16. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З). / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова и др.; под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2010. — 1049 с.

17. Аюпова С.Б. Лексикографическая концепция и методология словаря «Язык И.С. Тургенева: идиоглоссарий с лингвокультурологическим комментарием на русском и турецком языках» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. / ред. коллегия: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: в 15 т. — СПб., 2015. — Т. 7. — С. 9–13.

18. Идеографический словарь языка поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» [Электронный ресурс]. — URL: <http://nevmenandr.net/tadeusz/> (дата обращения: 24.04.2017).

19. Гуц Е.Н. Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985–2010 гг. [Электронный ресурс]. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2011. — 64 с.

20. Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова [и др.]; под ред. Е.В. Иванцовой. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. — Т. 1–4.

21. Воеводская О.М. Идеографический словарь основного лексического фонда германских языков: возможности и перспективы // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 1. — С. 96–101.

22. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / отв. ред. С.М. Толстая. — М.: Междунар. отношения, 1995–2012. — Т. 1–5.

23. Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык: энцикл. / ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 458–459.

24. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. — Москва; Екатеринбург: Каб. учёный, 2015. — 208 с.

25. Баранов А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. — М.: Знак, 2008. — 656 с.

26. Баранов О.С. Русский тезаурус. Электронное издание 2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://thesaurus.wallst.ru> (дата обращения: 24.04.2017).

27. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ideographic.academic.ru>. (дата обращения: 24.04.2017).

A CONCEPTION OF THE ELECTRONIC THESAURUS OF A DIALECT LANGUAGE PERSONALITY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 24–38.

DOI: 10.17223/22274200/12/2

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: optysmith@gmail.com

Keywords: thesaurus, dialect language personality, Siberian dialects of Russian, electronic lexicography.

A conception of the electronic dictionary of the ideographic type (thesaurus) is presented in the article. The material for the dictionary is the speech of one person – a speaker of the Siberian dialect of Russian. *The Thesaurus of the Dialect Language Personality* is developed as an electronic supplement to the basic explanatory dictionary – the four-volume *Complete Dictionary of a Dialect Language Personality*. The **aim** of the new dictionary is to visualise the worldview of the dialect speaker. Its creation involves the development of a general classification scheme built on the hierarchical principle, the classification of units in it and the organization of the results in an online format. The principles of the dictionary, its overall structure and the structure of the entry are described on the background of the existing Russian thesauri of literary language and dialect speech.

The following principles for creating this lexicographic product are developed: **I. Principles of material selection.** The dictionary will include all appellative parenthetical words (nouns, verbs, adjectives, adverbs) fixed in an individual lexicon. Non-notional parts of speech (prepositions, conjunctions, particles) are excluded, as well as copulas, interjections and pronouns. **II. Principles of dictionary organisation.** All the words in this dictionary will be ordered on the semantic basis, not alphabetically. The biggest groups of words are called sections (“The Universe”, “The Human”, “The Human and the Universe”). Then each group is divided into subgroups (subsections, e.g., “The Human As a Living Creature”, “The Human As a Mental and Moral Creature” and “The Human As a Social Creature” in the section “The Human”), which in their turn are divided into smaller subgroups which are filled with words. Classification groups have a step-type numbering which reflects their place in the overall hierarchical scheme.

The dictionary is created in an electronic format. The final product will be a system of hyperlinks, which will allow displaying the hierarchical structure of the vocabulary in a visual form and also navigating quickly. The main search capabilities will be the search for a semantic group and a specific word. The dictionary entry consists of three structural elements: 1) the numerical index indicating the position of the given semantic group in the structure of the lexicon; 2) the name of the semantic group; 3) the list of words included in it. The dictionary entry does not include the interpretation of the word and contexts of its use.

References

1. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998–2007) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy: v 4 t.* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematised by classes of words and meanings: in 4 vols]. Vols 1–4. Moscow: Azbukovnik.
2. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2011) *Russkiy ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem ego mire (80 kontseptov, otnosyashchikhsya k dukhovnoy, mental'noy i material'noy sferam zhizni cheloveka)* [Russian ideographic dictionary: The world of man and man in the world around (80 concepts relating to the spiritual, mental and material spheres of human life)]. Moscow: Azbukovnik
3. Baranov, O.S. (1995) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [The ideographic dictionary of the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo ETS.

4. Babenko, L.G. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: an ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

5. Babenko, L.G. (ed.) (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [Great explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

6. Babenko, L.G. (ed.) (2014) *Slovar'-tezaus russkikh prilagatel'nykh, raspredelen'nykh po tematicheskim gruppam* [Dictionary-thesaurus of Russian adjectives, distributed according to thematic groups]. Moscow: Prospekt.

7. Kil'dibekova, T.A. (ed.) (2013) *Funktsional'no-kognitivnyy slovar' russkogo yazyka. Yazykovaya kartina mira* [Functional-cognitive dictionary of the Russian language. Language picture of the world]. Moscow: Gnozis.

8. Morkovkin, V.V. (ed.) (2007) *Tematicheskii slovar' russkogo yazyka: okolo 25 000 slov* [Thematic dictionary of the Russian language: about 25,000 words]. Moscow: Drofa.

9. Shushkov, A.A. (2003) *Tolkovo-ponyatiyny slovar' russkogo yazyka: 600 semanticheskikh grupp: okolo 16500 slov i ustoychivyykh vyrazheniy* [An explanatory-conceptual dictionary of the Russian language: 600 semantic groups: about 16,500 words and set expressions]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo Astrel'", OOO "Izdatel'stvo Ast", OOO "Tranzitkniga".

10. Rakov, G.A. (1988) *Dialektnaya leksicheskaya sinonimiya i problemy ideografii* [Dialect lexical synonymy and problems of ideography]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 131–254.

11. Vostrikov, O.V. (2000) *Traditsionnaya kul'tura Urala: etnoideograficheskii slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti: v 5 vyp.* [Traditional culture of the Urals: an ethno-ideographic dictionary of Russian dialects of Sverdlovsk Oblast: in 5 issues]. Issues 1–5. Ekaterinburg: Ural'skoe literaturnoe agentstvo.

12. Kirillova, T.V. & Novikova, L.N. (eds) (2002–2006) *Tematicheskii slovar' govorov Tverskoy oblasti: v 5 vyp.* [The thematic dictionary of dialects of Tver Oblast: in 5 issues]. Issues 1–5. Tver: Zolotaya bukva.

13. Kovrigina, E.A. (2016) ["From Arkhangelsk to Yarensk: a journey through the Russian North". The ideographic electronic dictionary of dialects of the Arkhangelsk region]. *Proceedings of the international youth academic forum "Lomonosov-2016"*. [Online] Available from: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8566/uid58754_12f6c58acff3d3ab3843d64bf0018ac2aacbb5.doc. (Accessed: 27.01.2017).

14. Kharlamova, M.A. (2010) Kontseptsiya dialektного ponyatiyno-tematicheskogo slovarya [The concept of a dialect conceptual-thematic dictionary]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 771–773.

15. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2008) *Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (A–V)* [Dictionary of the language of Dostoevsky: Idioglossary (A–V)]. Moscow: Azbukovnik.

16. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2010) *Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (G–Z)* [Dictionary of the language of Dostoevsky: Idioglossary (G–Z)]. Moscow: Azbukovnik.

17. Ayupova, S.B. (2015) [Lexicographic concept and methodology of the dictionary "Language of I.S. Turgenev: idioglossary with a linguocultural commentary in Russian and Turkish"]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language

and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII Congress of The International Association of Teachers of Russian Language and Literature. Granada, Spain. 13–20 September 2015). In 15 vols. Vol. 7. St. Petersburg: MAPRYaL. pp. 9–13. (In Russian).

18. Nevmenandr.net. (n.d.) *Ideograficheskiy slovar' yazyka poemy A. Mitskevicha "Pan Tadeush"* [The ideographic dictionary of the language of the poem "Pan Tadeush" by A. Mickiewicz]. [Online] Available from: <http://nevmenandr.net/tadeusz/>. (Accessed: 24.04.2017).

19. Guts, E.N. (2011) *Ideograficheskiy slovar' zhargonno-prostorechnoy leksiki: 1985–2010 gg.* [The ideographic dictionary of slang and colloquial vocabulary: 1985–2010]. 2nd ed. Moscow: FLINTA.

20. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti: v 4 t.* [A complete dictionary of the dialect language personality: in 4 volumes]. Tomsk: Tomsk State University.

21. Voevodskaya, O.M. (2016) Ideographic dictionary on the basic lexical fund of the Germanic languages: scope and perspectives. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 96–101. (In Russian).

22. Tolstaya, S.M. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

23. Novikov, L.A. (1997) *Semanticheskoe pole* [Semantic field]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk : Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: BRE.

24. Babenko, L.G. (ed.) (2015) *Universal'nyy ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka: prospekt* [Universal ideographic dictionary of the Russian language: Prospect]. Moscow; Ekaterinburg: Kab. uchenyy.

25. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znack.

26. Baranov, O.S. (2014) *RUSSKIY TEZAURUS. Elektronnoe izdanie 2014* [RUSSIAN THESAURUS. Electronic edition 2014]. [Online] Available from: <http://thesaurus.wallst.ru>. (Accessed: 24.04.2017).

27. Baranov, O.S. (n.d.) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [The ideographic dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <http://ideographic.academic.ru>. (Accessed: 24.04.2017).

Г.Ф. Богачёва, А.И. Ольховская, М.К. Парамонова

ЭЛЕКТРОННЫЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «РУССКОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»)

В статье рассматриваются концепции «Русского тематического словаря» и способы её реализации средствами компьютерной лексикографии. Авторы обращаются к обсуждению преимуществ электронной версии словаря. К ним относятся визуальная материализация линейных и иерархических связей между единицами лексикона, снятие трудностей словарной интерпретации со стороны гипотетических пользователей, расширенные возможности поиска и мультимедийная поддержка словарного текста.

Ключевые слова: лексикография, компьютерная лексикография, идеография, тематический словарь, электронный словарь.

Любой словарь может быть рассмотрен с двух позиций – внутренней, связанной с его лингвистической и лексикографической концепцией, и внешней, связанной с форматом его воплощения. Абстрагируясь от конкретики обсуждаемого предмета, указанное противопоставление можно свести к оппозиции формы и содержания. Вопрос формы (формата) лексикографического произведения долгое время оставался на периферии исследовательского внимания. Его обсуждение осуществлялось разве что в рамках учебной лексикографии, для которой внешнее исполнение словаря в большей степени связано с его дидактическим эффектом¹.

Появление компьютерной лексикографии резко актуализировало параметр формы, который запечатлелся в противопоставлении бу-

¹ Так, П.Н. Денисов выделяет блок гигиенических и эстетических требований к учебному словарю, к которым относит полиграфическое исполнение (красочное или строгое в зависимости от аудитории), небольшой и удобный в пользовании формат и лёгкость наведения справок (краткость подачи информации, большое количество входов в словарь) [1. С. 214]. В качестве основания для классификации словарных произведений учёный рассматривает способ метаязыкового воплощения и с опорой на него обозначает словари, использующие наглядные средства (рисунки, фотоснимки, схемы), звуковые средства и средства кино [2. С. 118–119].

мажных и электронных словарей. Если следовать широко известному философскому постулату о том, что «содержание определяет форму, а форма зависит от содержания», электронный формат следует рассматривать не сам по себе, а в тесной взаимосвязи с реализуемой в данном конкретном случае концепцией. Иными словами, при обращении к компьютерной реализации словаря лексикографу следует задуматься над тем, каким образом внутренние характеристики лексикографического произведения могут быть гармонизированы с возможностями электронного формата. При этом необходимо помнить, что электронный формат – по крайней мере пока – не создаёт нового лексикографического качества сам по себе, однако способен его многократно усилить. Настоящая статья посвящена рассмотрению способов материализации основных принципов «Русского тематического словаря» (далее также РТС) средствами компьютерной лексикографии. Оговоримся, что компьютерное воплощение РТС находится в данный момент на этапе идейного оформления, но не реализации.

Прежде всего – несколько слов о ключевой идее рассматриваемого словаря. Около полувека назад основоположник теории и практики отечественной идеографии, В.В. Морковкин, высказал весьма плодотворную идею о необходимости создания такого идеографического словаря, который представлял бы собой «макет лексической системы» [3. С. 43–58]. Опираясь на положение о том, что «речевая актуализация включает в себя две операции: 1) выбор нужного слова из лексической парадигмы; 2) употребление выбранного слова по законам данного языка» [3. С. 47], он приходит к выводу, что достижение обозначенной цели возможно за счёт демонстрации в словаре лексической парадигматики и лексической синтагматики. Как видно из данного суждения, принцип языковой системности интересовал учёного не сам по себе, а как проявление коммуникативной целесообразности. Добавим также, что системность, безусловно, соответствует и когнитивным основам организации языковой способности. Хотя лингвистике по сей день доподлинно неизвестны принципы хранения языка в сознании его носителей, исследования психолингвистического толка и прежде всего ассоциативные эксперименты свидетельствуют в пользу того, что ментальная языковая организация в целом соразмерна языковой системности (выделение парадиг-

матических, синтагматических, словообразовательных и других ассоциаций).

Основная задача «Русского тематического словаря» состоит в практической реализации идеи о словаре-макете лексической системы, а также в раскрытии её коммуникативного потенциала. В процессе работы над словарём идея начала наполняться кровью и плотью, что позволило определить ключевые принципы РТС [4] и по новому взглянуть на ряд вопросов идеографической лексикографии. Коснёмся здесь лишь тех, которые имеют непосредственное отношение к макетированию лексической системы.

1. Уточнение вопроса о минимальной единице идеографического описания

Общеизвестно, что лексикология и лексическая семантика обладают двумя единицами изучения – базовой, в качестве которой выступает слово, и элементарной, которой является лексико-семантический вариант [5. С. 111]. Единицей идеографического описания по понятным причинам является речевое, или «потребнианское», слово, т.е. ЛСВ (в противовес многозначному слову). Однако наложение тематического принципа на ЛСВ в некоторых случаях приводит к его расщеплению на две тематические специализации, не разрушающие его смыслового тождества, ср.: **пастушья сумка** (группа «Лекарственные растения»): семена (лечебные свойства) ~и; содержание чего-л. в ~е; собирать (сушить) ~у; ● «Кашка, сумка пастушья | от любых болевых | ощущений зрачок | в одночасье готовы избавить» (И.А. Бродский. Колокольчик звенит..) и **пастушья сумка** (группа «Сорные растения»): вырвать [с корнем] ~у¹ (группы связаны взаимными отсылками).

Это позволяет говорить о политематичности некоторых единиц, а также о принципиальной пересекаемости тематических полей. Последняя, разумеется, давно известна лингвистике, ср.: «...семантические поля суть классы пересекающиеся; единственного разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искус-

¹ Словарные статьи из РТС здесь и далее по тексту приводятся в сокращении, за исключением словарных статей, представленных на макетах страниц электронной версии Словаря. Расшифровка основных сокращений и условных знаков, используемых в РТС, предъявлена в конце данной статьи.

ственных принципов классификации и не подменять семантические компоненты бинарными или иными дифференциальными признаками, не существует» [6. С. 251], однако её природу нельзя считать изученной. Неясно, в частности, для каких областей такая пересеканность является естественным явлением: периферийных (что относит её к категории явлений «системного шва») или ядерных. Вполне возможно, ясность относительно этого вопроса внесет работа над словарём.

В противоположность «расщеплению» одного ЛСВ на несколько тематических специализаций в словаре фиксируется и обратное явление – частичное наложение семантики разных, хотя близких и эпидигматически связанных, речевых слов. Основанием для подобного наложения является диффузность значений полисеманта, проблеме которой в своё время обозначил Д.Н. Шмелёв [7] и детально рассмотрела Анна А. Зализняк [8]. В общем и целом диффузность проявляется в непротиворечивой (не каламбурной) совместимости значений многозначного слова в рамках одного контекста, ср.: «Помнишь, так говорил ты, бывало, | И спокойные щуря глаза, | Улыбался, когда бушевала | Над тобою и мною гроза...» (М. Вера. Смех богов) – сочетание *спокойные глаза* представляет значение ‘взгляд’, в то время как *щурить глаза* – значение ‘орган зрения’. Возможность неоднозначных употреблений говорит о том, что коммуникативный потенциал слова в живой речи реализуется весьма прихотливо: часто один ЛСВ «перетягивает» на свою орбиту узнаваемые семантические фрагменты других ЛСВ.

Традиционная лексикография, как известно, отражает семантическую структуру полисеманта дискретно, уклоняясь от переходных случаев. Между тем диффузность может считаться ключевым принципом речевого бытования некоторых значений слова – прежде всего тех, которые связаны тривиальным метонимическим сдвигом. На основании этого можно сделать вывод, что стремление лексикографов «освободить словарные статьи от “неопределённых” примеров существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов» [7. С. 86]. В РТС диффузные ЛСВ подаются в одной словарной статье с использованием сочетаемостных иллюстраций обоих значений. Так, анализ контекстов употребления слова *жизнь* даёт основание «слить» в одной статье два его значения: ‘время существования кого-л. от рождения до смерти’ и ‘чъё-л. су-

ществование как процесс, наполненный событиями, имеющий какие-л. особенности и т.п.': (б) **жизнь** (тематическая область «Фазы человеческой жизни») ... долгая (короткая, бурная, холостая) ~; половина (остаток, полнота, разнообразие) ~и; начать где-л. (продлить кому-л., любить *нсв.*) ~. Отметим, однако, что возможность «слияния» значений слова в идеографическом словаре непосредственно зависит от степени близости стоящих за ними тематических категорий – чем они ближе, тем вероятность «слияния» больше, и наоборот.

Таким образом, основной единицей идеографического описания, вне всякого сомнения, следует считать речевое слово, однако тематико-коммуникативный принцип представления материала время от времени вносит свои коррективы, либо «расщепляя» ЛСВ без ущерба его значению, либо «объединяя» в одной словарной статье эпидигматически и тематически близкие единицы.

Тематико-коммуникативный подход к моделированию лексической системы имеет ещё одно следствие, касающееся минимальной единицы описания в словаре. Оно заключается в предъявлении тематически маркированных фразеологизмов на правах заголовочных единиц, обладающих собственной парадигматикой и синтагматикой. Например:

в расцв'ете (во цв'ете) лет (сил), фр. ★ Син. ✓ в [с'амом] сок'у. <...>.

мужчина (женщина) ~; быть *нсв.* (жениться *св. и нсв.*, стать кем-л., погибнуть) ~; ● «[Умный, красивый, в меру упитанный] мужчина в полном расцвете сил» (*крылат. выраж.*; из мультфильма «Малыш и Карлсон», реж. Б.П. Степанцев); <...> «Он даже снял воротничок | И расстегнул слегка жилет | И весь дрожал как старичок | Хотя он был в расцвете лет» (Д.И. Хармс. В ночной пустынной тишине.).

С одной стороны, фразеологизмы образуют отдельную подсистему, функционирующую по собственным законам и правилам; не случайно в традиционной лексикографии они отражаются либо в словарях особого жанра (фразеологических), либо в специальной зоне словарной статьи. С другой стороны, в коммуникативном аспекте фразеологические единицы ничем не отличаются от собственных слов, что доказывает, например, их совершенно естественное вхождение в синонимические ряды на равных правах со словами (ср.: *немолодой, в возрасте, не первой молодости*). Иначе говоря, на

коммуникативном уровне различия между некоторыми лексическими единицами разной природы и разной структуры если не стираются вовсе, то уходят на второй план.

2. Способы представления векторов лексической системы

Языковая системность в современной науке, как известно, моделируется тремя векторами – парадигматическим, синтагматическим и деривационным (в терминологии Д.Н. Шмелёва – эпидигматическим). Хотя способы материализации первых двух векторов, как кажется, не нуждаются в отдельном обсуждении, коротко обозначим их. Языковая парадигматика запечатлена в словаре, во-первых, посредством сгущения лексических единиц в тематические единства; во-вторых, за счёт специальной зоны словарной статьи, в которой собраны синонимы, антонимы, аналоги¹ и паронимы заголовочной единицы. Языковая синтагматика представлена в сочетаемостной зоне словарной статьи с помощью перечня грамматических моделей, заполненных типичными лексическими распространителями, а также в так называемой лингвокультурологической зоне с помощью примеров из поэтических произведений.

Что касается деривационного вектора, то его коммуникативный потенциал менее очевиден, а потому вопрос его отражения в идеографическом словаре заслуживает отдельного обсуждения. Нас будут интересовать два момента: а) коммуникативная природа словообразовательного гнезда; б) многозначность как инструмент придания слову семантической глубины.

С одной стороны, словообразовательное гнездо является результатом системных по своей природе процессов, реализацией существующих в языке деривационных моделей. С другой стороны, множество производных единиц может считаться откликом на разнообразные коммуникативные потребности носителей языка (потребность

¹ В лингвистике под аналогом разумеется «лексема, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем её синонимы» [9. Т. 1. С. 489]. В рамках концепции РТС к аналогам причисляются не любые когипонимы наподобие *красный – жёлтый – зелёный*, а лишь те, которые имеют существенную общую часть в значении и сочетаемости, например: *кривой – покосившийся, перекошенный, полированный – шлифованный, извиваться, виться – петлять, вилять*.

передать оттенки качества, состояния, отношения, размер, стилистический регистр и т.д.). Поскольку производные единицы модификационного типа – в силу их очень большой смысловой близости к производящей единице – являются её постоянными «спутниками» не только в составе словообразовательного гнезда, но и коммуникативно, т.е. всегда готовы передать нужный нюанс ее значения в соответствии с ситуацией речи, то и в словаре авторы сочли логичным расположить их рядом, сопроводив соответствующими пометами (*ласк., уменьш.-ласк., уменьш., увел., ослабл., пренебр., уничиж., детск., женск.* и т.п.), например: *старый, старенький, староватый; дряхлость, дряхлый; охота, охотиться; старик, стариковский, по-стариковски, стариковски, старичок, старикан, старикашка, старичонка; воробей, воробыха, воробьёнок* и т.д. Отметим, что в отличие от многих тематических словарей РТС не придерживается частеречного принципа формирования тематических групп, поскольку живая коммуникация строится на основе использования единиц разных частей речи.

Приблизительно так же решается вопрос с единицами, образованными в результате мутационных процессов: члены словообразовательного гнезда по возможности располагаются контактно, что, с одной стороны, демонстрирует их родство, а с другой – предоставляет адресату весь спектр единиц, которые могут понадобиться в процессе порождения речи. В этом случае значение единицы выводится не соотносением значения производящего слова и пометы – указателя словообразовательного значения, а обычным образом, т.е. опорой на сочетаемость, синонимы и другие средства: **тело ...** ★ **Син.** ✓ *телеса...* человеческое (мужское, женское, здоровое, загорелое) ~; строение (мышцы, температура) ~а ...; *телеса... разг., шутл., ирон.* ★ **Син.** ✓ *тело...* пышные (обширные, могучие) ~.

Многозначность является, пожалуй, единственным системным феноменом, отражение которого противоречит концепции идеографического словаря. Это связано не только с тем, что значения полисемантического слова, как правило, разнесены по разным тематическим блокам, но и с тем, что сложно представить ситуацию, в которой пользователю словаря понадобится несколько ЛСВ для решения конкретной речевой задачи. Тем не менее компьютерное воплощение РТС предоставляет возможности для «связанного» предъявления значений одного слова. В этом случае в конкретной словарной ста-

тые размещаются ссылки на словарные статьи, расположенные в других тематических группах, с указанием названия и индекса этих групп. Так пользователь знакомится не только с правилами употребления данного речевого слова, но и с его семантическим, в том числе ассоциативно-экспрессивным, фоном (см. ниже примеры для слов *зелёный* и *золотой*), что сообщает плоскостному идеографическому описанию смысловую глубину.

3. Вопрос о толковании как элементе идеографического словаря

Значение лексической единицы (абсолютная ценность), безусловно, относится к системообразующим факторам, поскольку обусловливает и значимость слова (относительную ценность), и его сочетаемостные возможности (сочетательную ценность). Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что словарь, призванный стать моделью лексической системы, в необходимом порядке включает в себя толкования лексических единиц. Однако этот вывод вряд ли можно считать правомерным по нескольким причинам. Во-первых, в отношении языка, явленного нам в аспекте функционирования (языковой данности), толкование, безусловно, выступает в качестве лингвистического конструкта. Представление модели, максимально свободной от «вмешательства» извне, предполагает как бы простую фиксацию тех явлений и связей, которые есть в языке. Во-вторых, толковательную функцию отчасти выполняет идеографический синопсис словаря вкупе с наполнением различных словарных зон, прежде всего зоны сочетаемости и синонимо-антонимической зоны.

Вот как, например, раскрывается значение ‘внутреннее пространство между верхними и нижними челюстями у человека, ограниченное спереди губами’ слова *рот*: а) в синопсисе представлена интегральная часть, т.е. отношение к тематическим областям и группам (родовые признаки) – «Тело человека», «Голова», «Лицевая часть»; б) в словарной статье представлены дифференциальные признаки (видовые отличия), здесь – главным образом посредством сочетаемости: открытый (закрытый, беззубый) ~; ~ без зубов; полость (гигиена) **рта**; открыть (разинуть *разг.*, полоскать) ~; дышать *нск.* **ртом**; влить что-л. **в** ~ и т.д. Иллюстративные предложения (пре-

имущественно извлечённые из поэтических произведений¹), во-первых, дополняют коллекцию словосочетаний; во-вторых, демонстрируют функционирование заголовочного слова в законченном текстовом отрезке; в-третьих, позволяют показать некоторые важные периферийные семантические элементы; в-четвёртых, просто раскрывают художественные возможности данного слова. Ср. иллюстрации для слова *рот* в упомянутом выше значении: «Огни – как нити золотых бус. | Ночного листика во рту – вкус» (М.И. Цветаева. В огромном городе моём – ночь..); «О, болтливый язык! Для чего ты подвешен | В гулкой области рта?..» (С.В. Петров. Черновик человека); «И я живу, | тебя, | как воздух, | ртом ловлю, | стихом, | последнюю строкой | леплю | тебе | из губ: | люблю» (С.И. Кирсанов. Твоя поэма).

Обозначив в нескольких чертах концептуальные основы «Русского тематического словаря», перейдём к рассмотрению способов его компьютерного воплощения. Среди первоочередных достоинств электронного формата можно назвать **визуальную материализацию** многообразных линейных и иерархических **связей** между единицами лексикона, которые в бумажной версии всегда остаются имплицитными и плоскостными. Придание объёма осуществляется тремя основными способами – с помощью системы гиперссылок, кластерного предъявления тематических групп и совмещённого видения объектов разной принадлежности.

Гиперссылки сегодня являются неотъемлемым элементом интернет-пространства и локальных документов. Их назначение, как известно, состоит в установлении связи между информационными объектами разного характера и обеспечении быстрого перехода от одного к другому. В рамках электронной версии РТС гиперссылками связаны компоненты, работающие на моделирование парадигмати-

¹ Причины обращения к поэтическим цитатам на страницах тематического словаря, равно как и принципы их отбора, заслуживают отдельного разговора (об этом см. [10]). В данной статье необходимо акцентировать внимание лишь на двух моментах. Во-первых, основным назначением данных текстовых отрезков является формирование эстетической компетенции предполагаемого пользователя словаря и, в частности, выработка у него языкового вкуса. Во-вторых, при отборе поэтических иллюстраций авторы опираются на принципы самопонятности (логической законченности и избегания излишней образности), узуральности, или соответствия нормам современного словоупотребления, а также на принцип мощного семантизирующего эффекта.

ческих связей между единицами словника (рис. 1). К таким компонентам относятся представленные в словарной статье синонимы (абсолютные и относительные), аналоги, антонимы, паронимы и таронимы. Например: (а) **страх** <...> ★ **Син.** бо'язнь (а) уотр. реже. **Ср.** 'ужас (а), исп'уг (а), тр'епет (а); **лет'е'ть** (о скорости протекания времени) <...> ★ **Син.** пролет'ать, беж'ать, пробег'ать, мч'аться, нест'ись, пронос'иться, мельк'ать. **Ант.** полз'ти, тян'уться; **мете'ор** <...> ★ **Ср.** бол'ид. **Не путать с** метеорит; **кр'емниев'ый** <...> ★ **Ср.** кр'емнистый. **Не путать с** кремнёвый. Думается, что за счёт гиперссылок такого рода воссоздаётся существующая в сознании человека языковая системность.

Неорганический мир. Неживая материя / Земная поверхность / Водные пространства / Источники / Родник

родн'ик, родник|'а, м., нд., | в.

★**Син.** ключ². **Ср.** ист'очник.

холодный (живой) ~; чистить ~; пить зд. нсв. (напиться) из ~'а; ~ бьёт зд. нсв. откуда-л. (журчит нсв., питает нсв. озеро, иссяк)

• «Родник между ними из почвы бесплодной. | Журча, пробивался волною холодной...» (М.Ю. Лермонтов. Три пальмы).

← ключик²

родниковый →

Рис. 1. Гиперссылки в РТС

В основе идеографического синопсиса Словаря лежат пять крупных разделов – «Абстрактные категории и отношения, формы существования материи и духа», «Неорганический мир. Неживая материя», «Неодухотворённая живая материя», «Человек» и «Общество, страна, государство». Каждый из указанных разделов имеет древовидную структуру и дробится на всё более мелкие группы и подгруппы. Наиболее подходящим способом визуального представления данного языкового материала являются, на наш взгляд, **тематические облака кластерного типа** с возможностью последовательного погружения в их содержание. Таким образом, основной принцип графического дизайна Словаря состоит в облачно-кластерном моделировании лексикона. Поскольку тематические разделы, расположенные на главной странице, выполняют функцию

основного (семанτικο-ориентированного) входа в словарь, принципиально важно, чтобы они давали пользователю достаточно ясное представление об их наполнении. Перечисленные ранее названия глобальных тематических полей такого представления, как кажется, не дают, поэтому необходимо перейти на более низкий уровень смыслового обобщения.

Тематические группы второй ступени действительно могут служить надёжным навигатором в поиске слова, поскольку соответствуют интуитивному представлению человека о существующих в языке смысловых блоках. Ср.: внутри раздела «Абстрактные категории» выделяются группы «Время», «Пространство», «Форма», «Движение», «Количество» и др., внутри раздела «Неорганический мир. Неживая материя» – группы «Вещества», «Космос», «Земной шар», «Атмосфера земли, климат и погодные явления», «Поверхность Земли», «Недра Земли», внутри раздела «Неоухотворённая живая материя» – группы «Растительный мир», «Животный мир» и т.п. Если воспользоваться принятой в когнитивной лингвистике классификацией категорий на категории подчинённого, базового и высшего уровней, то такие тематические группы можно считать категориями высшего уровня, в то время как глобальные разделы относятся, судя по всему, к суперкатегориям, искусственно конструируемым и плохо осознаваемым рядовыми носителями (за исключением, пожалуй, раздела «Человек»).

Таким образом, на главной странице Словаря целесообразно предъявить тематические группы первой и второй ступени обобщения (рис. 2). Каждая тематическая группа оформляется в виде окружности, диаметр которой зависит от объёма входящего в группу языкового материала. При этом желательно, чтобы окружности, относящиеся к одному тематическому разделу, были окрашены в один цвет. При клике по окружности пользователь перемещается вглубь тематического древа, соответственно, перед ним разворачивается тематический кластер выбранной группы

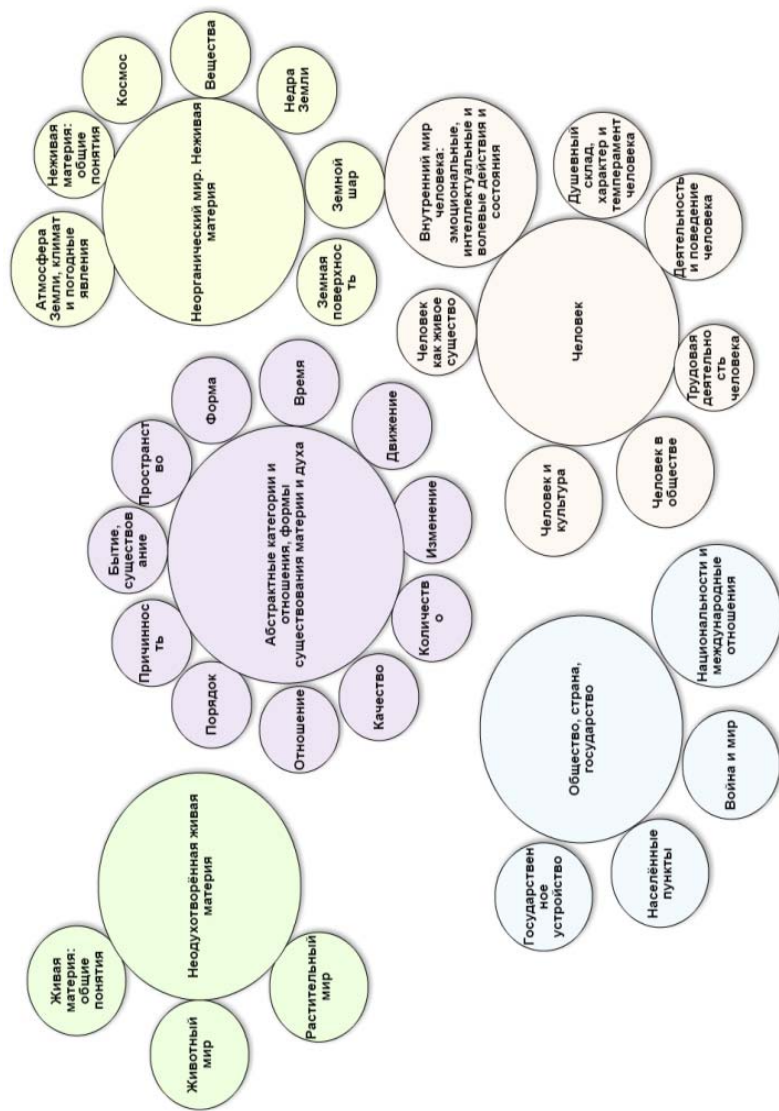

Рис. 2. Главная страница РТС

(рис. 3). Иерархическая связь между группами передаётся соединительными линиями, отсутствие таковой – соположением окружностей. Хотя кластерное оформление тематического каркаса представляется наиболее оптимальным, электронная версия РТС позволяет выбрать стандартный списочный способ его предъявления.

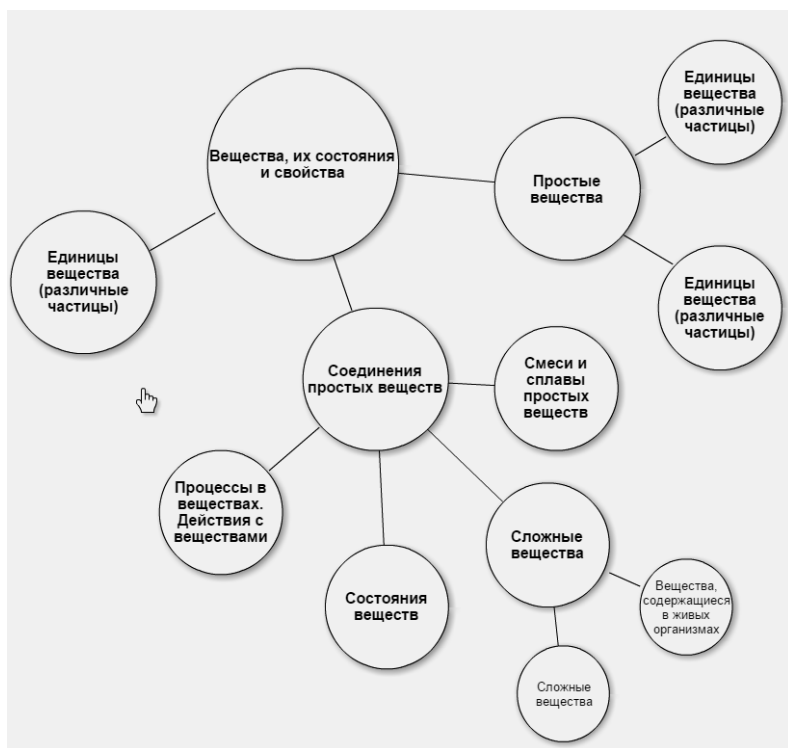

Рис. 3. Кластер тематической группы

Что касается **совмещённого видения объектов** разной принадлежности, то оно, по задумке авторов, будет реализовано в двух моментах. Первый связан с возможностью пользователя видеть присловную и присловарную грамматическую характеристику слова

на одной странице¹. Технически это можно сделать за счёт всплывающего окна с окончаниями парадигмы, которое появляется при клике на её индекс (рис. 4).

Введите текст для поиска в словаре

Неорганический мир. Неживая материя

с'олнышк|о, -а, только ед., ср., нд., II ж. ласк.

ласковое (весеннее) ~; ~ сияет нсв. (светит нсв.)

• «Я на солнышке лежу, I Я на солнышко гляжу» («Песня львёнка и черепахи», сл. С.Г. Козлова, муз. Г.И. Гладкова).

Искомая форма	Индекс	
Единственное число	Родит. падеж	-а / -а'
	Дат. падеж	-у / -у'
	Винит. падеж	= Им.
	Творит. падеж	-ом' -о'м
	Предл. падеж	-е / -е'
Множественное число	Именит. падеж	а / -а'
	Родит. падеж	-∅
	Дат. падеж	-ам / -а'м
	Винит. падеж	нд = Им. од = Род
	Творит. падеж	-ами / -а'ми
Предл. падеж	-ах / -а'х	

← солнечно непогода →

Рис. 4. Словоизменительная парадигма слова «солнышко»

Второй момент предполагает придание заголовочной единице семантического объёма за счёт указания, во-первых, на её вхождение в другие тематические группы (тематические специализации ЛСВ), а во-вторых, на тематическую отнесенность других значений этого же слова (рис. 5). Так, на странице словарной статьи **алмаз** (переход ~а в графит; углерод **в виде ~а**) в группе «Неметаллы / Простые вещества» мы найдём ссылку *такж.* 53 (53 – здесь номер тематической группы), перейдя по которой пользователь попадёт в группу «Дра-

¹ Присловарная грамматическая характеристика представляет собой расположенные в зоне словарных приложений регулярные словоизменительные парадигмы русского языка. Присловная грамматическая характеристика находится непосредственно в словарной статье, справа от заголовочной единицы, и содержит словоформы, которые не укладываются в образцовые грамматические схемы. Связь между присловной и присловарной характеристиками осуществляется на основании системы индексов (I а–ж, II а–г, III а–з, IV а–з, V а–б). Первый опыт такого рода описания языкового словоизменения находим в [11].

гоценные камни» (огранка **~ов**; диадема **с ~ами**, что-л. усыпано **~ами**); в словарной статье **зелёный** (*~ помидор*) в группе «Развитие растений» мы найдём ссылки на другие ЛСВ этого слова, ср.: зелёный – «Цветовые ощущения» (*~ краска*), зелёный – «Юность, молодость» (*~ юнец*).

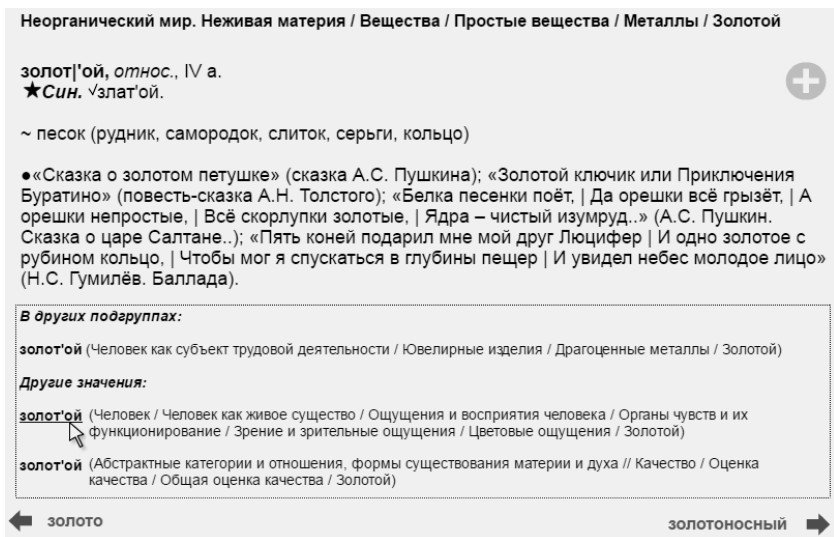

Рис. 5. Предъявление политематичности и многозначности в РТС

Следующим достоинством компьютерного воплощения РТС является снятие трудностей словарной интерпретации, которое достигается посредством **системы всплывающих окон** с расшифровками и комментариями (рис. 6). Такая помощь, как представляется, может понадобиться читателям для понимания некоторых лингвистических терминов, не получивших широкого распространения за пределами науки о языке (например, *аналог*, *тароним*, *лингвокультурологическая информация*), а также использованных в словаре сокращений и условных обозначений (например, *нд.* – неодушевлённое [существительное], *сравн. I* – синтетическая форма сравнительной степени, ● – знак, вводящий пословицы, поговорки, крылатые выражения, яркие цитаты и др., ★ *Ср.* – сравните; знак, вводящий аналогии, *Не путать с* – знак, вводящий паронимы и таронимы). Поскольку пре-

дугадать уровень лингвистической и лексикографической компетенции пользователя практически невозможно, предпочтительно, чтобы комментированию в словаре подвергалось максимальное количество метаязыковых элементов.

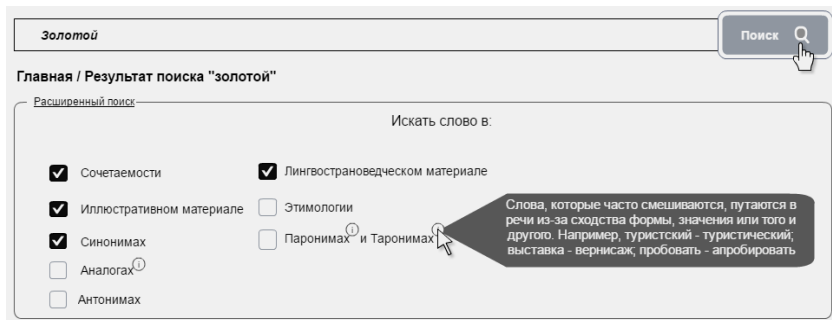

Рис. 6. Всплывающее окно с пояснением термина

Кроме того, компьютерная версия РТС предоставляет **расширенные возможности поиска**. Речь здесь идёт не о механизмах поиска конкретной единицы – они, вообще говоря, дублируют входы бумажной версии (через синопсис, через русский и английский алфавитные указатели), а о параметрическом поиске разнообразной языковой информации. В настоящий момент в систему поисковой фильтрации включены такие параметры, как грамматическая характеристика, стилистика, синонимы, антонимы, паронимы и таронимы, аналоги, этимология, сочетаемость и лингвокультурологический материал (рис. 7). Данное решение делает рассматриваемое произведение не только словарём, но и инструментом лингвистических исследований, что существенно расширяет аудиторию его предполагаемых пользователей. Запланированный функционал РТС обеспечивает также возможность **индивидуальной работы со словарными материалами**. Читатель, в частности, может добавлять необходимые ему словарные статьи в свой «портфель» (раздел «Избранное»), систематизировать их удобным для него способом и скачивать.

Фильтры

☐ Иллюстративный материал	☐ Фразеологизм	☐ Стилистическая помета
☐ Лингвострановедческий материал	☒ Синонимы	уменьш. ▾
☒ Грамматическая характеристика	☐ Антонимы	
Часть речи:	☐ Паронимы ^① и Таронимы ^①	
Существительное ▾	☐ Аналогии ^①	
☐ Одушевленность	☐ Этимология	
☒ Неодушевленность		
Средний Женский <input checked="" type="button" value="Мужской"/>		Применить

Главная / Неорганический мир. Неживая материя / Космос / Вселенная, космос: общие понятия

- макрок'осмос, -а, только ед., м., нд., I а, книжн. ★Син. макрок'осм. Eng. macrocosm[os].**
Макрокосм / Вселенная, космос: общие понятия/ Космос / Неорганический мир. Неживая материя
- макрок'осм, -а, только ед., м., нд., I а, книжн. ★Син. макрок'осмос. Eng. macrocosm.**
Макрокосм / Вселенная, космос: общие понятия/ Космос / Неорганический мир. Неживая материя
- мир¹, -а, зд. ед., м., нд., I а. ★Син. Всел'енная. Eng. world.**
Мир¹ / Вселенная, космос: общие понятия/ Космос / Неорганический мир. Неживая материя

Рис. 7. Система фильтрации в РТС

Говоря о компьютерной версии словарного произведения, сложно обойти стороной её **мультимедийный аспект** и, в частности, использование разного рода инструментов наглядности. Наглядные способы семантизации, будучи широко известными в традиционной бумажной лексикографии, приобретают существенную значимость при обсуждении данного словарного ресурса. Это связано, во-первых, с его жанровыми ограничениями (демонстрирующий, а не объяснительный словарь), а во-вторых, с расширением круга иллюстративных возможностей электронного словаря, в котором могут быть задействованы не только изображения, но и аудио- и видеозаписи.

Теоретическим основанием включения иллюстративных элементов в словарь является положение о том, что знание эмпирического (образного, наглядно-чувственного) компонента есть неотъемлемое условие знания слова. Ср.: «Мы полностью знаем значение предметного слова, только если у нас сложился и его чувственно-наглядный образ. Так, зная, что *домкрат* – это «механизм для поднятия тяже-

стей на небольшую высоту», мы ещё не знаем значения слова *домкрат*, нам необходимо его увидеть. Предложение «крупное садовое травянистое растение с большими яркими соцветиями» ещё не составляет для нас значения слова *георгин*, а «самка крупного домашнего рогатого скота» — ещё не значение слова *корова*, пока мы не сформировали представления об этих предметах» [12. С. 130]. Аудио- и видеозаписи в этом смысле отличаются от рисунков лишь тем, что обслуживают особые разряды конкретной лексики: первые — слова со звуковым компонентом в значении, вторые — с моторно-двигательным.

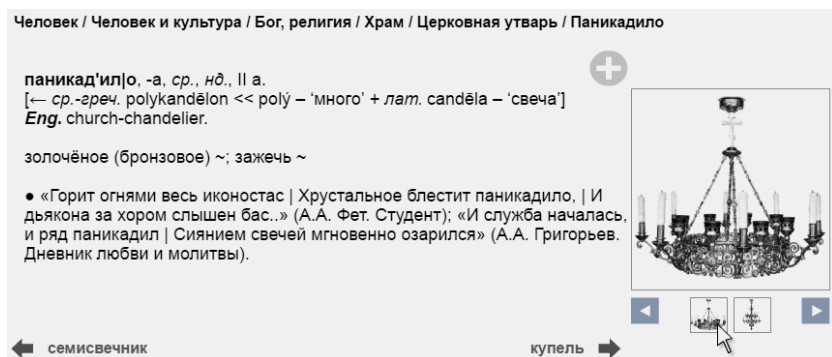

Рис. 8. Словарная статья с иллюстрациями

Следует отметить, что иллюстративные элементы предполагается использовать не во всех словарных статьях, а прежде всего в отношении тех слов, которые являются гипотетически малопонятными (агнотимическими) для пользователя словаря и имеют яркий эмпирический компонент в значении¹. Рисунки, например, крайне полез-

¹ В.В. Морковкин перечисляет семантические разряды лексики, в отношении которых полезно применять остенсивную семантизацию. К ним он относит: 1) объекты растительного и животного мира; 2) предметы быта и домашнего обихода; 3) предметы одежды; 4) бижутерию и детали украшения одежды; 5) предметы мебели; 6) устройства и механизмы; 7) детали машин и механизмов; 8) рабочие инструменты; 9) музыкальные инструменты; 10) строения, архитектурные сооружения и их детали; 11) сосуды и другие ёмкости; 12) холодное и огнестрельное оружие; 13) спортивные объекты и пр. [13. С. 172].

ны при описании единиц тематической группы «Драгоценные, полудрагоценные и поделочные камни» (*хризоберилл, александрит, аквамарин, шпинель, опал, турмалин* и др.), аудиозаписи – при описании слов группы «Звуки, издаваемые животными» (*урчать, цокать, скулить, чирикать, тенькать, стрекотать* и др.), видеозаписи – при лексикографировании единиц группы «Способы передвижения животных» (*аллюр, рысь, галоп, трусить, планировать², вспорхнуть* и др.) (рис. 8).

Воплощение «Русского тематического словаря» в электронном формате позволит получить оригинальное и многофункциональное лексикографическое произведение, представляющее объёмную модель лексической системы русского языка. Задуманная компьютерная версия является, во-первых, традиционным справочным пособием с удобной системой поиска; во-вторых, средством обучения, предназначенным для порождения речи; в-третьих, своеобразной базой данных для исследовательской работы.

Принятые в РТС сокращения и условные знаки

Ант. – антонимы

зд. – здесь, в данном значении

Не путать с – паронимы и таронимы

нд. – неодушевлённое (существительное)

нсв. – несовершенный (вид)

св. – совершенный (вид)

Син. – синонимы

Ср. – сравните; знак, вводящий аналоги

такж. – также

фр. – фразеологизм

~ – знак, вводящий заголовочную единицу в исходной форме или её неизменяемую часть (основу)

★ (пятиконечная звезда) – знак, вводящий синонимы, антонимы, аналоги, паронимы и таронимы заголовочной единицы

● (тёмный кружок) – знак, вводящий пословицы, поговорки и яркие цитаты

| (вертикальная чёрточка) – знак, с помощью которого: а) в грамматической характеристике изменяемая часть отделяется от неизменяемой; б) стихотворное произведение делится на строки.

' (акут) – знак ударения

I а, V б – индекс, отсылающий к присловарной грамматической характеристике

✓ (поднятая над строкой галочка) – знак в разделе ★, указывающий на то, что синоним относится к иному по сравнению с заголовочной единицей стилистическому регистру

[] (квадратные скобки) – в них заключаются: а) факультативные элементы; б) краткие этимологические справки

(а), (б), (в) и т.д. – индексы лексико-семантических вариантов многозначного слова

... (отточие) – знак прерванной цитаты (в отличие от многоточия)

Литература

1. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Рус. яз., 1993. – 248 с.
2. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 256 с.
3. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 71 с.
4. Богачёва Г.Ф., Ольховская А.И. Русский тематический словарь: традиции и новации // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 4. – С. 49–55.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
7. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика: учеб. пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 336 с.
8. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
9. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. – Т. 1: Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
10. Ольховская А.И. Поэзия как элемент «Русского тематического словаря» // Международный аспирантский вестник. – 2016. – № 3. – С. 55–60.
11. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
12. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 122 с.
13. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: АО «Астра семь», 1997. – 415 с.

AN ELECTRONIC IDEOGRAPHIC DICTIONARY: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS (ON THE MATERIAL OF *THE RUSSIAN THEMATIC DICTIONARY*)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 39–60.

DOI: 10.17223/22274200/12/3

Galina F. Bogacheva, Aleksandra I. Olkhovskaya, Maria K. Paramonova, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: ms.galbo@mail.ru / aleksandra_olhovskaya@mail.ru / mkparamonova@gmail.com

Keywords: lexicography, computer lexicography, ideography, thematic dictionary, electronic dictionary.

The article considers the conception of *The Russian Thematic Dictionary* and ways to implement it using computer lexicography. A very productive idea of the dictionary as a language system model (Morkovkin 1970) underlies *The Russian Thematic Dictionary* according to which information on the systemic features of a unit is a springboard for its speech implementation.

The first part of the article presents a number of theoretical provisions regarding lexis ideographic description. Minimal units of ideographic description, means of lexical system vectors representation (such as paradigmatic, syntagmatic and derivational), a need for definitions in a thematic dictionary are discussed in this part.

The second part relates to *The Russian Thematic Dictionary* computer implementation techniques which are working on the implementation of the basic idea that lies in its foundation. These techniques are primarily a visualization of diverse linear and hierarchical connections between lexis units that always stay planar in a paper dictionary version. The volume in an electronic version is created in three ways: through a hyperlink system, a cluster presentation of thematic groups and a combined vision of objects belonging to different compositional levels. The second advantage of the dictionary computer implementation is the simplification of vocabulary interpretation achieved through a system of pop-up windows which include transcripts and commentaries.

Besides, the computer version provides advanced search capabilities. At the moment the system of filters includes options such as grammatical features, stylistics, synonyms, antonyms, paronyms and taronyms, analogues, etymology, semantic compatibility and linguocultural material. The planned functionality of *The Russian Thematic Dictionary* also gives an opportunity of individual work with dictionary materials (adding materials to one's "briefcase", the possibility of their systematisation and downloading).

Finally, the computer electronic version of *The Russian Thematic Dictionary* has a multimedia component that includes not only images but also audio and video recordings. Illustrative elements will not be used in all dictionary entries but primarily for words that are hypothetically poorly understood and have a pronounced empirical component of the meaning. Images, for example, are very useful when describing units of the "Precious, Semi-Precious and Ornamental Stones" thematic group (*chrysoberyl, alexandrite, aquamarine, spinel*, etc.), audio recordings when describing units of the "Animal Sounds" group (*rumble, clink, tweet, tinker (make a sequence of ringing melodic sounds)*, etc.), video recordings when describing units of the "Animal Movement Methods" group (*gait, trot, gallop, jog-trot*, etc.).

The computer implementation of *The Russian Thematic Dictionary* will become an original and multifunctional lexicographic work representing a multidimensional model of the Russian language lexical system.

References

1. Denisov, P.N. (1993) *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [Vocabulary of the Russian language and the principles of its description]. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Denisov, P.N. (1974) *Ocherki po russkoy leksikologii i uchebnoy leksikografii* [Essays on Russian lexicology and educational lexicography]. Moscow: Moscow State University.
3. Morkovkin, V.V. (1970) *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow: Moscow State University.
4. Bogacheva, G.F. & Ol'khovskaya, A.I. (2016) "Russkiy tematicheskii slovar": traditsii i novatsii [Russian Thematic Dictionary: traditions and innovations]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 4. – pp. 49–55.
5. Novikov, L.A. (1982) *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow: Nauka.
7. Shmelev, D.N. (2003) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [The modern Russian language. Vocabulary]. Moscow: Editorial URSS.
8. Zaliznyak, A.A. (2006) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in the language and ways of representing it]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Apresyan, Yu.D. (2009) *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Studies on semantics and lexicography]. Vol. I. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
10. Ol'khovskaya, A.I. (2016) Poetry as an element of the Russian Thematic Dictionary. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik*. 3. pp. 55–60. (In Russian).
11. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. (2016) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [A great universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovari XXI veka; AST-PRESS ShKOLA.
12. Sternin, I.A. (1979) *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Problems in analyzing the structure of the meaning of a word]. Voronezh: Voronezh State University.
13. Morkovkin, V.V. & Morkovkina, A.V. (1997) *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonyms (words that we do not know)]. Moscow: AO "Astra sem".

Н.П. Перфильева

О КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМНОГО СЛОВАРЯ МЕТАПОКАЗАТЕЛЕЙ

Приведены фрагменты словарных статей многоаспектного и системного словаря метапоказателей. Цель автора – рассмотреть композицию словарной статьи и глубину описания ее компонентов (зон, лексикографических параметров) и показать зависимость лексикографического типа метапоказателей от количества лексикографических параметров и их специфики. Детально описываются каждая зона и все лексикографические параметры, в том числе и дифференциальные, обосновывается выделение трех лексикографических типов метапоказателей.

Ключевые слова: метапоказатель, композиция словарной статьи, зона, лексикографический параметр, лексикографический тип, прагматический компонент.

В статье представлены фрагменты словарных статей многоаспектного, системного словаря метапоказателей, который разрабатывается в Новосибирском государственном педагогическом университете более 10 лет [1]. Актуальность такого словаря обусловлена тем, что хотя метапоказатели и составляют значительный пласт дискурсивной лексико-фразеологической системы современного русского языка с включенными в ее «орбиту» сочетаниями слов в функции метаэлементов, однако в современной лексикографии описаны фрагментарно и «попадали» в словарь, как правило, случайно, в рамках разных аспектных словарей: служебных слов [2, 3, 4], эквивалентов слова [5], дискурсивных слов [6], пунктуации вводных слов [7]. Более того, ряд названных словарей незначительно отличаются от толковых по количеству лексикографических параметров [5, 3, 7], между тем пользователям часто нужна разноплановая информация о словарных единицах.

В словник словаря метапоказателей включены и лексемы (*словом, итак, наконец, вернее, точнее*), и фразеологические единицы (*таким образом, прежде всего*), и словосочетания (*в полном смысле слова, в прямом смысле, объективно говоря, образно говоря*), регулярно эксплицирующие метатекст в интерпретации А. Вежбицкой [8] (т.е. рефлексия говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения; его манеры, логики изложения,

структурирования высказывания, перехода от одной части к другой, ранжирования информации по степени значимости, выбора используемых лексических и фразеологических единиц и ее интерпретации). Место вокабулы в словаре метапоказателей как в системно-алфавитном определяется сочетанием двух факторов: ее принадлежностью лексикографическому типу метапоказателей и алфавитным порядком.

Отчетливо можно выделить три лексикографических типа метапоказателей: скрепы (*таким образом, прежде всего словом, итак, наконец, вернее, точнее, во-первых, более того*), квазиперформативы (*повторю, добавлю, обратим внимание*) и семасиологические метапоказатели (*в прямом смысле, в полном смысле слова, в прямом смысле, в плохом смысле слова, образно говоря*).

Цель статьи – обосновать целесообразность композиции словарной статьи, глубины описания ее компонентов (зон, лексикографических параметров) и показать зависимость лексикографического типа метапоказателей от количества лексикографических параметров и их специфики.

Дефиниции понятия «**лексикографического типа**», предложенные Ю.Д. Апресяном, варьируют: в одной учитывается только один интегральный признак лексем [9], тогда как в другой – «ряд совпадающих свойств» [10. С. 389] у словарных единиц одного лексикографического типа. На наш взгляд, к лексикографическому типу относятся метапоказатели с **пучком** интегральных и дифференциальных признаков. **Лексикографический тип** – это группа словарных единиц, имеющих ряд совпадающих свойств (семантических, прагматических, синтаксических, сочетаемостных, морфологических, просодических и т.п.), к которым обращаются одни и те же правила лингвистического описания и которые требует единообразного описания в словаре.

Выделение разных лексикографических типов метапоказателей, как и в других случаях, тесно связано с лексикографической параметризацией слова, поскольку у словарных единиц одного лексикографического типа количество и состав обязательных и факультативных параметров, как правило, совпадают. Отсюда каждый лексикографический тип метапоказателей является группой словарных единиц, выделенной на основе совокупности интегральных и диф-

ференциальных гетерогенных лексикографических параметров, зон описания, взаимосвязанных друг с другом.

Каждый метапоказатель подается в отдельной словарной статье, так же как и в «Словаре служебных слов русского языка» [2]: с прагматической точки зрения (в контексте диалога «человек – словарь» [11]) пользователю словаря удобнее вести поиск информации. Кроме того, «идиоматически-целостные сочетания, – с точки зрения лексикографа, – как справедливо отмечает Б.А. Ларин, – являются словами, особым разрядом слов, поэтому их следует без колебаний помещать в словарях в виде **отдельных статей**, печатая жирным заголовком весь идиоматический оборот речи, вместо того чтобы прятать этот материал в концовках статей на то или другое составляющее слово» [12. С. 202].

Словарная статья, будучи основной композиционно-коммуникативной единицей словаря [13], представляет собой вид текста, подготовленного одним лексикографом, а чаще целым коллективом [11], сложный лингвистический жанр, который решает сразу много различных задач [14].

Словарная статья любого словаря имеет универсальные и индивидуальные характеристики. Универсальными характеристиками словарной статьи П.Н. Денисов называет «свойства словаря, которые не зависят от его типа» [13. С. 205]. Их немного (заглавие, орфографический параметр), что обусловлено разнообразием типов лингвистических словарей в русистике. Индивидуальные особенности словарной статьи задаются типом словаря. Значит, и композиция словарной статьи обусловлена типом словаря метапоказателей как многоаспектного, системного, толкового, иллюстративного и синхронного.

Описание метапоказателя, как в любой словарной статье, строится в регламентированной форме, но не слишком жесткой. Регламентация в данном случае относится к композиции словарной статьи, приемам подачи лексикографического материала, способам группировки метапоказателей.

Далее введем необходимые термины.

Все лексикографические параметры вслед за Ф.П. Сороколетовым делим на обязательные и факультативные [15]. К **обязательным** в словаре метапоказателей относятся параметры, которые представлены в каждой словарной статье и являются характеристикой каждой

словарной единицы, а к **необязательным (факультативным)** – параметры, которые являются существенными, определенными только для единиц какой-то функциональной группы метапоказателей. Лексикографические типы метапоказателей дифференцируются на основе совокупности обязательных и факультативных лексикографических параметров.

Словарная статья членится на части, или зоны. **Зона** – это такая композиционная часть словарной статьи, которая имеет длину от слова до сложного синтаксического целого, представляет собой область описания словарной единицы в определенном аспекте, характеризуется цельностью, неразорванностью представления информации и содержит один (и более) лексикографический параметр. Иногда зона совпадает с параметром, а иногда включает пучок параметров. Зоны также могут быть обязательными и необязательными (факультативными) в зависимости от актуальности этой информации для данного метапоказателя.

Словарные статьи имеют одинаковый набор обязательных лексикографических параметров и различаются количеством зон и необязательных параметров описания.

К обязательным в создаваемом словаре относятся зоны: **заглавие** с обязательным параметром (*орфографический*) и необязательными (информация о *варьировании плана выражения метапоказателя* и о *грамматической парадигме некоторых словарных единиц*); **сфера функционирования** с обязательными параметрами (*дистрибутивная характеристика словарной единицы, сфера её функционирования, радиус действия метапоказателя*); **статус в языковой системе** с обязательным параметром (*грамматическая квалификация словарной единицы*) и необязательными параметрами (*просодический, пунктуационный, функциональная омонимия*); **семантика** с обязательными параметрами (*толкование, прагматическая программа, функционально-стилистический*) и необязательными (*синонимический ряд, отрицательный материал*). Необязательной является зона **формальные функции**.

Все обязательные зоны, в отличие от «Толкового словаря служебных частей речи русского языка» [3], содержат иллюстративный материал в виде цитат не только как дополнительный способ толкования словарной единицы [16, 17], но и для демонстрации ее функционирования.

Несколько зон на основе одного аспекта исследования можно объединить в **блок**. В словарной статье выделяется морфолого-синтаксический блок.

Композиция словарной статьи, или порядок следования зон, определяется взаимосвязанностью лексикографических параметров и основной задачей лексикографического описания – семантической интерпретацией.

Словарная статья, как и в других словарях, традиционно начинается с зоны **«Заглавие»**, в которой полужирным шрифтом представлен метапоказатель («черное слово»), например: **наконец, кстати, в буквальном смысле (значении) слова, добавлю / добавим**. Это универсальная зона, поскольку отражает универсальный – *орфографический* – параметр. Она включает и необязательные параметры – информацию о *варьировании плана выражения словарной единицы* (в том числе о нормативном порядке компонентов) и о ее *грамматической парадигме*. Зона «Заглавие» информирует пользователя о вариантах плана выражения метапоказателя. К ним относятся: а) фонетические (*более / больше того*); б) грамматические (*скажу / скажем в заключение*); в) синтаксические (*прямо говоря – говоря прямо*); г) формальные варианты неоднословных метапоказателей, которые могут различаться синонимическим компонентом (*фигурально выражаясь / говоря, в прямом смысле / значении слова*), полной / неполной реализацией модели словосочетания (*говоря торжественнее / торжественнее, в хорошем смысле слова / в хорошем смысле, если честно / если честно говорить*), грамматической формой имени прилагательного в семасиологических метапоказателях (*в плохом / худшем / самом худшем смысле слова*). В заглавии словарной статьи синонимический вариант знаменательного компонента метапоказателя помещается в скобках, например: **в переносном смысле (значении) слова, говоря военным слогом (языком)**.

Параметр *грамматическая парадигма* представлен в информации о возможных грамматических формах глагола-метапоказателя (обычно квазиперформатива), которые даются через косую черту, например: **прямо говоря / скажем, заметим / заметьте, добавлю / добавим**.

Далее в словарной статье следует **морфолого-синтаксический блок**, объединяющий органично связанные между собой зоны:

«Сфера функционирования», «Формальные функции», «Статус в языковой системе». Такая композиция словарной статьи обусловлена тем, что при «пословном» описании метапоказателей, так же как и незначительных единиц, формальные характеристики исследуемого объекта и в предложении, и в тексте позволяют определить, каков вклад данной единицы в семантику высказывания и в какие лексико-семантические группировки (парадигмы) слово входит. Информация, полученная в рамках этого блока, может стать релевантной при семантической интерпретации метапоказателя, поэтому морфолого-синтаксический блок, по замыслу словаря, предшествует семантическому в композиции словарной статьи.

Зона «Сфера функционирования» включает обязательные параметры: *дистрибутивная характеристика, сфера её функционирования, радиус действия* словарной единицы. Приведём примеры.

1. Прежде всего. Сфера функционирования. А) Преимущественно фрагмент текста: *Марине часто задают вопрос: – Чем вас привлекает жизнь в Москве? – Прежде всего, в Москве я познакомилась с моим мужем, Владимиром Высоцким. Но и до этого я не ездила бы туда так часто, если бы не была там так счастлива* (В. Перевозчиков). Радиус действия – от предикативной единицы до сложного синтаксического целого. Занимает интерпозицию в текстовом фрагменте, поскольку высказыванию с данным словом должна предшествовать предикативная единица, которая в тексте выступает в качестве тезиса в монологе или вопроса в диалоге. В предложении занимает обычно инициальную позицию. Б) Изредка – неэлементарное предложение: *Затем произведём расчёт числа обвиненных и прощённых, окончательные же приговоры Аудиториата разделим в свою очередь на четыре категории: прежде всего, тяжёлые наказания – заключение в тюрьму, крепость, каторжные работы сроком более 6 месяцев; во-вторых, лишение чинов и дворянства; в-третьих, увольнение со службы или отставка; наконец, штраф, незначительное взыскание временное заключение (до 6 месяцев) с последующим возвращением на службу* (Н.Я. Эйдельман). Организует конструкцию типа ряд. Радиус действия – от слова до предикативной единицы. В предложении занимает интерпозицию.

2. В буквальном смысле (слова). Сфера функционирования. А) Предложение: *Про Березовского, кстати, говорили так же: поло-*

вина олигарха – это безжалостный робот-математик, а другая – застенчивый еврейский мальчик из семьи (**в буквальном смысле**) старых московских интеллигентов (Изв. 2001. № 13). Б) Иногда фрагмент текста: – Я давно хотел сообщить вам с мамой... что должен уйти. – Как уйти? – **В самом буквальном смысле**. Покинуть ваш дом, который был нашим (А. Алексин. Игрушка). Радиус действия – слово или словосочетание. Употребляется чаще в постпозиции к слову, а реже в препозиции.

3. **Добавлю / добавим**. Сфера функционирования. А) Как правило, текст, часто диалогический: – Вас называют «адвокатом жанра». А нуждается ли в защите оперетта? Веселая, зажигательная, где граф скрывается под маской простолудина, а старики лихо отплясывают канкан вместе с молодыми красотками кабаре? – И, **добавлю**, умеют хорошо петь без микрофона (Г. Васильев). Радиус действия – от предложения до сложного синтаксического целого. Б) Иногда предложение: Только высокие (**добавим** – и недостижимые) идеи могут объединять общество (Р. Баландин, С. Миронов. Тайны смутных эпох). Радиус действия – слово или словосочетание.

Сферой функционирования метапоказателя мы называем такое его контекстуальное окружение, которое является достаточным для реализации его семантико-прагматического потенциала и функций. Это может быть высказывание различного объёма – от предложения (**вульгарно выражаясь, в метафорическом смысле, в кавычках**) до текста (**итак, о чем речь шла выше, повторяю**). Радиус действия метапоказателя есть такой фрагмент контекста (слово, словосочетание, предикативная единица), который является достаточным для реализации смысла данной словарной единицы. Сфера функционирования и радиус действия могут совпасть, например, для текстообразующих метапоказателей-скреп, однако несовпадение является обязательным, если лексикографический тип – семасиологический метапоказатель (**в буквальном смысле, в метафорическом смысле**). В этом случае независимо от сферы функционирования этих метапоказателей (предложение или текстовый фрагмент) радиус действия – слово или словосочетание, что обусловлено прагматическим компонентом словарных единиц (выполняют функцию актуализации).

Дистрибутивный анализ исследуемых единиц состоит в том, что определяется: а) сфера функционирования метапоказателя: предло-

жение и/или текст (и какой формы организации – монологической или диалогической); б) доминирующий вариант контекстного окружения (в словарной статье подается под литерой А); в) набор различных синтаксических позиций метапоказателя (интерпозиция, инициальная или финальная позиция) в пределах выделенного варианта относительно топики (слова / предикативной единицы).

При выявлении сферы функционирования метапоказателя иногда является существенным, в какой форме организации связной речи – монологической или диалогической – реализует свой потенциал метаэлемент. В некоторых случаях именно этот параметр помогает выявить прагматический компонент в семантике слова. Так, характеристика «Может употребляться в монологической и диалогической речи» позволила выявить следующий факультативный прагматический компонент слова **кстати**, например: «В диалогическом единстве факульт. «Я намерен сменить тему разговора, чтобы коммуникация была продуктивной, гармоничной»:

– Гм! – промычал он. – Аркадий Николаевич заботится о твоём воспитании. Что ж, ты пробовал читать?

– Пробовал.

– Ну и что ж?

– Либо я глуп, либо это все – вздор. Должно быть, я глуп.

– Да ты по-немецки не забыл? – спросил Павел Петрович.

– Я по-немецки понимаю.

Павел Петрович опять повертел книгу в руках и исподлобья взглянул на брата. Оба помолчали.

– **Кстати**, – начал Николай Петрович, видимо, желая переменить разговор. – Я получил письмо от Колязина (И. Тургенев)».

Таким образом, зона «Сфера функционирования» с обязательными параметрами (*дистрибутивная характеристика, сфера её функционирования, радиус действия словарной единицы*) относится к дифференциальным признакам лексикографического типа метапоказателей. По параметру «*дистрибутивная характеристика словарной единицы*» (возможность расположения на границе предикативных единиц) метаэлементы-скрепы противопоставлены семасиологическим метапоказателям, для которых эта позиция неактуальна, случайна. По сочетанию параметров «*сфера функционирования*» (текст или предложение) и «*радиус действия*» (фрагмент текста,

предложение, его часть или слово) метаэлементы-скрепы, квазиперформативы противопоставлены семасиологическим метапоказателям. Первые по радиусу действия являются универсальными, а последние, подобно акцентирующим частицам, функционируют в предложении, выделяя слово или сочетание слов, например: *Я сейчас не говорю, что богат, но мог бы стать богатым человеком в самом серьёзном смысле слова, если бы давал концерты* (К. Райкин. Из интервью).

На базе дистрибутивной характеристики метапоказателя выявляется его отношение к формальным функциям. Поэтому закономерен переход к следующей зоне – **«Формальные функции»**. Обратимся к примеру этой зоны словарной единицы *прежде всего*: **«Формальные функции»**. А) Служит для связи фрагментов текста, предложений, т.е. выполняет текстообразующую функцию (эксплицирует линейность, связность, структурированность). Б) Связывает части предложения (однородные члены предложения, предикативные единицы), т.е. выполняет конструктивную функцию».

Под **конструктивной функцией** метапоказателя, как и союзной скрепы, понимается способность организовывать конструкцию простого или сложного предложения, а под **текстообразующей** – способность словарной единицы соединять части текста, обеспечивая его связность, целостность, структурированность. В рамках интегрального описания словарных единиц продуктивным является сопряжение слово- и текстоцентрических подходов и целесообразна характеристика участия ряда метапоказателей в реализации текстовых категорий. Она представлена в словарных статьях только тех метапоказателей, радиус действия которых – текст или текстовый фрагмент. Эту характеристику имеют словарные статьи метапоказателей-скреп и большинства метапоказателей-квазиперформативов в силу их полифункциональности.

Рассматриваемая зона является факультативной, потому что не все метапоказатели выполняют формальные функции. Однако способность метапоказателей регулярно или нерегулярно выполнять / не выполнять формальные функции – это дифференциальный признак определенного лексикографического типа метапоказателей. Эта зона обязательно представлена в словарных статьях, интерпретирующих метапоказатели-скрепы (они способны выполнять обе формальные функции), в отличие от семасиологических метаоператоров. Периферийное положение занимают метапоказатели-квазиперформативы,

поскольку в некоторых случаях они выполняют только текстообразующую функцию, однако их способность выполнять обеспечение линейности и связности не является интегральным признаком всех единиц данного лексикографического типа, так как некоторые из них выполняют только актуализационную функцию (**обратим внимание, подчеркнем**).

Зона «Статус в языковой системе» объединяет четыре параметра: *грамматическая квалификация* словарной единицы, *просодический, пунктуационный, функциональная омонимия*. Обратимся к параметрам:

1) **прежде всего** – «эквивалент слова, аналог союза, имеет некоторые признаки модального слова (просодическая характеристика, прагматический компонент значения). Пунктуационно выделяется. Интонационная выделенность в потоке речи позволяет отграничить гибридный эквивалент слова, сочетающий признаки союза и модального слова, от частицы, которая выступает как актуализатор части предложения. **Функциональный омоним** – аналог акцентирующей частицы **прежде всего**. Ср.: «Твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много» – тоже благодаря **прежде всего** самому Верховному (Д. Волкогонов). В данном контексте **прежде всего** не выделяется запятыми, поскольку сливается со словосочетанием в синтагму»;

2) **добавлю / добавим** – «слово, глагол-перформатив, имеет некоторые признаки модального слова (интонационная характеристика, пунктуационная выделенность в предложении, прагматический компонент значения), что позволяет квалифицировать его как метапоказатель, сочетающий признаки глагола и модального слова»;

3) **в буквальном смысле** – «словосочетание, не является самостоятельным членом предложения. Ср.: *Не стоит воспринимать эти слова в буквальном смысле* (Сов. спорт. 2008.23.06)».

Обязательный параметр *грамматическая квалификация* словарной единицы включает синтаксическую (словосочетание / слово / эквивалент слова) и морфологическую квалификацию слов и их сочетаний. Помета *словосочетание* дается глагольно-именным и субстантивным сочетаниям слов (**в прямом смысле, в буквальном смысле, строго говоря, образно говоря, грубо выражаясь, мягко говоря**), каждый компонент которых реализует свое свободное лексическое значение. Грамматическая помета *эквивалент слова*

применяется к словарным единицам, которым свойственна идиоматичность и раздельнооформленность (*прежде всего, таким образом*).

Итак, обязательный параметр *грамматическая квалификация* является дифференциальной характеристикой лексикографических типов метапоказателей. Метапоказатели-скрепы и метапоказатели-квазиперформативы четко дифференцируются между собой: первый лексикографический тип по формальным свойствам и семантике является релятивами, а второй – полнозначными глаголами, которые выполняют особые формальные и прагматическую функции в определенной коммуникативной ситуации. Семасиологические же метаоператоры – это преимущественно свободные словосочетания (правда, иногда благодаря частоте употребления и устойчивости некоторых сочетаний слов обсуждается вопрос о фразеологизации таких сочетаний, как *иначе говоря*).

Данная зона, как видим, содержит информацию о *просодическом* и *пунктуационном* параметрах, а также о наличии функционального омонима. Соединение этих параметров в одной зоне обусловлено тем, что при разграничении вводных элементов и функциональных омонимов просодические различия в устной речи, так же как и пунктуационные – в письменной, сигнализируют о различной синтаксической функции слова / сочетаний слов, а следовательно, и о различном категориальном статусе сопоставляемых единиц. Несмотря на факультативность данных лексикографических параметров, они являются значимыми для словаря, потому что значительную долю словника составляет лексикографический тип – метапоказатели-скрепы (*выходит, значит, таким образом, словом, далее, прежде всего, наконец* и др.), которые имеют функциональные омонимы. Такая информация обеспечивает практическую направленность словаря, ибо его пользователи часто нуждаются в справочной информации относительно интерпретации грамматического статуса и пунктуационного оформления метапоказателей и их функциональных омонимов в высказывании. Поэтому пунктуационные словари в настоящее время актуальны [7].

Попутно заметим: ядро метаэлементов-скреп (*более того, в общем, во-первых, во-вторых, впрочем, выходит, главное, далее, значит, и вообще, и ещё, или, и последнее, кроме того, кстати, между прочим, например, наоборот, напротив, следовательно,*

таким образом, словом, так) сочетает признаки вводных слов и союзов [18–20]. На периферии же этого лексикографического типа метапоказателей находятся: а) словарные единицы, которые, как и полагается классическим союзным скрепам, не характеризуются интонационной выделенностью в потоке речи (*в данном случае, отсюда*); б) метаэлементы, грамматический статус которых (*вернее, точнее, в частности, к тому же*) противоречиво оценивается в современной лингвистической литературе [21].

По *просодическому* и, соответственно, *пунктуационному* параметрам семасиологические метаоператоры отчетливо противопоставлены метаэлементам-квазиперформативам и частично гибридным метапоказателям-скрепам, поскольку они в современной ситуации ни в устной, ни в письменной речи не выделяются и, соответственно, не имеют статуса вводных элементов. В связи с этим не обсуждается по отношению к этому лексикографическому типу вопрос о функциональной омонимии.

Зона «**Семантика**» включает обязательные параметры (*толкование* и *прагматическая программа, функционально-стилистический*) и необязательные (*синонимический ряд* (СР), *отрицательный материал*). Параметры *толкование* и *синонимический ряд* объединяются в одну зону как наиболее частотные способы интерпретации лексического значения слова в традиционной лексикографии. В основу семантической интерпретации словарных единиц положена концепция многокомпонентности лексического значения слова.

Обратимся к примеру. Собственно семантическая зона словарной единицы *прежде всего* имеет вид: Семантика. 1) «Ввожу первый пункт в перечне чего-л.»:

Советы тем, кто решил стать врачом

Прежде всего, надо любить и уважать людей.

Еще совет будущим врачам: как следует учить химию <... >.

Наконец, последнее: «познай самого себя» – совет древний и очень мудрый (Учительская газ. 1995. № 16).

СР: *первое, во-первых.*

2) «Ввожу или выделяю первый аргумент / аспект»: *Молотов и после войны утверждал, что Хозяин в то время «ликвидировал пятую колонну». Иначе, по его словам, мы едва бы выстояли в войне. Однако и Сталин, и Молотов были далеки от истины. Прежде всего, в 1937–1938 годах Сталин вырубил не врагов, об этом мы уже*

много говорили. Ну и, **наконец**, квислинги и лавали были и на Западе; предатели, коллаборационисты появились, и в немалом количестве, и на оккупированных территориях Советского Союза (Д. Волкогонов).

СР: **во-первых**.

В первом лексико-семантическом варианте метапоказателя выделяем семы: 'вводить', 'ряд', 'пункт', 'первый', а во втором – 'вводить', 'ряд', 'аспект', 'аргумент', 'первый'. Поскольку оба лексико-семантических варианта имеют интегральные семы, то метапоказатель представлен как многозначное слово.

Если ограничиться только толкованием, то задача формирования правильного представления о семантике метапоказателей перекладывается на читателя, поскольку он сам должен произвести сопоставительную работу. Поэтому каждый лексико-семантический вариант слова сопровождается синонимическим рядом. Сопоставление синонимов к первому и второму значению словарной единицы подтверждает, что **прежде всего** имеет семантическую структуру полисеманта.

Синонимический ряд традиционно открывается доминантой, т.е. словарной единицей, которая имеет наиболее общее значение в данном ряду, является самым употребительным, стилистически нейтральным, прагматически, грамматически, коммуникативно допустимым. Так, метапоказатель **добавлю / добавим** имеет значение «скажу в дополнение, ввожу попутное замечание или информацию по ассоциации», которое подтверждает СР: **попутно заметим, кстати сказать, к слову, и еще** (разг.), **вот ещё** (разг.). Дефиниция метаоператора **в буквальном смысле** имеет «Я употребляю слово в точном, прямом значении» иллюстрируется высказыванием *А в 1976 году ЯК-42 под Киевом сел в болото – в буквальном смысле. Ни пассажиры, ни экипаж не пострадали* (Изв. 2009. № 6) и уточняется СР: **в прямом значении, в переносном значении, в точном значении**.

Однако синонимический ряд – необязательный параметр словарной статьи, потому что не все метапоказатели имеют синонимы.

В зону «Семантика» также включен параметр *прагматическая программа* (термин М.В. Ляпон), представляющий совокупность прагматических компонентов в семантике этого пласта дискурсивной лексики.

Прагматическую «программу» метапоказателя образует динамическое взаимодействие таких слагаемых смысла, как интенция Говорящего и фактор Адресата. Эта часть словарной статьи включает интерпретацию обязательных и факультативных прагматических компонентов.

Обязательный прагматический компонент первого порядка («Я контролирую и комментирую свое речевое поведение»), независимо от контекста, интегрирует все словарные единицы данного словаря, отражая информацию о коммуникативном акте и его участниках, и поэтому не содержит иллюстративного примера. В части любой словарной статьи, представляющей данный параметр, он обозначен под символом 1) и сопровождается пометой *Обязат.*

Обязательный прагматический компонент второго порядка объединяет слова одной функционально-смысловой группы метапоказателей или лексикографического типа, оформляется под символом 2) и сопровождается также пометой *Обязат.* Следовательно, обязательный прагматический компонент второго порядка выступает в качестве дифференциального признака при выделении лексикографических типов метазлементов. Например, компонент «Я акцентирую внимание на значении слова, чтобы адресат адекватно декодировал мою мысль» объединяет семасиологические метазлементы (*в точном значении, в высоком смысле, в прямом значении, в буквальном смысле слова* и т.д.). Прагматический компонент второго порядка может объединять словарные единицы не всего лексикографического типа, а функционально-смысловой группы. Так, для метапоказателя-скрепы *наконец*, так же как и для *во-первых, во-вторых, в-третьих, далее, прежде всего, наконец, и последнее, и ещё* и т.д., интегральным является обязательный прагматический компонент «я структурирую свой дискурс и задаю множественную систему аргументации, n-местный перечень чего-либо с тем, чтобы адресат высказывания точно воспринимал границы пунктов (аргументов, аспектов) в перечне». Однако он не представлен в прагматической программе слов и эквивалентов слов: *итак, таким образом, выходит, словом, значит, следовательно, стало быть*, связанных с когнитивно-коммуникативной ситуацией логического вывода, обобщения, подведения итогов.

Итак, обязательные прагматические компоненты при описании маркируются пометой *обязат.* и располагаются в **строгом** порядке,

который зависит от диапазона представленности прагматического компонента в описываемом языковом материале (вся лексическая подсистема, лексикографический тип, функционально-смысловая группа).

После обязательных прагматических компонентов далее располагаются факультативные, в идеале – в зависимости от частоты реализации в речи. Однако частоту иногда можно определить условно.

Рассмотрим примеры.

1. **Прежде всего.** Прагматическая программа. 1) Обязат. «Я контролирую и комментирую свое речевое поведение с тем, чтобы адресат высказывания точно / ясно воспринимал границы аргументов, аспектов».

2) Обязат. «Я структурирую свой дискурс, задаю многоместную систему аргументации, n-местный перечень чего-либо (**прежде всего...далее...в-третьих...наконец**) и обращаю внимание адресата на первом аргументе / аспекте или пункте из перечня». См. примеры выше в зоне «Семантика».

3) Обязат. «Ввожу самый важный аргумент, аспект и выделяю его из ряда подобных благодаря внутренней форме слова»:

О нем раньше говорили, что характер у него тяжелый...

Прежде всего – он великолепный специалист. **И это главное.**
А что до характера, так он у победителей всегда имеется (Спорт-экспресс. 1995. № 102).

В высказываниях, где сема ‘приоритетность аргумента’ является актуальной, невозможна перестановка аргументов внутри текста. Эта сема обычно отличает **прежде всего** от **во-первых**, поскольку слова не утратили внутренней формы.

2. **В буквальном смысле слова.** Прагматическая программа.

1) Обязат. «Я контролирую и комментирую свое речевое поведение».

2) Обязат. «Я акцентирую внимание на значении слова-топики, чтобы адресат адекватно декодировал мою мысль». См. примеры выше в зоне «Семантика».

3) Обязат. «Я акцентирую внимание на прямом значении слова»:
*Если бы я мог жизнь повторить, то повторил бы **в буквальном смысле слова**, выбрал бы ту же самую – исключив, конечно, войну и сиротство, – очень трудную, где рядом с радостью шла боль, с по-*

бедами – неудачи, которые, кстати, заставляют обострённое видеть мир и глубже чувствовать доброту (В. Астафьев).

4) Факульт. «Я акцентирую внимание на первоначальном значении слова или сочетания слов»: *Когда наши мужчины вручили Луи Дельфино этот сувенир, он в буквальном смысле подпрыгнул от радости* (М. Покрышкина). Чаще всего эта сема реализуется, если радиус метапоказателя – слово, которое ассоциируется с метафорой, или сочетание слов, которое можно воспринять как фразеологизм.

К семантической зоне также относится *функционально-стилистический* параметр. Стилистические пометы в данном словаре отражают традиционную классификацию русской лексики с точки зрения ее стилистической дифференциации [22, 23]. Вопрос о лексике, не ограниченной по сфере употребления, решается стандартно: отсутствие пометы является информацией для читателя (*на-пример, итак*). В словарную статью вводится стилистическая помета *книжн.* или *разг.*, если метапоказатель имеет особую характеристику по признаку большей или меньшей педантичности / небрежности речи, т.е. является стилистически маркированным. Так, не рекомендуется в научном или официально-деловом тексте употреблять метапоказатель *выходит* или *и ещё*, поэтому эти словарные единицы имеют помету *разг.* Итак, *функционально-стилистический* параметр может быть представлен в словаре как имплицитно, так и эксплицитно. В обоих вариантах эта информация значима.

И наконец, рассматриваемую зону может завершать необязательный параметр *отрицательный материал*, обозначенный*. Эта информация полезна и исследователю (как подтверждение его семантической интерпретации), и изучающему русский язык как неродной. Эта часть словарной статьи выглядит следующим образом:

* Отрицательный материал: *Короче, из сборной страны, вообще из спорта их в буквальном смысле выдавили. Прежние кумиры советских болельщиков стали солистами ленинградского балета на льду* (Аргументы и факты. 2003. № 10). Слово-топик *выдавили* употреблено не в прямом значении. Ср.: «1. Давлением извлечь или, давя, выпустить (жидкое) из чего-н.» [24. С. 111].

Итак, словарная статья в словаре метапоказателей включает до 7 зон и до 14 лексикографических параметров, отражающих слово- и текстоцентрический, системно-структурный подходы к исследованию метатекста и органично соединяющих информацию разных

разделов лингвистики и семиотики (акцентологии, грамматики, лингвистики текста, семасиологии и прагматики, собственно лексикологии, пунктуации). Системная организация словаря метапоказателей обусловлена выделением лексикографических типов. Словарь содержит разные варианты словарных статей, которые представляют три лексикографических типа метапоказателей (скрепы, квазиперформативы, семасиологические метаэлементы).

Каждый лексикографический тип метапоказателей является группой словарных единиц, выделенной на основе совокупности интегральных и дифференциальных гетерогенных лексикографических параметров, зон описания, взаимосвязанных друг с другом и свойственных этим единицам. Словарные единицы, принадлежащие к одному лексикографическому типу, имеют незначительное в количественном отношении (1–2) варьирование набора лексикографических параметров. Так, словарная статья метапоказателя-скрепы имеет все зоны и насчитывает до 14 лексикографических параметров: 13 – у *во-первых* и 14 – у *наконец*. Вариативность лексикографических параметров данного лексикографического типа связана с наличием / отсутствием у словарной единицы функциональных омонимов.

Выделение разных лексикографических типов метапоказателей обусловлено: а) различным количеством зон и лексикографических параметров; б) дифференциальными лексикографическими параметрами.

а) Максимальное количество лексикографических параметров (за счет параметра *грамматическая парадигма*) имеют только словарные статьи метапоказателей-квазиперформативов, а минимальное – семасиологические метаэлементы: они также не включают зону «Формальные функции».

б) Релевантными при выделении лексикографических типов являются зона «Сфера функционирования» с обязательными параметрами (*дистрибутивная характеристика словарной единицы, сфера её функционирования, радиус действия метапоказателя*), зона «Формальные функции», зона «Семантика» с обязательным прагматическим компонентом второго порядка.

Литература

1. *Перфильева Н.П.* Лексикографическая параметризация метапоказателей // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. Лингвистика. – Новосибирск, 2003. – Т. 1, вып. 1. – С. 134–140.
2. *Словарь служебных слов русского языка* / под ред. Е.А. Стародумовой. – Владивосток : ДГУ, 2001. – 362 с.
3. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М.: Рус. яз., 2001. – 863 с.
4. *Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы* / под ред. В.В. Морковкина. – 2-е изд. – М.: Астрель, 2002. – 432 с.
5. *Рогожникова Р.П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 416 с.
6. *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания* / под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
7. *Остроумова О.А., Фрамполь О.Д.* Трудности русской пунктуации: Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: Опыт словаря-справочника. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 502 с.
8. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте: пер. с польск. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 8: Лингвистика текста / под ред. Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
9. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Избр. тр. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 348–388.
10. *Апресян Ю.Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Апресян Ю.Д. Избр. тр. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 389–404.
11. *Дюбуа Ж., Дюбуа К.* Педагогическая речь словаря: пер с фр. // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 38–50.
12. *Ларин Б.А.* Очерки фразеологии: (О систематизации и методе исследования фразеологических материалов) // Учен. зап. ЛГУ. – 1956. – № 78. – Сер. филол. наук. Вып. 24: Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. – С. 200–224.
13. *Денисов П.Н.* Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 205–225.
14. *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Наука, 1988. – С. 6–11.
15. *Сороколетов Ф.П.* К проблеме создания словаря собственно современного русского литературного языка // Очередные задачи русской академической лексикографии / под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб., 1995. С. 4–14.
16. *Булыгина Е.Ю.* Идеологический прагматический компонент в семантике слова и его лексикографическая интерпретация // Проблемы интерпретационной лингвистики: Автор – текст – адресат / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск, 2001. – С. 61–65.
17. *Девкин В.Д.* Очерки по лексикографии. – М.: Прометей, 2000. – 397 с.

18. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
19. Леденев Ю.И. Неполнозначные слова: учеб. пособие. – Ставрополь: СГПИ, 1984. – 68 с.
20. Перфильева Н.П. Метатекст в свете текстовых категорий. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 284 с.
21. Перфильева Н.П. Динамические процессы в области скреп: грамматический и пунктуационный аспекты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер. История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 9: Филология. – С. 91–101.
22. Шанский Н.М., Иванов В.В. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография // Современный русский язык: в 3 ч. – М., 1987. – Ч. 1. – 192 с.
23. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учеб. / под ред. Л.А. Новикова. – 3-е изд. – М.: Лань, 2001. – 864 с.
24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 939 с.

ON THE CONCEPT OF A SYSTEMIC DICTIONARY OF META-INDICATORS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 61–82.

DOI: 10.17223/22274200/12/4

Nataliya P. Perfil'yeva, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: perfisha@rambler.ru

Keywords: metatextual indicator, composition of dictionary entries, zone, lexicographic parameter, lexicographic type, pragmatic component.

The multidimensional illustrative dictionary of meta-indicators includes lexemes, phraseological units and word combinations that regularly explicate metatext in A. Wierzbicka's interpretation.

The aim of the article is to substantiate the expediency of the composition of the dictionary entry and the depth of the description of its components (zones, lexicographic parameters) and to show the dependence of the lexicographic type of meta-indicators on the number of lexicographic parameters and their specifics.

Each lexicographic type of metatextual indicators is a group of dictionary units selected on the basis of a set of interconnected integral and differential heterogeneous lexicographic parameters, description zones. Variants of dictionary entries represent three lexicographic types of meta-indicators: connectors (*takim obrazom* 'this way', *prezhde vsego* 'first of all', *slovom* 'in a word', *itak* 'so', *nakonets* 'finally', *vo-pervykh* 'firstly'), quasi-performatives (*povtoryu* 'I'll repeat', *dobavlyu* 'I'll add') and semasiological meta-elements (*v pryamom smysle* 'literally', *v polnom smysle slova* 'in the full sense of the word', *v plokhom smysle slova* 'in a bad sense of the word', *obrazno govorya* 'figuratively speaking').

The dictionary entry is considered as a text consisting of several zones. A zone is understood as a compositional part of a dictionary entry that has a length from a word to a complex syntactic unit, represents areas of the description of a dictionary unit in a certain

aspect, is characterised by the integrity of the representation of this information and contains one (or more) lexicographic parameter.

Dictionary entries have the same set of mandatory lexicographic parameters and differ in the number of zones and optional lexicographic parameters.

Obligatory parameters include the following zones: the title with mandatory (spelling) and optional (information on the variation of the meta-indicator expression and on the grammatical paradigm of some vocabulary units) parameters; the scope of operation with mandatory parameters (distribution characteristic of the dictionary unit, the scope of its operation, the range of the meta-indicator); the status in the language system with mandatory (grammatical qualification of the dictionary unit) and optional (prosody, punctuation and functional homonymy) parameters; semantics with mandatory (interpretation, pragmatic program, functional-stylistic) and optional (synonyms, negative material) parameters. "Formal functions" is an optional zone.

In the dictionary of meta-indicators a dictionary entry includes up to seven zones and 14 lexicographic parameters that reflect the word- and text-centered, systemic-structural approaches to the study of metatext and naturally connect information of different sections of linguistics and semiotics.

Lexicographic units of the same type have minor variations of the set of lexicographic parameters quantitatively (1–2), e.g., dictionary entries of connector meta-indicators may vary in the presence / absence of the *functional homonymy* zone in lexical units.

Different types of lexicographic meta-indicators are identified based on (1) the number of zones and lexicographic parameters; (2) differential lexicographic parameters.

References

1. Perfil'eva, N.P. (2003) Leksikograficheskaya parametrizatsiya metapokazatelye [Lexicographic parametrization of meta-indicators]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 1:1. pp. 134–140.
2. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of functional words of the Russian language]. Vladivostok: Far Eastern State University.
3. Efremova, T.F. (2001) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of functional parts of the speech of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
4. Morkovkin, V.V. (ed.) (2002) *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, link verbs]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo Astrel'.
5. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word]. Moscow: Astrel': AST.
6. Kiseleva, K. & Payar, D. (eds) (1998) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words of the Russian language: the experience of the context-semantic description]. Moscow: Metatekst.
7. Ostroumova, O.A. & Frampol', O.D. (2009) *Trudnosti russkoy punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetaniy i predlozheniy. Opyt slovaryaya-spravochnika* [Difficulties of

Russian punctuation. Dictionary of introductory words, combinations and sentences. Experience of the reference dictionary]. Moscow: Modern University for the Humanities.

8. Wierzbicka, A. (1978) *Metatekst v tekste* [Metatext in the text]. Translated from Polish. In: Nikolaeva, T.M. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Is. 8. Moscow: Progress. pp. 402–421.

9. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbr. tr.* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 348–388.

10. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbr. tr.* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 389–404.

11. Dubois, J. & Dubois, C. (1977) *Pedagogicheskaya rech' slovary* [Pedagogical speech of the dictionary]. Translated from French. In: Red'kin, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical issues of educational lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Larin, B.A. (1956) *Ocherki frazeologii* (O sistematizatsii i metode issledovaniya frazeologicheskikh materialov) [Essays on phraseology (On systematization and the method of phraseological material study)]. *Uchen. zap. LGU. Ser. filol. nauk.* 78:24. pp. 200–224.

13. Denisov, P.N. (1977) *Ob universal'noy strukture slovarnoy stat'i* [On the universal structure of the dictionary entry]. In: Red'kin, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical issues of educational lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk.

14. Shvedova, N.Yu. (1988) *Paradoksy slovarnoy stat'i* [Paradoxes of the dictionary entry]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka.

15. Sorokoletov, F.P. (1995) *K probleme sozdaniya slovary* sobstvenno sovremenno-russkogo literaturnogo yazyka [On the problem of creating a dictionary of the modern Russian literary language]. In: Sklyarevskaya, G.N. (ed.) *Ocherednye zadachi russkoy akademicheskoy leksikografii* [Next tasks of Russian academic lexicography]. St. Petersburg: In-t lingvisticheskikh issledovaniy, 1995. – pp. 4–14.

16. Bulygina, E.Yu. (2001) *Ideologicheskii pragmaticheskii komponent v semantike slova i ego leksikograficheskaya interpretatsiya* [The ideological pragmatic component in the semantics of the word and its lexicographic interpretation]. In: Tripol'skaya, T.A. (ed.) *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: Avtor–tekst–adresat* [Problems of interpretational linguistics: Author–text–addressee]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

17. Devkin, V.D. (2000) *Ocherki po leksikografii* [Essays on lexicography]. Moscow: Prometey.

18. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (A grammatical doctrine of the word)]. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk.

19. Ledenev, Yu.I. (1984) *Nepolnoznachnye slova* [Functional words]. Stavropol: Stavropol State Pedagogical Institute.

20. Perfil'eva, N.P. (2006) *Metatekst v svete tekstovykh kategoriy* [Metatext in the light of text categories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

21. Perfil'eva, N.P. (2015) *O dinamicheskikh protsessakh v oblasti skrep: grammaticheskii i punktuatsionnyy aspekty* [On dynamic processes in connectors: grammatical and punctuation aspects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser. Istoriya,*

filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 14:9. pp. 91–101.

22. Shanskiy, N.M. & Ivanov, V.V. (1987) Vvedenie. Leksika. Frazeologiya. Fonetika. Grafika i orfografiya [Introduction. Vocabulary. Phraseology. Phonetics. Graphics and spelling]. In: Shanskiy, N.M. et al. *Sovremennyy russkiy yazyk: v 3-kh chastyakh* [Modern Russian language: in 3 parts]. Part 1. Moscow: Prosveshchenie.

23. Novikov, L.A. (ed.) (2001) *Sovremennyy russkiy yazyk: Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian language: Phonetics. Lexicology. Word formation. Morphology. Syntax]. 3rd ed. Moscow: Lan'.

24. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'282.2

DOI: 10.17223/22274200/12/5

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

ГЕНДЕРНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И СЛОВАРИ КАК ЕЕ ИСТОЧНИК¹

Рассмотрены предмет, аспекты, методы, исходные понятия гендерной диалектологии. Проанализированы источники данного направления. Наиболее подробно представлены источниковедческие возможности диалектных словарей, относящихся к разным словарным типам. Анализ диалектных словарей как источника гендерных исследований проводится с выявлением источниковедческих возможностей каждой зоны словарной статьи, разработанной в соответствии с концепцией того или иного словаря.

Ключевые слова: гендерология, гендерная диалектология, словарь, информативные возможности, аспекты, метод.

Введение

Изучение гендерных аспектов языка началось в отечественной науке в конце XX в. К этому моменту относятся попытки исследователей сформулировать теоретические основы анализа гендера и обосновать правомерность выделения лингвистической гендерологии как отдельной научной дисциплины, характеризующейся собственным объектом, аспектами и методами [1, 2]. В начале XXI в. появляются работы, в которых содержится аналитический обзор основных научных концепций изучения гендера в зарубежной и отечественной гуманитарной науке, а также намечаются перспективы исследования гендерной проблематики в лингвистике [3–7].

Теоретико-методологические основы лингвистической гендерологии представлены в работе А.В. Кирилиной, которая предлагает двухъязычную модель антропоориентированного изучения языка, состоящую из метагендерного (общечеловеческого) и гендерного (манифестирующего пол) уровней [8. С. 9].

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

Е.С. Гриценко выдвигает в качестве инструмента описания гендера две модели, представляя их как глубинную и поверхностную: когнитивно-прагматическую, ориентированную на объяснение механизма порождения и интерпретации гендерных смыслов, и стилистическую, базирующуюся на описании языковых характеристик гендера [7. С. 10].

В качестве аргумента, свидетельствующего в пользу выделения гендерного аспекта в лингвистике, исследователи приводят тот факт, что «практически любая область лингвистики (проблемы референции, когнитии, морфологии, грамматики, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, семантики и прагматики, лингвистики текста и т.д.) могут быть рассмотрены с точки зрения отражения в них гендерных отношений» [1. С. 21].

Отечественные исследования в сфере лингвистической гендерологии формируются во многом с опорой на достижения зарубежной лингвистики, в которой пик гендерных исследований пришелся на 70–80-е гг. XX в. Большое влияние на развитие гендерной лингвистики оказали работы У. Лабова, предложившего квантативно-коррелятивный подход в исследовании пола [9], Р. Лакоффа, выделившего параметры женского языка [10, 11], исследования Т. ван Дейка, разрабатывающего инструменты социолингвистического анализа коммуникации [12], М. Фуко с его идеей дискурсивных практик [13] и работы других авторов¹.

В фокусе исследований современной гендерной лингвистики находятся две группы проблем: гендерная специфика речевого поведения человека, исследуемая с учетом его дискурсивных практик, и репрезентация гендера в системе языка. Язык, в свою очередь, рассматривается в качестве среды, проявляющей гендерные смыслы, и в качестве инструмента, моделирующего эти смыслы. В данный момент гендер анализируется в социо- и психолингвистическом аспекте [14–17], лингвокультурологическом [1, 18–22], и коммуникативно-дискурсивном [23–27].

¹ Анализ этапов развития и обзор основных концепций приведены в монографии А.В. Кириллиной [1], что избавляет нас от необходимости подробного описания становления лингвистической гендерологии в зарубежном языкознании.

Гендерная проблематика разрабатывается преимущественно на материале литературного языка. В качестве источников привлекаются паремиологический фонд языка [1, 22], данные психолингвистических экспериментов [14, 15], политический дискурс [7, 25], интернет-коммуникация [24], язык художественной литературы [20]. Тенденцией последнего времени является изучение обыденной разговорной речи, в том числе с учетом гендерного фактора, который вводится наряду с другими социолингвистическими параметрами: возраст, образование, национальность, профессия [28].

Описание гендерных параметров диалектной речи представлено незначительным количеством работ. Наиболее последовательно гендерные характеристики диалектной картины мира (на материале речи донского казачества) проанализированы в кандидатской диссертации Т.А. Морозовой [29], имеющей этнолингвистическую направленность. Обращение к концептам «мужчина» и «женщина» как константам, имеющим определенные виды трансформаций в диалектной культуре, встречается в трудах Т.А. Демешкиной [30, 31], М.А. Толстой [32, 33], О.А. Новоселовой [34], Т.И. Мочаловой, Ю.В. Прониной [35]. Вместе с тем, как показывает анализ лингвистических штудий, системное исследование гендерных характеристик диалектной речи пока отсутствует.

Аспекты и методы гендерной диалектологии. Основные понятия

В данной статье мы исходим из того, что формирование лингвистической гендерологии невозможно без обращения к данным диалектного языка, фиксирующего речь реальных людей в реальной коммуникации. На этом основании считаем правомерным выделение в рамках диалектологии и гендерной лингвистики научной области исследования – гендерной диалектологии, изучающей гендерные характеристики диалекта. Гендерная диалектология выделяется нами по аналогии с такими разделами, как описательная, коммуникативная, когнитивная, корпусная диалектология. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают, что «современная отечественная диалектология представляет собой полипарадигмальную научную область» [36. С. 7].

Цель данной статьи – обосновать выделение гендерной диалектологии как самостоятельной отрасли знания и охарактеризовать источники ее изучения, основываясь преимущественно на материале диалектных словарей.

Несмотря на то, что гендерная диалектология находится в стадии становления, обращение к гендерным характеристикам диалекта в какой-то мере всегда присутствовало в исследованиях по диалектологии, поскольку диалектологи при сборе материала вступали в коммуникацию с реальными людьми и фиксировали данные об информанте: имя, фамилию, отчество, год рождения, социальный статус, факты биографии. Эти данные учитывались в дальнейшей работе с материалом в зависимости от целей исследования. Так, например, при описании говора в лексикографическом аспекте в Вершинском словаре используется помета *мужс.* или *женс.*, отражающая преимущественное употребление той или иной лексемы в речи мужской или женской части населения [37].

В основе распределения диалектной лексики по тематическим группам также лежит гендерный параметр, поскольку лексика определенных тематических групп содержится преимущественно либо в «женских», либо в «мужских» текстах. Например, источниками изучения производственно-промысловой лексики, кедрового промысла, рыбной ловли и охоты являются записи диалектной речи, информантами которых выступают мужчины. Группы бытовой лексики, лексики прядения, сбора ягод, уборки льна функционируют преимущественно в женской речи. Категории оценочности, эмоциональности, образности актуализируются в основном в женском дискурсе.

Гендерный фактор учитывается диалектологами при описании особенностей речевого жанра автобиографического рассказа [38], при исследовании языковой личности [39], произведений фольклора [40]. Таким образом, диалектные исследования, направленные на разработку самой разной проблематики, подготовили почву для системного, многоаспектного анализа гендерных характеристик диалектной речи.

В качестве методологического основания дальнейших рассуждений отметим два значимых, на наш взгляд, положения, вытекающих из краткого обзора работ по гендерологии. Первое положение касается утверждения исследователей о том, что необходимо разграни-

чивать «мужские» и «женские» языковые формы и реальных мужчин и женщин. [7. С. 25]. Гендер понимается нами как социокультурный конструкт, имеющий динамический характер и по-разному воплощающийся в разных дискурсивных практиках.

Второй необходимой методологической посылкой является положение о том, что гендер не должен абсолютизироваться. Его необходимо учитывать в лингвистических исследованиях антропоцентрической направленности в совокупности с другими факторами (возраст, этническая и социальная принадлежность, уровень образования, профессия).

Гендерная диалектология имеет, как и гендерная лингвистика, междисциплинарный характер. В задачи гендерной диалектологии, как и лингвистической гендерологии¹ в целом, входят изучение гендерных характеристик диалектной коммуникации и анализ гендерного своеобразия диалектной системы. Актуальной проблемой является выработка методологических оснований анализа. Так, А.В. Кириллина отмечает, что гендерные исследования даже в тех странах, где они ведутся очень интенсивно, обнаруживают методологическую неоднородность. Поэтому для становления отечественной лингвистической гендерологии наиболее существенны как общеметодологические вопросы, так и частнолингвистические методы [1].

Для гендерной диалектологии проблема метода осложняется еще и тем, что в диалектологических исследованиях ограничены возможности использования метода исследовательской интроспекции, нашедшего в последние десятилетия широкое применение в когнитивных и лингвокультурологических работах. В этой связи особую ценность приобретают записи устной речи носителей диалекта, отражающие реальную коммуникацию. Данным фактом обусловлена необходимость разработки источниковедческого аспекта гендерной диалектологии, рассматриваемого в настоящей статье.

Методы исследования определяются в зависимости от выбранного аспекта описания. В настоящее время на основании анализа работ по диалектологии и имеющегося в распоряжении диалектологов материала нам представляется возможным выделить несколько аспектов в исследовании гендера: лексикографический, коммуника-

¹ В настоящей работе термины «гендерная лингвистика» и «лингвистическая гендерология» мы употребляем как синонимы.

тивно-дискурсивный, динамический, лингвокультурологический, методолого-онтологический.

Одним из важнейших аспектов в гендерной диалектологии является **лексикографический**, предполагающий систематизацию диалектной лексики по гендерному признаку. Словари, отражающие специфику гендерных отношений в диалекте, послужат репрезентативным источником для дальнейшего анализа гендера. Исследование гендера в лексикографическом ключе осуществляется с применением лексикографического метода, преимущества использования которого состоят в охвате большого массива материала, а также в систематизации по гендерному основанию. Лексикографический метод был выделен и обобщен О.И. Блиновой [41].

На диалектном материале начата работа томскими лексикографами над проектом «Портрет мужчины и женщины по данным среднеобских говоров», включающих составление аспектных словарей, а также отбор текстов в хрестоматии «Мужские тексты», «Женские тексты». Ведется разработка концепции словаря гендерно маркированной лексики, образцов словарных статей. Наличие аспектных словарей, отражающих гендерные отношения, даст возможность выявить максимально полный перечень лексических единиц в диалекте, имеющих гендерную маркированность, включая единицы разной системной принадлежности (общерусские, диалектные, просторечные), стилистически окрашенные лексемы (эмоционально-оценочные, экспрессивные). Наличие помет позволит дать многоаспектную интерпретацию единиц, обозначающих гендерные отношения.

Дискурсивный аспект гендерной диалектологии связан с изучением гендерного параметра при описании диалекта как особого типа дискурса, набора дискурсивных практик. Гендерные характеристики имеют значение при выявлении всех параметров дискурса: участники, темы дискурса, речевые жанры, тактики и стратегии. В качестве метода исследования используется метод дискурс-анализа, предполагающий анализ всех параметров дискурса, имеющих гендерную маркированность.

Динамический аспект предполагает исследование гендерных характеристик диалекта с учетом изменений, происходящих в диалектной культуре, что обусловлено собственно лингвистическими и экстралингвистическими факторами (социально-историческими, экономическими, культурными). Основным методом исследования является

сопоставительный анализ, основанный на сравнении данных языка, полученных в разные периоды [32]. Мы рассматриваем динамику изменения гендерных стереотипов как внутрикультурное измерение, обусловленное действием фактора темпоральности, учитываемого нами при описании культурных констант и трансформаций [42].

Актуальной представляется разработка **лингвокультурологического аспекта** гендерной диалектологии, что предполагает исследование маскулинности и фемининности как концептов, представляющих константу мировой культуры и варьирующихся в разных формах национального языка; гендерных стереотипов, обнаруживающих специфику функционирования в языке; метафор; особенностей языковой картины мира и способов их формального выражения. Лингвокультурологический и дискурсивный аспекты тесно связаны с когнитивным и дополняют его. Это проявляется при исследовании гендерных концептов, формирующихся в дискурсивных практиках. «Поскольку гендерные аспекты языка тесно связаны как с аксиологией, так и этнокультурной спецификой, продуктивной оказывается методика изучения культурных доминант», – отмечает А.В. Кирилина [1. С. 57]. Исследователь опирается на методику, которая, по мнению В.И. Карасика, представляет собой «систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов в данной культуре [43. С. 7].

Методолого-онтологический аспект гендерной диалектологии включает разработку и уточнение понятийного аппарата, что может составить предмет отдельной статьи. В рамках данной работы мы хотим уточнить лишь несколько основных понятий.

Маскулинность (мужественность) и фемининность (*феминность, женственность*) – «комплекс аттитудов, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола» [44]. Соответственно, маскулинность – это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли, фемининность – к женской.

Таким образом, фемининность и маскулинность являются не только признаками конкретных биологических организмов, но и социально и культурно обусловленными концептами, позволяющими рассматривать их как бинарную оппозицию, включающую не только наличие / отсутствие определенного признака, но и категорию оценки.

Гендерные стереотипы, являющиеся одним из видов социально-го стереотипа, трактуются как «культурно и социально обусловленное мнение и пресуппозиция о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [1. С. 98]. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения. Понятие «гендерный стереотип» следует отличать от понятия «гендерная роль», означающего «набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчины и женщины» [44].

Кроме того, учитывая дискурсивную направленность анализа, считаем возможным введение таких понятий, как гендерный дискурс (мужской, женский дискурс), гендерная картина мира. Гендерный дискурс представляет собой вид дискурса, в котором большая часть параметров имеет одинаковую гендерную (мужскую либо женскую) маркированность. Это определение согласуется с пониманием дискурса как культурно обусловленной вербально ориентированной формы существования типового субъекта, реализуемой в совокупности особых культурно-речевых практик. В гендерном дискурсе типовой субъект маркирован по гендерному признаку.

Понятие «гендерная картина мира» отчасти связано с предыдущим понятием, поскольку выявляется через дискурсивные формы существования гендерных концептов. В гендерной картине мира эксплицируются ценностные смыслы, свойственные преимущественно женщинам либо мужчинам. В настоящий момент можно отметить, что диалектная картина мира реконструируется преимущественно по текстам, авторами которых являются женщины.

Под гендерной картиной мира понимается совокупность гендерных представлений носителей языка об устройстве мира, воплощенных в обыденной речи.

Источники гендерной диалектологии. Диалектные словари как основные источники гендерных исследований

Для изучения культурных констант необходим репрезентативный материал, который позволил бы получить объективные результаты анализа гендера в диалектной культуре. В связи с этим встает вопрос о выявлении круга источников, а также их информативных

возможностей. В настоящее время в распоряжении диалектологов есть три вида источников: диалектные словари и словарные картотеки, записи непринужденной диалектной речи, данные диалектного корпуса. Основным источником гендерных исследований являются диалектные словари и их картотеки. Так, картотеки среднеобских словарей насчитывают более 1 000 000 единиц. На их базе создано более 60 томов словарей разных типов.

Мы анализируем три словаря, созданных томскими диалектологами на материале среднеобских говоров, относящихся к разным типам и обладающих разными информативными возможностями для исследования гендера. Это словарь полного типа («Вершининский словарь») и два аспектных словаря: «Словарь образных слов сибирского говора» и «Мотивационный словарь сибирского говора».

1. **«Вершининский словарь»** [37] является толковым словарём одного говора, полного типа, включающим не только диалектную, но и общерусскую лексику и фразеологию одного говора. В состав словаря входят и нейтральные, и стилистически окрашенные единицы, эмоционально-экспрессивные, общеупотребительные и лексемы с ограниченной сферой употребления, архаизмы и неологизмы.

Словарь включает 34 170 лексико-фразеологических единиц вершининского говора, зафиксированных в более чем полумиллионе контекстов, содержит пометы, указывающие на стилистическую отнесенность слова, его происхождение, число зафиксированных словоупотреблений каждой лексемы [45].

Все перечисленные характеристики Словаря позволяют рассматривать его в качестве источника для решения разных научных задач, в том числе лингвокультурологических и коммуникативных исследований гендера.

Рассмотрим подробнее информативные возможности каждой зоны словарной статьи «Вершининского словаря».

Зона заглавного слова дает информацию для выявления словарного состава говора, включающего гендерно окрашенную лексику, к которой мы относим лексические и фразеологические единицы, называющие только мужчин либо только женщин; относящиеся только к мужчинам либо только к женщинам. Выявление и систематизация лексики по гендерному основанию даст возможность составить мак-

симально полный перечень гендерно маркированных единиц в пределах одного говора.

Анализ гендерно маркированной лексики позволяет типологизировать ее по различным основаниям. Например, среди гендерно окрашенной лексики выделяются следующие группы наименований человека:

1) по принадлежности к полу (*баба, жееница / жееница, жееница, бабёнка / бабочка, бабёночка, бабёнишка, бабёнишка, бабёшка, мужик, мужчина, мужичонка, мужичонок, мужичок, мужичоночка*);

2) указывающие на статус в браке (*девка, девушка / деушка, девахы, девица, девчонка, жена, баба, жееница, жееница, супруга, хозяйка, молодуха, молодушка, невеста, старая девка, вдова; любовница, полюбовница; брошенка, бросовка; парень, холостой, холостяк, женатик, мужик, мужчина, хозяин, вдовец, разженица, любовник, полюбовник*);

3) репрезентирующие биологические признаки, характерные только для лиц определенного пола (*беременная, брюхатая, родиха, роженница*),

4) отражающие черты характера, внешность (*лентяй, лентяйка, гулеван, гулеванка, аккуратистка*);

5) называющие мужчин и женщин по роду занятий, профессиональной деятельности, выполняемым трудовым процессам (*акушерка, военный, агроном, агрономка, агрономша*).

Анализ данной лексики способствует:

– выявлению гендерной асимметрии и ее преодоления в языке. Например, лексика по роду занятий и профессии обычно представлена существительными мужского рода, за исключением номинации типично женских профессий (*акушерка, буфетчица*). Однако потребность в уточнении пола формирует способы выравнивания гендерной асимметрии. Это проявляется в наличии в словаре гендерной пары к некоторым номинациям: *бухгалтер – бухгалтерша; агроном – агрономка, агрономша; тракторист – трактористка; доктор, врач – докторица, врачица; артист – артистка; начальник – начальница* и под.);

– выявлению гендерных стереотипов, что проявляется в наличии таких единиц, как, например, *самостоятельная девушка, честная девушка*, в которых отражается стереотип о периоде девичества,

предписание сохранения чести до брака. Это демонстрируют и негативно окрашенная единица – номинация девушек, родивших ребенка до замужества: *сучонка*.

Интерпретационная зона «Вершининского словаря» содержит грамматические, стилистические, семантические и иные пометы, указывающие на стилевую приуроченность слова, сферу употребления, новизну / устарелость, экспрессивность, эмоциональную оценочность, образность, метафоричность, системную соотносённость, преимущественность употребления в речи мужской или женской части речи. Рассмотрим подробнее некоторые пометы.

– Пометы Нов. (новое) и Устар. (устаревшее) обычно отражают фактор внеязыкового порядка – новое слово возникает с появлением новой реалии, например вида деятельности и профессии, а устаревшее – с ее исчезновением. Например, *бухгалтериша* / *бугахтериша*, *булгактериша*, *булгахтериша*. Нов.; *Бабка* `повивальная бабка`. Устар. Данные пометы дают информацию для исследования гендера в динамическом аспекте.

– Экспрессивные пометы свидетельствуют о наличии оценочного компонента. Например, Ласк. – ласкательные: *бабёнка* / *бабочка*, *бабёночка*; Пренебр. – пренебрежительные: *бабёнчишка*, *бабёшка*; Одобр. – одобрительные: *бабёшка*; Снисх. – снисходительные: *бабёнка*, *бабочка*; *вдова*, *вдовушка*.

Иллюстративная часть словарной статьи представляет фрагменты диалектной речи, в рамках которых было употреблено заглавное слово.

Иллюстративная часть включает тексты и метатексты, в которых содержится информация, связанная с рефлексией носителей диалекта по поводу гендерно маркированных единиц: *Брошенка когда называли так раньше, брошенки – так её муж бросил: Бабёнишка идёт. Тьфу! Напилась; Бабёнчишка? Котора пьяна, так её и ругают: бабёнчишка; А бабёшка-то? Ох, ленива. Огород зарос; А бабёнишка [у сына] плоха. Дети голодны, он голодный...; Пьёт. Нешиадно пьёт Сашкина бабёнчишка-то.*

Словарь содержит количественные данные, сведения о системной отнесенности слова, преимущественном употреблении в том или ином социально-речевом типе, в речи мужчин или женщин. Учет помет *муж.*, *жен.* (преимущественное употребление в речи мужчин

или женщин) дает возможность сделать вывод о гендерном членении диалектной речи.

Количественный анализ (учет статистики словоупотреблений гендерно маркированной лексики) является необходимым условием для репрезентативности результатов исследования диалекта в гендерном аспекте.

2. **«Мотивационный словарь сибирского говора»** [46] по типу является словарем одного говора (вершининского), дифференциальным, представляющим явление мотивации слов сквозь призму мотивационных парадигм с их компонентами. Словарь включает 4891 словарную статью [47].

Мотивационный словарь отражает мотивационные связи слова с другими лексемами диалекта: лексическими и структурными мотиваторами, выявляемыми составителями словаря на основе анализа текстов и метатекстов. Он обладает информативными возможностями при анализе когнитивных аспектов гендерной диалектологии, поскольку в нем в большом количестве представлены высказывания, отражающие особенности метатекстовой деятельности носителей языка, кроме того, в нем отражены разные стратегии толкования мотивационного значения, которые также могут быть проанализированы с точки зрения гендера. Наличие мотивационных связей и цепочек позволяет выявить специфику вербализации гендерных отношений в говоре.

Толкование мотивационного значения содержит отсылку к мотивирующим единицам (лексическим и структурным мотиваторам) заглавного слова. Эта зона содержит информацию о гендерной асимметрии и о том, какими ассоциативными связями обладают мотивированные единицы, обозначающие женщин по разным основаниям. Например, нет мотивационных пар аккуратист – аккуратистка, экономист – экономистка. Лексемы мотивируются не через имена мужского рода, а через признаки, свойства, состояния, действия: Аккуратистка – аккуратная женщина, экономистка – экономная, алюсница – та, которая «алюсит». Видимо, в силу этого мотивемы, обозначающие женщин, преобладают в словаре по сравнению с мотивемами, называющими мужчин.

Иллюстративная зона содержит фрагменты текстов, в которых дается пояснение, объяснение тех или иных признаков и свойств обозначаемой реалии: **По-бабичью**. По-бабы, как «баба»: *Кода дев-*

ка выйдет замуж, ей закручают косу и завязывают по-бабичью, как у бабы, она баба стала. Анализ метатекстов дает возможность выделить разные направления мотивационных связей мотивом, обозначающих женщин, и мотивом, обозначающих мужчин. Кроме того, такой анализ позволяет выявить метатекстовые рефлексии разного типа по отношению к именам, содержащим характеристику пола.

3. «Словарь образных единиц сибирского говора» [48] по типу является толковым, аспектным, содержит образные единицы одной микросистемы – вершининского говора. Словарь отличается лингвокультурологической направленностью, включает пометы, характеризующие соотнесенность образной единицы с языковой картиной мира, с той понятийной сферой, которая представляет источник метафоризации. Словарь насчитывает 2131 образную единицу [49]. Гендер как социокультурный конструкт может моделироваться различными способами, одним из таких способов является метафорическое моделирование, которое может быть осуществлено на базе «Словаря образных единиц». Пример использования словаря в данном аспекте находим в статье З.И. Резановой [50].

Заглавная зона позволяет выявить корпус метафорических номинаций человека в лексической системе диалекта по гендерному признаку, а также те лексические единицы, которые могут в равной мере относиться к мужчине и женщине (*тряпка* `о слабовольном человеке`), обозначать только женщин (*чурка* `о толстой женщине`) или только мужчин (*лев* `о крепком, здоровом мужчине`).

Важной является информация о том, с каким типом прямого номинативного значения соотносится метафорическое значение, т.е. какой образ кладется в основу метафорического уподобления. Эти данные отражает интерпретационная зона Словаря.

Интерпретационная зона (пометы Зоом., Антроп., Артеф., Мифом.) демонстрируют объект уподобления: зооморфизмы: *кобра* `о злой, сварливой женщине`, *тёлка* `о рослой молодой женщине`, *медведица* `о грубой, сердитой женщине`, *кляча* `о некрасивой, подобно кляче, женщине`, *жеребец* `о рослом, здоровом мужчине`, *барсук* `о слишком толстом мужчине`, *сокол* `о мужчине, юноше, отличающемся красотой, удалью`; антропоморфизмы: *барыня* `о бездельнице`, *княгиня* `о капризной женщине`, *барин* `о ком-л. ленивом, бездельничавшем`, натуроморфизмы: *баба-гром* `о сварливой, скандальной женщине`; артефактоморфизмы: *туесок* `о полной, не-

поворотливой женщине`; мифоморфизмы: *баба-яга* `о страшной, неряшливой старухе, напоминающей персонаж русских народных сказок`, *богиня* `красивая женщина`, *ведьма* `о злой женщине` и др.

Образы человека в языковой картине мира опираются на систему гендерных оппозиций. Обращение к словарю образных слов позволит выявить асимметрию в метафорическом моделировании, установить различную продуктивность в актуализации признаков при характеристике и именовании мужчин и женщин.

К другим источникам гендерной диалектологии относятся записи живой речи носителей народной речевой культуры, ценность которых для изучения культурных констант необычайно высока. На этот факт обращают внимание саратовские диалектологи, которые отмечают, что при изучении диалектной концептосферы «значительную ценность имеют данные, раскрывающие особенности уклада жизни носителей диалекта, элементы сохраняемой в традиционном сельском обществе культурной традиции (фольклор, обряды, обычаи, мифология, прецедентные тексты), специфику мировосприятия диалектоносителей (мнения и суждения информантов о различных сторонах материальной и духовной жизни)» [36. С. 10]. С учетом гендерного параметра может быть скорректировано положение о том, что в диалектном дискурсе преобладающим является эмпирико-событийный тип знания [Там же]. Также могут быть уточнены данные вербализации гендерных концептов.

Записи непринужденной диалектной речи, полученные в ходе диалектологических экспедиций, важны в первую очередь для исследования реализации концептов в дискурсивных практиках. В Томском государственном университете хранятся записи, сделанные в течение последних семидесяти лет, что позволяет исследовать гендерные отношения в динамическом аспекте. С использованием больших массивов записей монологической и диалогической речи возможно выявление гендерной специфики речевых жанров диалектной коммуникации, особенностей речевого этикета, метаязыковой рефлексии, гендерной концептуализации окружающего мира.

Новые возможности для диалектологов предоставляют **диалектные корпуса**, создаваемые в последнее время в разных диалектологических центрах России. Корпуса содержат большие массивы данных, позволяют автоматизировать многие операции по поиску дан-

ных, анализировать речь в когнитивном, коммуникативном, дискурсивном и многих других аспектах.

В настоящее время сотрудниками лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета реализуется проект корпусного представления русских говоров Среднего Приобья (подробнее см.: [51, 52, 53]).

Принципы метаразметки корпуса выработаны в соответствии с теми целями и задачами, которые ставят диалектологи в своих теоретических изысканиях. Значимыми параметрами для проведения гендерных исследований являются: разграничение мужских, женских текстов; учет экстралингвистических данных (указание на место и время произведенной записи, фамилию, имя и отчество информанта, его пол и год рождения, биографические данные о нем), данных жанровой и тематической разметки [54].

Выводы

Таким образом, в рамках диалектологии как полипарадигмальной области научного знания можно выделить гендерную диалектологию в качестве самостоятельного направления по аналогии с коммуникативной, когнитивной, функциональной диалектологией. Гендерная диалектология характеризуется своим предметом, аспектами, методами исследования. На этапе становления гендерной диалектологии особую значимость приобретает выявление круга источников, опора на которые позволит получить репрезентативные результаты. В данный момент диалектологи располагают тремя видами источников: словарями и их картотеками, записями непринужденной устной речи и находящимися в процессе создания диалектными корпусами. Одним из репрезентативных источников являются словари, дающие информацию для многоаспектного исследования гендерных отношений в диалектной коммуникации. Как показал анализ, информативные возможности словаря как источника обусловлены его принадлежностью к тому или иному словарному типу. Неодинаковым потенциалом для гендерных исследований обладают разные зоны словарных статей.

Для исследования разных аспектов гендерной диалектологии представляют интерес не только словари, рассмотренные в данной

статье, но и другие типы лексикографических источников, анализ которых может составить предмет отдельной статьи.

Литература

1. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
2. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Иваново, 1999. – С. 5–9.
3. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. – Ч. 1 / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ; С.-Петербург: Алетейя, 2001. – С. 508–543.
4. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: сб. ст. – М., 2002. С. 11–17.
5. Кирилина А.В. Некоторые итоги гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы III Междунар. конф. – М., 2003. – С. 12–13.
6. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Моск. гос. лингв. ун-т, лаборатория гендерных исследований. – М., 2005. – С. 7–30.
7. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2005. – 48 с.
8. Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация: докл. 2-й Междунар. конф., Москва, 22–23 ноября 2001 г. М., 2002. С. 5–14.
9. Labov W. Variation in Language // The Learning of Language. National Council of Teachers of English / Carrol E. Reed. – New York, 1971. – P.187–221.
10. Lakoff R. Language and Women's Place. – New York: Harper and Row, 1975. – 83 p.
11. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
12. Van Dijk T. Social cognition, social power and social discourse // Text 9 (1/2). – 1988. – P. 129–157.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. – 446 с.
14. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 180 с.
15. Горошко Е.И. Функциональная асимметрия мозга, язык, пол: аналитический обзор. – Москва; Харьков: ИД «ИНЖЭК», 2005. – 288 с.
16. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2004. – 45 с.
17. Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2011. – 272 с.
18. Манзуллина З.А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 179 с.

19. *Ефремов В.А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина» – «женщина»: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – 406 с.
20. *Прудникова Е.С.* Семантическая структура гендерных стереотипных образов «женщина» и «мужчина» в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2013. – 18 с.
21. *Зыкова С.А.* Специфика реализации концепта «мужественность» в языковой картине мира (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2009. – 22 с.
22. *Бадмаева Е.С.* Концептуальные пространства маскулинности и феминности (на материале фразеологизмов и паремий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 26 с.
23. *Коноваленко И.В.* Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении мужчин и женщин: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003. – 138 с.
24. *Компанцева Л.Ф.* Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве. – Луганск: Знание, 2004. – 404 с.
25. *Куницина Е.В.* Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 249 с.
26. *Гетте Ю.В.* Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 268 с.
27. *Коваль В.И.* Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2002. – 217 с.
28. *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах* / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Лайка, 2016. – 244 с.
29. *Морозова Т.И.* Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2016. – 212 с.
30. *Демешикина Т.А.* Стандарт и нестандарт в диалекте // ROSSICA OLO-MUCENSIA XLVIII/ Sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů – 02.09. – 04.09. 2009. Olomouc, 2009. – С. 259–263.
31. *Демешикина Т.* Базовые концепты в традиционной культуре и дискурсивных практиках (на материале русских и итальянских пословиц) // EUROPA ORIENTALIS. – 2011. №14/2. – С. 165–176.
32. *Толстова М.А.* Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы междунар. конф. – Казань, 2016. – С. 292–298.
33. *Толстова М.А.* Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 4 (24). – С. 68–75.
34. *Новоселова О.А.* Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 197–201.
35. *Мочалова Т.И., Пронина Ю.В.* Концепт «женщина» как фрагмент диалектной языковой картины мира // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы, 2010. – М., 2010. – С. 502–503.
36. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Русская диалектология: Коммуникативный,

когнитивный и лингвокультурный аспекты: учеб. пособие для студ. гуманитар. специальностей. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – 120 с.

37. *Вершининский словарь* / авт.-сост. Л.А. Араева, В.Г. Арьянова, Т.Б. Банкова и др.; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – Т. 1–7.

38. *Волюшина С.В.* Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2008. – 184 с.

39. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.

40. *Тубалова И.В., Эмер Ю.А.* Современная сибирская деревня в фольклорном отражении (лингвокультурологическое описание) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 294. – С. 86–92.

41. *Блинова О.И.* Лексикографический метод и сферы его применения в диалектологических исследованиях // Язык и культура в евразийском пространстве: сб. науч. ст. XVI Междунар. науч. конф. – Томск, 2003. – С. 110–117.

42. *Демешкина Т.А., Тубалова И.В.* Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2017. С. 36–54.

43. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Архангельск, 1996. – С. 3–15.

44. *Словарь гендерных терминов* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения: 10.11.2017).

45. *Блинова О.И.* Предисловие // *Вершининский словарь* / авт.-сост. Л.А. Араева, В.Г. Арьянова, Т.Б. Банкова и др.; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. – Томск, 1998. – С. 3–17.

46. *Мотивационный словарь сибирского говора*. Т. 1-2 / [авт.-сост.: О.И. Блинова, С.В. Сыпченко]; под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009–2010. – N/ 1–2/

47. *Блинова О.И.* Послесловие // *Мотивационный словарь сибирского говора*. Т. 2 / [авт.-сост.: О. И. Блинова, С. В. Сыпченко]; под ред. О.И. Блиновой; – Томск, 2010. – С. 295–308.

48. *Словарь образных единиц сибирского говора* / [авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина]; под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 217 с.

49. *Блинова О.И.* Предисловие // *Словарь образных единиц сибирского говора* / [авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина]; под ред. О.И. Блиновой/ – Томск, 2014. – С. 3–4.

50. *Резанова З.И.* Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 47–57.

51. *Юрина Е.А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №2 (14). – С. 58–63.

52. *Юрина Е.А., Толстова М.А.* Проект диалектного корпуса старожильческих говоров Среднего Приобья // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвуз. совещания «Проблемы создания и

использования диалектологических корпусов», Саратов, 15–17 ноября 2010 г. – Саратов, 2011. – С. 269–276.

53. Иванцова Е.В. Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // *Вопр. лексикографии*. – 2017. – № 11. – С. 54–70.

54. Томский диалектный корпус [Электронный ресурс]. – URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo> (дата обращения: 10.11.201).

GENDER DIALECTOLOGY AND DICTIONARIES AS ITS SOURCE

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 83–105.

DOI: 10.17223/22274200/12/5

Tatyana A. Demeshkina, Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru / tolstova_11@mail.ru

Keywords: genderology, gender dialectology, dictionary, informative potential, aspects, method.

This article provides grounds for a new research field, gender dialectology, and identifies sources of gender studies, the main of which is dictionaries.

The tasks of gender dialectology include the study of the gender characteristics of dialect communication and the analysis of gender features of the dialect system.

The subject, methods and initial concepts of the developed field are considered.

Based on the analysis of works on gender linguistics and dialectology, on features of the dialect material, several approaches are identified in the study of gender: lexicographic, communicative-discursive, dynamic, linguistic-cultural, methodological, ontological, source-study.

The source-study aspect related to the identification of the range of sources and their informative potential is presented in more detail. At the moment, dialectologists have three kinds of sources: dictionaries and their card files, records of informal oral speech and dialect corpora that are being created at present.

One of the representative sources is dictionaries and their card files which provide information for a multidimensional study of gender relations in dialect communication.

On the example of three Vershinina's dialect dictionaries of different types, the informative potential of lexicographic sources for the study of gender have been analysed. These are a complete dictionary (*Vershininsky Dictionary*) and two aspect dictionaries: the *Motivational Dictionary* and the *Dictionary of Figurative Words*.

Using the *Vershininsky Dictionary* as a source provides information for identifying the vocabulary of the dialect which includes gender-marked vocabulary. The analysis of this vocabulary helps to see gender asymmetry and gender stereotypes. An important role belong to labels which indicate the style of the word, the sphere of use, novelty, obsolescence, expressiveness, emotional evaluation, imagery, metaphoricity, systemic correlation, predominance in speech of masculine or feminine parts of speech. The dictionary entry of the *Vershininsky Dictionary* includes texts and metatexts which contain information related to the reflection of dialect speakers about certain denominations, the identification of the evaluative component of the word, and provides information on extralinguistic realities associated with the lexical unit.

The *Motivational Dictionary* has a high informative potential in the analysis of the cognitive aspects of gender dialectology. It contains a large number of statements reflecting

the characteristics of metatext activities of native speakers and representing different strategies for interpreting the motivational meaning which can also be analysed from the gender perspective. The presence of motivational connections and chains makes it possible to identify the verbalisation of gender concepts in the dialect.

The *Dictionary of Figurative Words* shows information about the corpus of metaphorical nominations of a person in the lexical system of the dialect by gender, and about lexical units that can equally apply to a man and a woman. Important information is about the type of the direct nominative meaning the metaphorical meaning corresponds to, that is, what image is in the basis of metaphorical resemblance.

The analysis shows the high informative potential of dictionaries for a multidimensional study of gender relations in dialect communication.

References

1. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: Lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology RAS.
2. Khaleeva, I.I. (1999) Gender kak intriga poznaniya [Gender as an Intrigue of Cognition]. In: *Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii* [The Gender Factor in Language and Communication]. Ivanovo: [s.n.].
3. Goroshko, E.I. (2001) Gendernaya problematika v yazykoznanii [Gender issues in linguistics]. In: Zherebkina, I.A. (2001) *Vvedenie v gendernyye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Part I. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya.
4. Kamenskaya, O.L. (2002) Gendergetika – nauka budushchego [Gender science – the science of the future]. In: Kirilina, A.V. (ed.) *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as an intrigue of knowledge]. Moscow: Rudomino.
5. Kirilina, A.V. (2003) [Some results of gender studies in Russian linguistics]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the III international conference. Moscow: MSLU. pp. 12–13. (In Russian).
6. Kirilina, A.V. (2005) Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh distsiplinakh [Gender studies in linguistic disciplines]. In: Kirilina, A.V. (ed.) *Gender i yazyk* [Gender and Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]. Abstract of Philology Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Kirilina, A.V. (2002) [Gender Studies in Russian linguistics: problems related to rapid development]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the II international conference. Moscow. 22–23 November 2001. Moscow: MSLU. pp. 5–14. (In Russian).
9. Labov, W. (1971) Variation in Language. In: Reed, C.E. (ed.) *The Learning of Language. National Council of Teachers of English*. New York.
10. Lakoff, R. (1975) *Language and Women's Place*. New York: Harper and Row.
11. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: The University of Chicago Press.
12. Van Dijk, T. (1988) Social cognition, social power and social discourse. *Text* 9. 1/2. pp. 129–157.
13. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Translated from French. Moscow: Magisterium: Izd. dom "Kastal".

14. Goroshko, E.I. (1996) *Osobennosti muzhskogo i zhenskogo rechevogo povedeniya (psikholingvisticheskiy analiz)* [Features of male and female speech behavior (psycholinguistic analysis)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
15. Goroshko, E.I. (2005) *Funktsional'naya asimmetriya mozga, yazyk, pol: Analiticheskiy obzor* [Functional asymmetry of the brain, language, gender: Analytical overview]. Moscow; Kharkov: ID "INZHEK".
16. Fomin, A.G. (2004) *Psikholingvisticheskaya kontseptsiya gendernoy yazykovoy lichnosti* [Psycholinguistic concept of the gender language personality]. Abstract of Philology Dr. Diss. Barnaul.
17. Garanovich, M.V. (2011) *Variativnost' gendernykh stereotipov v zavisimosti ot sotsial'nykh parametrov govoryashchikh* [Variability of gender stereotypes depending on social parameters of speakers]. Philology Cand. Diss. Perm.
18. Manzullina, Z.A. (2005) *Yazykovaya kategorizatsiya gendernykh stereotipov: sopostavitel'nyy aspekt* [Language categorization of gender stereotypes: comparative aspect]. Philology Cand. Diss. Ufa.
19. Efremov, V.A. (2010) *Dinamika russkoy yazykovoy kartiny mira: verbalizatsiya kontseptual'nogo prostranstva "muzhchina" – "zhenshchina"* [Dynamics of the Russian language picture of the world: the verbalization of the conceptual space "man" – "woman"]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
20. Prudnikova, E.S. (2013) *Semanticheskaya struktura gendernykh stereotipnykh obrazov "zhenshchina" i "muzhchina" v sopostavitel'nom aspekte* [Semantic structure of gender stereotyped images "woman" and "man" in a comparative aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
21. Zyкова, S.A. (2009) *Spetsifika realizatsii kontsepta "muzhestvennost'" v yazykovoy kartine mira (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov)* [Specificity of the implementation of the concept "masculinity" in the language picture of the world (on the material of Russian and Spanish languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
22. Badmaeva, E.S. (2010) *Kontseptual'nye prostranstva maskulinnosti i feminnosti (na materiale frazeologizmov i paremiy)* [Conceptual spaces of masculinity and femininity (on the material of phraseological units and proverbs)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
23. Konvalenko, I.V. (2003) *Rol' gendernogo faktora v kommunikativnom povedenii muzhchin i zhenshin* [The role of the gender factor in the communicative behavior of men and women]. Philology Cand. Diss. Omsk.
24. Kompantseva, L.F. (2004) *Gendernye osnovy Internet-kommunikatsii v postsovet-skom prostranstve* [Gender basis of Internet communication in the post-Soviet space]. Lugansk: Znanie.
25. Kunitsina, E.V. (2011) *Gendernaya markirovannost' politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty* [Gender marking of political discourse: language and speech aspects]. Philology Cand. Diss. Stavropol.
26. Gette, Yu.V. (2004) *Rechevoe povedenie v gendernom aspekte: problemy teorii i metodiki opisaniya* [Speech behavior in a gender aspect: the problems of theory and methodology of description]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
27. Koval', V.I. (2002) *Yazyk i tekst v aspekte gendernoy lingvistiki* [Language and text in the aspect of gender linguistics]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University.
28. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (ed.) (2016) *Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Russian lan-

guage of everyday communication: features of functioning in different social groups]. St. Petersburg: LAYKA.

29. Morozova, T.I. (2016) *Gendernye kharakteristiki dialektnoy kartiny mira donskogo kazachestva* [Gender characteristics of the dialect picture of the world of the Don Cossacks]. Philology Cand. Diss. Volgograd.

30. Demeshkina, T.A. (2009) [Standard and nonstandard in the dialect]. *ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII*. Proceedings of the international conference. Olomouc. pp. 259–263. (In Russian).

31. Demeshkina, T. (2011) Bazovye kontsepty v traditsionnoy kul'ture i diskursivnykh praktikakh (na materiale russkikh i ital'yanskikh poslovits) [Basic concepts in the traditional culture and discursive practices (on the basis of Russian and Italian proverbs)]. *EUROPA ORIENTALIS*. 14/2. pp. 165–176.

32. Tolstova, M.A. (2016) Otrazhenie gendernoy kartiny mira v naimenovaniyakh lits zhenskogo pola v dialekte [Reflection of the gender picture of the world in the names of women in a dialect]. *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly* [Academic legacy of V.A. Bogoroditskiy and the modern vector of studies of the Kazan Linguistic School]. Proceedings of the international conference. Kazan. pp. 292–298. (In Russian).

33. Tolstova, M.A. (2016) Gender in traditional culture through a dictionary. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (24). pp. 68–75. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/24/7

34. Novoselova, O.A. (2012) Nevestka i svekrov' v dialektnoy kartine mira [The daughter-in-law and mother-in-law in the dialect picture of the world]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 11:9. pp. 197–201.

35. Mochalova, T.I. & Pronina, Yu.V. (2010) [Concept “woman” as a fragment of the dialect language picture of the world]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and modernity]. Proceedings of the IV International Congress of Russian Language Researchers. Moscow: Moscow State University. pp. 502–503. (In Russian).

36. Gol'din, V.E. & Kryuchkova, O.Yu. (2010) *Russkaya dialektologiya. Kommunikativnyy, kognitivnyy i lingvokul'turnyy aspekty* [Russian dialectology. Communicative, cognitive and linguocultural aspects]. Saratov: Nauka.

37. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'. T. 1–7* [Vershininsky Dictionary. Vols 1–7]. Tomsk: Tomsk State University.

38. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [The speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

39. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: Fundamentals of the theory of language personality]. Tomsk: Tomsk State University.

40. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2007) Sovremennaya sibirskaya derevnya v fol'klornom otrazhenii (lingvokul'turologicheskoe opisanie) [Modern Siberian village in folklore reflection (linguocultural description)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 86–92.

41. Blinova, O.I. (2003) [Lexicographic method and its application in dialectological studies]. *Yazyk i kul'tura v evraziyskom prostranstve* [Language and culture in the Eurasian space]. Proceedings of the XVI international conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 110–117. (In Russian).
42. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
43. Karasik, V.I. (1996) Kul'turnye dominanty v yazyke [Culture dominants in the language]. In: Karasik, V.I. (ed.) *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Language personality: cultural concepts]. Volgograd; Arkhangelsk: Peremena.
44. Glossary of gender terms. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.owl.ru/gender/>. (Accessed: 10.11.2017). (In Russian).
45. Blinova, O.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–17.
46. Blinova, O.I. (ed.) (2009–2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational dictionary of the Siberian dialect]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
47. Blinova, O.I. (2010) Posleslovie [Afterword]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational dictionary of the Siberian dialect]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
48. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of figurative units of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
49. Blinova, O.I. (2014) Predislovie [Foreword]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of figurative units of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
50. Rezanova, Z.I. (2011) Gender metaphor: typology, lexicographic interpretation, context representation. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 47–57. (In Russian).
51. Yurina, E.A. (2011) Tomsk dialectal corpora: the starting point. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 58–63. (In Russian).
52. Yurina, E.A. & Tolstova, M.A. (2011) [Project of the dialect corpus of old-timer dialects of the Middle Ob region]. *Russkaya ustnaya rech'* [Russian oral speech]. Proceedings of the international conference. Saratov. 15–17 November 2010. Saratov. pp. 269–276. (In Russian).
53. Ivantsova, E.V. (2017) Tomsk Dialect Corpus: substantiation of the concept and prospects of development. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 54–70. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/4
54. Tomsk Dialect Corpus. (n.d.) [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo>. (Accessed: 10.11.2017).

Р. Ядав, Н.Г. Нестерова, К.С. Верма

ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ДЛЯ ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ КАК ПРОБЛЕМА УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Вопросы, связанные с определением объёма и содержания лексического минимума при обучении русскому языку как иностранному, рассматриваются как проблема учебной лексикографии. Обсуждение заявленной проблемы строится на сравнении словарного состава российских учебников, используемых на начальном этапе обучения русскому языку в Университете им. Джавахарлала Неру (JNU; Нью-Дели, Индия); словаря учебника, разработанного в Центре русских исследований JNU, и лингводидактического издания «Лексический минимум», рекомендованного Министерством образования РФ для обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Выявляются факторы, учитываемые при отборе лексики в изученных изданиях, и факторы, обуславливающие несовпадение глоссариев.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебный словарь, лексический минимум, принципы отбора лексики, сравнительный анализ.

Введение

Российская и зарубежная научно-методическая литература свидетельствует о том, что проблема лексического минимума (определение количества лексических единиц для разных уровней владения языком, принципы отбора лексики) и анализ соотношения понятий «лексический минимум» и «учебный словарь» входят в число самых актуальных в методике обучения языкам [1, 2]. Значимое место занимают также исследования, связанные с национально ориентированным подходом в преподавании иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного [3, 4, 5]. Анализируются различные социокультурные факторы, которые влияют на результаты изучения чужого языка и должны учитываться в процессе обучения русскому языку в зарубежных вузах, обсуждаются программы обучения. Однако при обсуждении программ лексический состав изучаемого языка редко рассматривается с точки зрения соотнесённости с системно разработанными «Лексическими минимумами», использующимися в России.

Одним из ключевых вопросов, связанных с национально ориентированным обучением русскому языку в зарубежных вузах, является определение принципов создания лексического минимума, выполняющего функцию учебного словаря [6, 7].

История вопроса

Ориентация на лексический минимум в процессе обучения иностранным языкам имеет свою историю. С выходом в свет «Teachers-wordbook» [8], «Generalservicelist» [9] лексикографически представленные лексические минимумы стали расцениваться как база для отбора слов, используемых в процессе преподавания иностранного языка. Это стало толчком для создания в 60–70-е гг. XX в. лексических минимумов, используемых в школьном и вузовском преподавании, в том числе при обучении русскому языку как иностранному и как неродному [10, 11, 12]. В Университете им. Джавахарлала Неру в этот период использовался разработанный преподавателями Центра русских исследований JNU «Словарь-минимум для подготовительного курса» [13].

С развитием компьютерной лингвистики составление учебных словарей стало одной из целей, активно реализуемых специалистами в области лингводидактики [14, 15].

В России результатом решения важнейшей лексикографической проблемы – описания тезауруса по русскому языку как иностранному – стало издание разработанного по заданию Министерства образования и науки РФ «Лексического минимума» (далее: ЛМ МОРФ). К настоящему времени имеются «Лексические минимумы» первого и второго сертификационных уровней (ТРКИ-1 и ТРКИ-2) [16, 17]. Отмеченные труды выполняют функцию учебных словарей, выступающих в качестве ориентира при обучении русскому языку как иностранному на разных уровнях обучения. «Лексический минимум» представляет собой комплексный учебный словарь, который включает алфавитный список, тематические группы слов, наиболее употребительные русские имена, синонимы, антонимы, соотносительные слова (*брат-сестра, жена-муж* и под.).

Проблема учебной лексикографии для сферы РКИ решалась российскими специалистами на основе анализа частотности употребления слов, тем и ситуаций общения. К примеру, элементарный уровень владения языком предполагает оперирование 800 лексическими единицами, а ТРКИ-1 – 2300 слов. Возникает закономерный вопрос:

какие это должны быть слова? Анализ «Лексического минимума» ТРКИ-1 показал, что включённые в него слова соответствуют критериям оптимального отбора единиц. Они характеризуются рядом признаков: семантической ценностью (обозначают важные социокультурные понятия, составляют лексическое ядро языка); способностью к словообразовательным связям; способностью включаться в словосочетания; стилистической нейтральностью; частотностью использования в речи и в учебниках по русскому языку как иностранному.

Постановка вопросов

В данной статье поставлено несколько вопросов. *Обязательно ли ориентироваться на ЛМ МОРФ в вузах Индии при обучении русскому языку как иностранному? Насколько совпадают лексические минимумы учебников, используемых при обучении русскому языку в Индии, и ЛМ МОРФ? Какие критерии отбора слов являются причиной отличий в составе этих лексических минимумов? Как эти различия влияют на усвоение индийскими студентами русского языка? Достаточен ли объём ЛМ МОРФ при обучении русскому языку в других странах, в частности в Индии?*

Е.И. Маркина, анализируя принципы, которые учитываются при отборе слов в лексические минимумы, приходит к выводу, что приоритетность разных принципов меняется в зависимости от социокультурной ситуации. В данный период развития методики обучения языкам, как отмечает исследователь, приоритетное положение занимают следующие неязыковые и языковые принципы: методическая целесообразность, учёт возраста обучаемых, учёт условий проживания обучаемых, учёт родного языка, многозначность лексических единиц, стилистическая нейтральность, лексическая сочетаемость, частотность употребления, связь лексики с грамматикой, словообразовательная продуктивность, мотивационная осознанность, семантическая ценность, тематический принцип.

Принципами отбора слов при составлении ЛМ МОРФ первого сертификационного уровня стали: частотность, стилистическая нейтральность, семантическая ценность, словообразовательная продуктивность, тематический принцип [4. С. 88].

В качестве основного фактора при отборе слов в лексический минимум практикующими преподавателями РКИ чаще всего указывается частотность употребления слов. Первая часть данного исследе-

дования посвящена проверке объективности устоявшегося среди российских преподавателей представления. С этой целью проведены статистические уточнения частотности слов, включённых в словари-приложения к российским учебникам русского языка как иностранного, используемые в Университете им. Джавахарлала Неру¹; затем осуществлено сопоставление их порядка по частотности в полученном глоссарии с порядком в списке по частотности в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Авторы статьи исходили из следующей установки: частотность употребления слов в устной и письменной русской речи можно считать главным принципом включения единиц в лексический минимум при условии, что слова из словника учебников входят в первые 2000 самых частотных слов русского языка.

Методика исследования

Список всех слов, которые входят в ЛМ МОРФ первого сертификационного уровня, был преобразован в электронный вариант с помощью оптического распознавания символов, все «лишние» слова (перевод слов, описания и т.п.) были удалены вручную с целью получить «чистый» список слов «Лексического минимума». Для решения поставленной задачи был составлен алгоритм действий, в соответствии с которым реализованы следующие этапы.

1. Проведено сравнение списка ЛМ МОРФ и словника словарей-приложений, сопровождающих учебники (ЛМ учебников), выявлены слова, которые в этих списках не совпадают.

2. Проанализированы факторы, которые являются причиной отбора слов, включённых в ЛМ учебников, но отсутствующих в ЛМ МОРФ.

3. Проанализированы факторы, которые являются причиной отбора слов, включённых в ЛМ МОРФ, но отсутствующих в ЛМ учебников.

4. Осуществлен сравнительный анализ списка ЛМ МОРФ (он составляет 2300 слов) и первых 2300 слов из словаря, представленного в «Пособии по русскому языку» [18], изданном в Университете им. Джавахарлала Неру в 2003 г., включающем 2535 единиц и активно используемом в настоящее время в обучении русскому языку индийских студентов (далее – Словарь JNU).

¹ Список источников см. в конце статьи.

5. Выявлены факторы, которые являются причиной отбора слов, включённых в Словарь Верма, но отсутствующих в ЛМ МОРФ.

6. Проанализированы факторы, которые являются причиной отбора слов, включённых в ЛМ МОРФ, но отсутствующих в Словаре JNU.

Результаты. На рис. 1 приведены результаты сравнительного анализа ЛМ МОРФ и ЛМ учебников. Данные сгруппированы с учётом частотности употребления в НКРЯ.

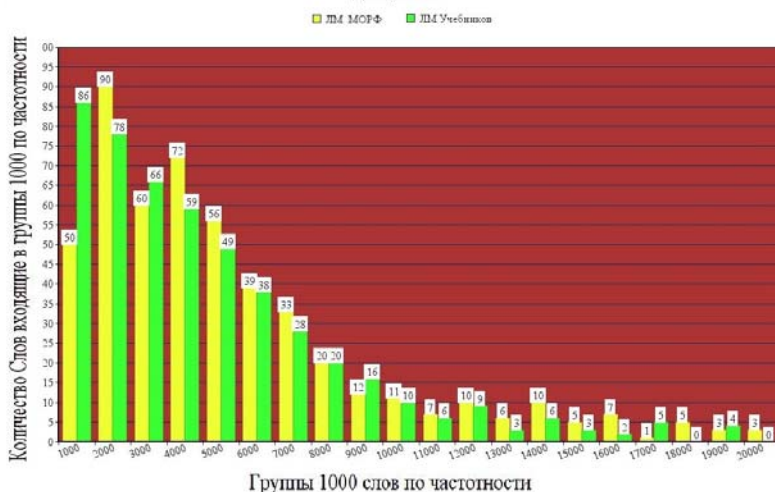

Рис. 1

Горизонтальная ось соответствует 20 группам частотного словаря НКРЯ, каждая из которых представляет одну часть (по убыванию), равную тысяче слов. Вертикальные столбцы и соответствующие цифры, которые они представляют, показывают количество слов соответствующего списка (ЛМ МОРФ и ЛМ учебников), которые встречаются в той или иной тысячной части слов частотного словаря НКРЯ. Таким образом, в первой тысяче слов НКРЯ по частотности встретилось 50 слов из ЛМ МОРФ и 86 слов из ЛМ учебников; во второй тысяче слов по частотности встретилось 90 слов из ЛМ МОРФ и 78 слов из ЛМ учебников, в двадцатой группе из тысячи слов – 3 слова из ЛМ МОРФ и 0 слов из ЛМ учебников.

Слова, содержащиеся в обоих лексических минимумах, сравниваемых с НКРЯ, отобраны из разных групп по частотности. Хотя

«Лексический минимум» первого сертификационного уровня включает всего 2300 слов, в него вошли лексические единицы из первых десяти групп объёмом в тысячу слов. Полученные данные свидетельствуют, что частотность не является доминирующим принципом при отборе слов в исследованные лексические минимумы.

Рис. 2 демонстрирует соотношение списков ЛМ МОРФ и Словаря JNU. Они также сгруппированы с учётом частотности употребления по данным НКРЯ.

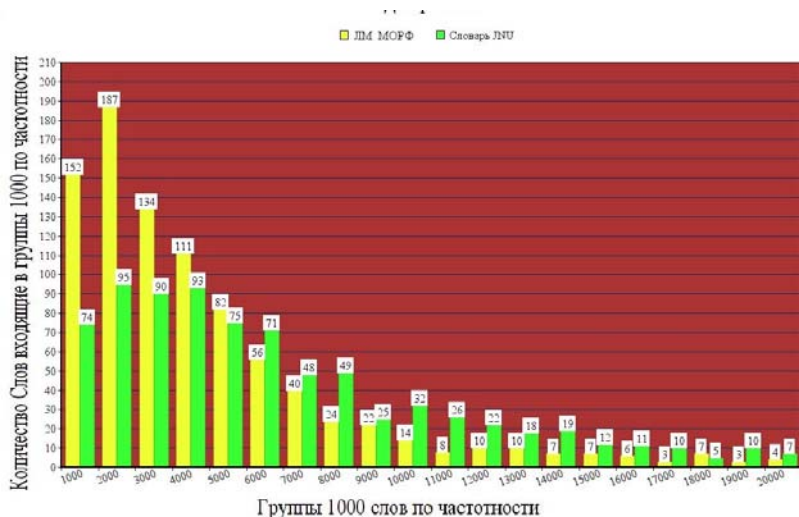

Рис. 2

Сравнительный анализ показывает, какую роль играл принцип частотности в отборе слов, не совпавших в списках двух лексических минимумов. В первой тысяче слов по частотности встретилось 152 слова списка ЛМ МОРФ и 74 слова из Словаря JNU; во второй тысяче слов – 187 слов из списка ЛМ МОРФ и 95 слов из Словаря JNU; в двадцатой тысяче слов – 4 слова из списка ЛМ МОРФ и 7 слов из Словаря JNU.

Заметным отличием в данных, отражённых на рис. 2, является то, что в первых пяти тысячах частотных слов НКРЯ обнаружилось значительно больше слов, включённых в список ЛМ МОРФ, чем в Словарь JNU, т.е. в разработанном в JNU учебном пособии в меньшей степени учитывался принцип частотности употребления слов в

русском языке: из рекомендованных 2300 ЛМ МОРФ в Словаре JNU отсутствуют 943 лексические единицы.

Сравнение общего списка слов, составленного на основе словарных приложений к российским учебникам, используемым в Университете им. Джавахарлала Неру, и ЛМ МОРФ выявило, что не все проанализированные учебники последовательно опираются на включение лексического ядра русского языка, которое содержит «Лексический минимум» первого сертификационного уровня. Количество различающихся слов составило четверть (519 слов из 2300), и частотность этих слов существенно различается. Таблица 1 репрезентирует фрагмент Списка учебников и Списка МОРФ.

Таблица 1

Список учебников		Список МОРФ	
Слово	Частотность по данным НКРЯ	Слово	Частотность по данным НКРЯ
то	23	ли	93
при	63	российский	141
жизнь	66	прийти	176
ну	83	удивление	214
ничто	100	пройти	242
просто	138	никакой	253
именно	165	далёкий	311
решение	208	посмотреть	321
вообще	225	ситуация	339
любой	233	смысл	346

Представленные конкретные примеры подтверждают, что в Словаре JNU принцип частотности учитывается в меньшей степени, чем в ЛМ МОРФ, и что в ЛМ МОРФ отобрано значительное количество слов из разных тысячных групп по частотности НКРЯ. Из этого следует вывод, что частотность не является доминирующим фактором, обуславливающим расхождение в составе двух сопоставляемых лексических минимумов.

Хотя частотность употребления слов в языке, как правило, считается главным принципом отбора слов, анализ доказывает, что в «Лексический минимум», рекомендованный Министерством образования РФ, и в учебники включаются слова не только из первых трёх или четырёх тысяч самых частотных слов русского языка.

Проведённое исследование убеждает в том, что частотность не является решающим принципом отбора слов ни в одном из проанализированных лексических минимумов.

Анализ. Какие же принципы обусловили отбор слов в изучаемые издания? С целью ответа на этот вопрос было создано четыре списка: 1) слова, которые вошли в ЛМ МОРФ, но не вошли в ЛМ учебников (*Список МОРФ-1*); 2) слова, которые вошли в ЛМ учебников, но не вошли в ЛМ МОРФ (*Список учебников*); 3) слова, которые вошли в ЛМ МОРФ, но не вошли в Словарь JNU (*Список МОРФ-2*); 4) слова, которые вошли в Словарь JNU, но не вошли в ЛМ МОРФ (*Список JNU*).

Так как каждый из созданных списков составил не менее 500 единиц, для данного исследования пришлось ограничиться анализом только одной части речи. Для сравнения этих списков и уточнения роли других принципов отбора были отобраны первые 50 существительных, следующих в каждом списке по алфавиту. Отобранные таким образом существительные приведены в табл. 2.

Таблица 2

Список МОРФ-1	Список учебников	Список МОРФ-2	Список JNU
автомат	администратор	автомат	абрикос
администрация	Азия	автор	авиакомпания
алгебра	Академия наук	администрация	авиапочта
анализ	актёр	академия	автокурс
артистка	актриса	алгебра	агентство
аспирантка	аллея	анализ	администратор
аспирантура	алфавит	ангина	Азия
атмосфера	Америка	анкета	актёр
балкон	ананас	апрель	актриса
бандероль	Англия	армия	Алжир
банка	анекдот	артистка	аллея
баскетболист	аппарат	архитектор	Америка
батон	араб	аспирантка	ананас
бензин	арбуз	атмосфера	Англия
библиотекарь	атлетика	афиша	анекдот
биология	аудиокассета	балерина	араб
бланк	Африка	бандероль	арка
бой	аэродром	банка	атлетика
булочная	аэрофлот	баскетбол	аудиокассета
велик	багаж	баскетболист	аудиомагнитофон
виза	бадминтон	батон	афганец

воспитание	базар	бензин	афганка
выступление	бал	беседа	Африка
горе	Балтийское море	библиотекарь	аэрофлот
гастроном	бар	биография	бабочка
генерал	беда	биология	багаж
географ	беспокойство	благодаря	бадминтон
геолог	бифштекс	богатство	базар
геология	близнецы	бой	баклажан
глава	блин	болезнь	бегемот
глагол	блокнот	болеющий	беспокойство
гражданка	бокал	борьба	бижутерия
гражданство	бокс	ботинки	близнецы
грудь	боль	брюки	богиня
двойка	борщ	булочка	боже
декан	браслет	булочная	бокал
декларация	бриллиант	вверх	бокс
делегация	букет	велосипед	боль
демонстрация	булка	весна	Бразилия
детектив	бытовая техника	ветер	браслет
джинсы	бюро	виза	бриллиант
диалог	варенье	волейбол	будильник
диктант	верблюд	волк	букет
дипломат	вершина	воспитание	булавка
дирижёр	вечер	восток	ВВЦ
дискета	вечеринка	враг	ВДНХ
дискуссия	видеокамера	вслух	ведро
диссертация	видеокассета	выступление	венчик
длина	видеомагнитофон	горе	вера
доброта	вкус	газ	верблюд

Следующим этапом исследования стал анализ перечисленных 50 языковых единиц с точки зрения роли разных принципов их отбора. На примере *Списка МОРФ-1* и *Списка учебников* рассмотрено соответствие слов принципам частотности, словообразовательной продуктивности, стилистической нейтральности, семантической ценности и тематической значимости. Таким образом, в анализе учитывались пять признаков лексических единиц, влияющих на отбор не совпавших в анализируемых списках слов. Выделенные принципы объединены в две группы: 1) стилистическая нейтральность, словообразовательная продуктивность, частотность; 2) семантическая ценность, тематический принцип. Авторы статьи осознают, что многие слова включены в лексические минимумы на основе совокупности разных принципов и что слова, характеризующиеся вы-

сокой словообразовательной продуктивностью и стилистической нейтральностью, в то же время могут оказаться самыми частотными.

Методика анализа была следующая. Для выявления **принципа частотности** каждое слово было проверено на наличие в первых трёх тысячах слов по частотности в лексическом минимуме НКРЯ.

Анализируя значимость **принципа словообразовательной продуктивности**, авторы статьи исходили из того, что способность к словообразовательным связям позволяет словам легче вписываться в лексическую систему. Указанный принцип проявляется в отборе слов, имеющих большое количество производных, которые иностранные учащиеся могут понять, опираясь на знание правил русского словообразования [4. С. 92]. Для выявления словообразовательного потенциала лексических единиц каждое слово из пятидесяти было проверено по словообразовательному словарю А.Н. Тихонова [19].

Принцип стилистической нейтральности устанавливает отбор слов, которые употребляются как в письменной, так и в устной речи и не имеют стилистических и территориальных ограничений: чем выше частотность слов, тем выше их стилистическая нейтральность [4. С. 102]. С целью подтверждения стилистической окраски слов или её отсутствия были использованы словарь сочетаемости слов русского языка под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина [20] и фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И. Молоткова [21].

Семантическая ценность слов связана с обозначением важных социокультурных понятий, часто встречающихся в реальной действительности предметов и явлений; **тематический принцип** отбора слов связан с включением их в ограниченные тематические группы, такие как наименования дней недели, термины родства и под., а также необходимые для раскрытия предусмотренной программой темы общения [4. С. 91]. Семантическая ценность и тематический принцип в значительной степени обусловлены образовательной программой, концепцией автора/авторов учебника.

Анализ показал, что 38% слов в Списке МОРФ-1 отобраны с опорой на принципы стилистической нейтральности, словообразовательной ценности, частотности, а 62% слов с учётом принципов семантической ценности и тематического принципа.

Принципы отбора слов: Список МОРФ-1

- 1. стилистическая нейтральность : словообразовательная ценность : частотность
■ 2. семантическая ценность : тематический принцип

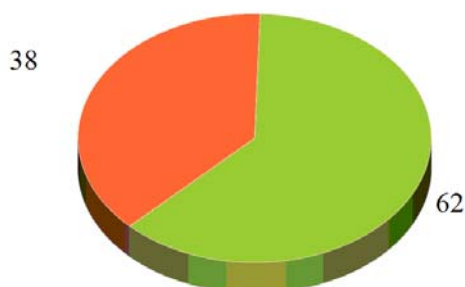

Рис. 3

22% слов в Списке учебников отобраны на основе принципов стилистической нейтральности, словообразовательной продуктивности и частотности, а 78% слов – с учётом принципов семантической ценности и тематического принципа.

Принципы отбора слов: Список учебников

- 1. стилистическая нейтральность : словообразовательная ценность : частотность
■ 2. семантическая ценность : тематический принцип

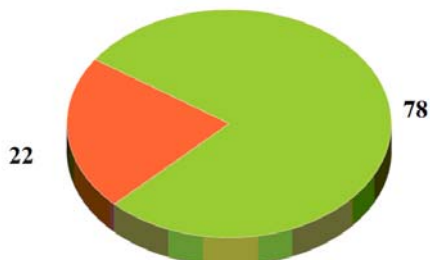

Рис. 4

58% слов Списка МОРФ-2 отобраны на основе стилистической нейтральности, словообразовательной продуктивности и частотности, а 42% слов – в соответствии с принципами семантической ценности и тематического принципа; 10% слов Списка JNU отобраны на основе принципов стилистической нейтральности, словообразовательной ценности и частотности, а 90% слов – с учётом принципов семантической ценности и тематического принципа.

Принципы отбора слов: Список МОРФ-2

- 1. стилистическая нейтральность : словообразовательная ценность : частотность
- 2. семантическая ценность : тематический принцип

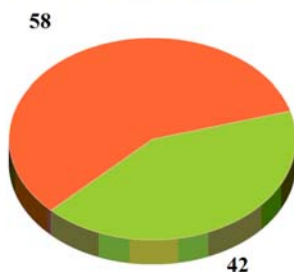

Рис. 5

Принципы отбора слов: Список JNU

- 1. стилистическая нейтральность : словообразовательная ценность : частотность
- 2. семантическая ценность : тематический принцип

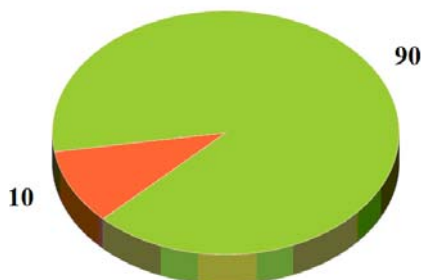

Рис. 6

Результаты

В ходе анализа выявлено, что при определении лексических минимумов изученных учебников русского языка в качестве более значимых выступили принцип семантической ценности и тематический принцип. Также определено, что принципы стилистической нейтральности и словообразовательной продуктивности «покрываются» принципом частотности, т.е. большая часть стилистически нейтральных слов, активно вступающих в словообразовательные связи, характеризуется частотностью.

Полученные результаты позволяют заключить, что принципы стилистической нейтральности, словообразовательной продуктивности и частотности играют сравнительно большую роль в отборе слов в Список МОРФ-1, чем в Список учебников. В обоих списках присутствуют одинаковые тематические группы с разным составом лексических единиц. Так, в Списке учебников оказались слова тематической группы общественно-государственной сферы: *администрация, бланк, виза, гражданка, гражданство, декларация, делегация, демонстрация, дипломат*. В списке МОРФ-1 также имеются слова тематической группы общественно-государственной сферы: *администратор, бюро*. В Списке учебников и Списке МОРФ-1 присутствуют слова, относящиеся к тематической группе «питание»: в первом из указанных списков – *батон, булочная*, во втором – *ананас, арбуз, бифштекс, блин, борщ, булка, варенье*.

Имеют место тематические группы, не являющиеся общими: например, включены в Список учебников, но отсутствуют в Списке МОРФ-1: (1) *аудиокассета, видеокамера, видеокассета, видеоманитофон, блокнот* и (2) *актёр, актриса*. В список МОРФ-1 вошли слова тематической группы «образование и наука»: *аспирантка, аспирантура, диссертация, двойка, декан, диктант, глагол, алгебра, биология, географ, геолог, геология*, которые не были обнаружены в Списке учебников.

В анализируемых списках обнаружены однокоренные слова: например, в Список учебников попали слова *администратор, булка*, а в Список МОРФ-1 – *администрация, булочная*. Выявлена также группа слов, которые присутствуют только в Списке учебников: это слова с «индийским колоритом»: *базар, браслет, бриллиант*.

Определено, что причиной различий между словарным составом ЛМ МОРФ и Словаря JNU является выраженная ориентация последнего на принцип семантической ценности и тематический принцип.

Выводы

В процессе изучения поставленных в статье вопросов определено, что словари, представленные в разных учебниках, существенно различаются. Выявлены факторы, учитываемые при отборе лексики для учебников и обуславливающие эти несовпадения.

Лексический состав отдельных учебников, используемых в Индии, значительно отличается от рекомендованного «Лексическим минимумом» МОРФ. Что касается Словаря JNU, то почти 50% первых 2300 частотных слов не совпали с ЛМ МОРФ.

Выявлено, что принципы стилистической нейтральности и словообразовательной продуктивности в большей степени учитывались при составлении «Лексического минимума» МОРФ, чем при разработке учебников, изданных в России. Учёт семантической ценности слов, а не частотности употребления в речи является фактором, который становится главной причиной отличия лексического минимума, на основе которого строится обучение русскому языку как иностранному в Индии.

Заключение

При разработке программ обучения русскому языку в вузах Индии целесообразно применять в качестве лексической базы «Лексический минимум», рекомендованный Министерством образования РФ как основной лексикографический справочник при построении стратегии формирования языковой компетенции иностранных студентов. При этом считать его единственным ориентиром нельзя. При составлении учебного словаря необходимо опираться на принцип семантической ценности, соотнесённый с современными социокультурными обстоятельствами России, родной страны учащихся, а также на цели обучения русскому языку.

Литература

1. *Nation I.S.P.* Teaching and Learning Vocabulary. – New York: Newbury House, 1990. – 275 с.
2. *Маркина Е.Л., Руис-Соррилья Крусате М.* О соотношении понятий «лексический минимум» и «учебный словарь» в методике преподавания русского языка как иностранного // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2011. – № 129. – С. 247–250.

3. Кожеевникова М.Н. Принципы национально ориентированного подхода в системе обучения иностранных граждан в российской высшей школе // Вестн. Сев.-Вост. Федер. ун-та. – 2014. – Т. 11, № 1. – С. 106–112.
4. Маркина Е.И. Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2011. – 235 с.
5. Тихонов В.К. Национально-ориентированное обучение китайских учащихся русской научно-технической терминологии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2004. – 20 с.
6. Быкова О.П. О некоторых особенностях обучения русскому языку как иностранному (РКИ) в условиях отсутствия русской языковой среды // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – Сер. Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 164–170.
7. Депомян К.А. Национально ориентированный подход к преподаванию русского языка как иностранного за рубежом (на примере корейских университетов) // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – С. 140–142.
8. Thorndike E.L. Teachers word book. – New York Teachers College, Columbia University, 1921. – 156 p.
9. West M. A general service list of English words. – London: Longman, Green&Co, 1953. – 588 p.
10. Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. – Таллин: Научно-исследовательский институт педагогики Эстонской ССР, 1963. – 316 с.
11. Марков Ю.А. О роли лексической статистики при отборе словарного минимума // Русский язык в национальной школе. – 1963. – № 4. – С. 12–20.
12. Морковкин В.В. Сравнительный список наиболее употребительных русских слов (на материале шести словарей) // Лексические минимумы русского языка / под ред. П.Н. Денисова. – М., 1972. – С. 16–74.
13. Бакая Р.М., Панде Х.Ч., Унни К.П.С. Словарь-минимум для подготовительного курса Центра русских исследований. – Нью-Дели: Изд-во ун-та им. Джавахарлала Неру, 1974. – 72 с.
14. Kilgarriff A. Putting frequencies in the dictionary // International Journal of Lexicography. – 1997. – 10 (2). – 135–155 p.
15. Schmitt N. Vocabulary in language teaching. – Cambridge: University Press, 2000. – 224 p.
16. Андриюшина Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. – М.: Златоуст, 2011. – 200 с.
17. Андриюшина Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение. – М.: Златоуст, 2011. – 164 с.
18. Верма К.С. Пособие по русскому языку. – Нью-Дели, 2003. – 200 с.
19. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 1. – 854 с.; Т. 2. – 885 с.
20. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Рус. язык, 1983. – 191 с.
21. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 544 с.

Источники

- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2003–2016. – URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.12.2016).
- Аксёнова М.П. Русский язык по-новому. – СПб.: Златоуст, 2000. – Ч. 1. – 440 с.
- Баиш Е.Г., Владимирский Е.Ю., Дорофеева Т.М., Лебедева М.Н., Половникова В.И., Шведова Л.Н. Учебник русского языка. – М.: Высш. шк., 1969. – Ч. 1. 278 с.
- Корчагина Е.Л., Степанова Е.М. Приглашение в Россию. – М.: «Рус. язык». Курсы, 2006. – Ч. 1. – 288 с.
- Корчагина Е.Л., Литвинова Н.Д. Приглашение в Россию. – М.: «Рус. язык». Курсы, 2006. – Ч. 2. – 276 с.
- Курбатова И.В. Русский – легко!: Учебник русского языка для начинающих. – М.: «Рус. язык». Курсы, 2006. 295 с.
- Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих: учеб. – СПб.: Златоуст, 2006. – 200 с.
- Потанова Н.Ф. Learning Russian. – Moscow: Progress Publishers, 1962. – 279 с.
- Степанова Е.М., Иевлева З.Н., Трушина Л.Б., Бакер Р.Л. Русский язык для всех. – М.: Рус. язык, 1992. – 208 с.
- Трескова С.И., Акишина Т.Е. Русский язык за 10 дней. – М.: Рус. яз. Курсы, 2006. – 224 с.
- Gronicka A.V., Jakobson N. Bates, Essentials of Russian. – New Jersey: High-school, 1964. – 399 с.

DETERMINING A LEXICAL MINIMUM FOR THE COUNTRY-SPECIFIC TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 106–124.

DOI: 10.17223/22274200/12/6

Rajkumar Yadav, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India). E-mail: sainikraj05@gmail.com

Natalia G. Nesterova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Kiran S. Verma, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India). E-mail: kiransingh1@yandex.ru

Keywords: Russian as foreign language, lexical minimum, principles of word selection, comparison.

In this article the authors examine how to compile a lexical minimum for Russian as a foreign language in a case study of the Russian language learning by Indian students. They further show the results of comparison of the following: (1) vocabulary in Russian textbooks used in Jawaharlal Nehru for teaching Russian as a foreign language at the First Certification Level, (2) a textbook by K. Verma produced at the Center of Russian Studies, JNU, and (3) the Lexical Minimum recommended by the RF Ministry of Education and Science. The authors then find out factors considered while selecting the vocabulary and factors causing the incongruence between the lists.

The following questions are answered: Is it necessary for the teaching of Russian as a foreign language in centers in India to be based on the Lexical Minimum recommended by the RF Ministry of Education and Science (LM RFMES); if yes, to what extent? How

much do the lexical minimums of the textbooks used for teaching the Russian language in India and the LM RFMES coincide? Which criteria of vocabulary selection cause the incongruence between the content of these lexical minimums? How do these differences affect the learning of the Russian language by Indian students? Is the vocabulary size of the LM RFMES enough for learning Russian as a foreign language in other countries, specifically, in India?

In answering the above questions it was found that the lexical minimum (vocabulary content) in different textbooks differs considerably, e.g., in the textbook by K. Verma almost 50 % of the first 2,300 most frequent words did not coincide with those of the LM RFMES. Factors considered while selecting the vocabulary for the textbooks and factors causing the incongruence between the various lexical minimums were also found.

It was found that the principles of stylistic neutrality and word-formation productivity were far more used when forming the LM RFMES, than when forming textbooks published in Russia. Considerable attention was given to the analysis of the principle of frequency when compiling the lexical minimums. It was shown that the semantic value of the word, and not its frequency in speech, is the factor that becomes the basis of difference in lexical minimums on which the learning of Russian as a foreign language in India is based.

It was concluded that it is advisable to use the LM RFMES as the basis for the vocabulary content when designing the Russian language course in Indian centers. At the same time, considering it the only deciding factor is not advisable. It is necessary to apply the principle of semantic value of words taking into account the socio-cultural conditions of Russia and the native country of students and specific aims of learning the Russian language.

References

1. Nation I.S.P. (1990) *Teaching and Learning Vocabulary*. New York: Newbury House.
2. Markina, E.L. & Ruiz-Zorrilla Krusate, M. (2011) O sootnoshenii ponyatiy "leksicheskiy minimum" i "uchebnyy slovar'" v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [On the relationship between the concepts "lexical minimum" and "educational dictionary" in the methodology of teaching Russian as a foreign language]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 129. pp. 247–250.
3. Kozhevnikova, M.N. (2014) Printsipy natsional'no orientirovannogo podkhoda v sisteme obucheniya inostrannykh grazhdan v rossiyskoy vysshey shkole [Principles of the national approach in the system of teaching foreign citizens in the Russian higher school]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 11:1. pp. 106–112.
4. Markina, E.L. (2011) *Lingvodidakticheskie osnovy razrabotki leksicheskikh minimumov po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Linguodidactic bases for the development of lexical minimums in Russian as a foreign language]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
5. Tikhonov, V.K. (2004) *Natsional'no-orientirovannoe obuchenie kitayskikh uchashchikhsya russkoy nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [National teaching of Russian scientific and technical terminology to Chinese students]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Bykova, O.P. (2009) O nekotorykh osobennostyakh obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu (RKI) v usloviyakh otsutstviya russkoy yazykovoy sredy [On some features of teaching Russian as a foreign language (RFL) in the absence of the Russian

language environment]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Pedagogika*. 2. pp. 164–170.

7. Deponyan, K.A. (2015) National approach to the teaching of Russian as a foreign language abroad (evidence from Korean universities). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 4. pp. 140–142. (In Russian).

8. Thorndike, E.L. (1921) *The teacher's word book*. New York: Teachers College, Columbia University.

9. West, M. (1953) *A general service list of English words*. London: Longman, Green&Co.

10. Shteynfel'dt, E.A. (1963) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. 2500 naibolee upotrebitel'nykh slov* [Frequency dictionary of the modern Russian literary language. 2500 most common words]. Tallin: Research Institute of Pedagogy of the Estonian SSR.

11. Markov, Yu.A. (1963) O roli leksicheskoy statistiki pri otbore slovarnogo minimuma [On the role of lexical statistics in the selection of the dictionary minimum]. *Russkiy yazyk v natsional'noy shkole*. 4. pp. 12–20.

12. Morkovkin, V.V. (1972) Sravnitel'nyy spisok naibolee upotrebitel'nykh russkikh slov (na materiale shesti slovarey) [A comparative list of the most common Russian words (on the basis of six dictionaries)]. In: Denisov, P.N. (ed.) *Leksicheskie minimumy russkogo yazyka* [Lexical minimums of the Russian language]. Moscow: State University.

13. Bakaya, R.M., Pande, H.C. & Unni, C.P.S. (1974) *Slovar'-minimum dlya podgotovitel'nogo kursa Tsentra russkikh issledovaniy* [A lexical minimum dictionary for the preparatory course of the Center for Russian Studies]. New Delhi: Jawaharlal Nehru University.

14. Kilgarriff, A. (1997) Putting frequencies in the dictionary. *International Journal of Lexicography*. 10 (2). pp. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijl/10.2.135>

15. Schmitt, N. (2000) *Vocabulary in language teaching*. USA: Cambridge University Press.

16. Andryushina, N.P. (ed.) (2011) *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu: pervyy sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie* [The lexical minimum in Russian as a foreign language: the first certification level. General knowledge]. 3rd ed. St. Petersburg: Zlatoust.

17. Andryushina, N.P. (ed.) (2011) *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu: vtoroy sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie* [The lexical minimum in Russian as a foreign language: the second certification level. General knowledge]. 3rd ed. St. Petersburg: Zlatoust.

18. Verma, K.S. (2003) *Posobie po russkomu yazyku* [The manual on the Russian language]. New Delhi: [s.n.].

19. Tikhonov, A.N. (1985) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka v dvukh to-makh* [Derivational dictionary of the Russian language in two volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.

20. Denisov, P.N. & Morkovkin, V.V. (eds) (1983) *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of the compatibility of the words of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.

21. Molotkov, A.I. (ed.) (1968) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.

Sources

National Corpus of the Russian Language. (2003–2016). [Online] Available from: <https://www.ruscorpora.ru>. (In Russian). (Accessed: 04.12.2016).

Aksenova, M.P. (2000) *Russkiy yazyk po-novomu* [Russian language in a new way]. Part 1. St. Petersburg: Zlatoust.

Bash, E.G. et al. (1969) *Uchebnik russkogo yazyka* [Russian language textbook]. Part 1. Moscow: Vysshaya shkola.

Korchagina, E.L. & Stepanova, E.M. (2006) *Priglasenie v Rossiyu* [Invitation to Russia]. Part 1. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

Korchagina, E.L. & Stepanova, E.M. (2006) *Priglasenie v Rossiyu* [Invitation to Russia]. Part 2. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

Kurbatova, I.V. (2006) *Russkiy – legko! Uchebnik russkogo yazyka dlya nachinayushchikh* [Russian is easy! Textbook of the Russian language for beginners]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

Miller, L.V., Politova, L.V. & Rybakova, I.Ya. (2006) *Zhili-byli... 28 urokov russkogo yazyka dlya nachinayushchikh: uchebnik* [Once upon a time . . . 28 lessons of Russian for beginners: a textbook]. St. Petersburg: Zlatoust.

Potapova, N.F. (1962) *Learning Russian*. Moscow: Progress Publishers.

Stepanova, E.M. et al. (1992) *Russkiy yazyk dlya vseh* [The Russian language for all]. Moscow: Russkiy yazyk.

Treskova, S.I. & Akishina, T.E. (2006) *Russkiy yazyk za 10 dney* [Russian in 10 days]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

Gronicka, A.V. & Bates-Yakobson, H. (1964) *Essentials of Russian: Reading, Conversation, Grammar*. New Jersey: Higher School.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

DOI: 10.17223/22274200/12/7

О.И. Блинова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ТОМСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ (2007–2017 гг.)

Представлены итоги научных исследований томской диалектологической школы в канун ее столетнего юбилея (1917–2017 гг.), который совпадает с периодом третьего выпуска «Биографического словаря томской диалектологической школы в лицах», охватывающего временной отрезок 2007–2017 гг. Рассматриваются только исследования лексикографической сферы этого периода.

Ключевые слова: диалектные словари, типы диалектных словарей.

В 2017 г. исполняется 100 лет со дня основания томской диалектологической школы (ТДШ).

Год основания научной школы – 1917-й. Основоположник школы – первый декан историко-филологического факультета Томского государственного университета (ранее Императорского), заведующий кафедрой русского языка и словесности профессор А.Д. Григорьев. Он провел первые диалектологические экспедиции в села бывшей Томской губернии, заложил основы диалектологических штудий.

Диалектологическое направление работы по сей день является приоритетным направлением в деятельности кафедры русского языка и осуществляется под руководством заведующего. В разные годы кафедрой руководили А.А. Скворцова, В.В. Палагина, Г.А. Раков, О.И. Гордеева. В настоящее время – Т.А. Демешкина, доктор филологических наук, профессор, автор более 130 работ, выполненных на диалектном материале. Руководителем ТДШ является О.И. Блинова, доктор филол. наук, заслуженный профессор, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы. Подробно о ТДШ можно узнать из источников [1–5].

Начиная с 1946 г. по настоящее время сотрудниками кафедры русского языка проводятся регулярные экспедиции в села Томской области по сбору диалектного материала, на основе которого созда-

ются уникальные диалектные словари. В текущем десятилетии томская лексикография пополнилась несколькими уникальными словарями. Дадим им краткую характеристику.

Одним из масштабных проектов последнего десятилетия явился проект по созданию четырехтомного **«Полного словаря диалектной языковой личности»** (авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой) [5].

Уникальный проект составления **полного толкового словаря языковой личности** задуман Е.В. Иванцовой, организован и воплощен ею с помощью 40 составителей четырехтомного словаря. Публикация **«Полного словаря диалектной языковой личности»** началась в 2006 г., завершилась в 2012 г.

Словарь включает всю зафиксированную в течение 23 лет лексику и фразеологию одного информанта – жительницы с. Вершинино Веры Прокофьевны Вершининой. Высоки информативные возможности Словаря, что подтверждается более 150 публикациями, посвященными исследованию идиолекта В.П. Вершининой.

Словарь диалектной языковой личности базируется на картотеке, включающей свыше 100 000 карточек, а картотека, в свою очередь, на дешифрованных записях звучащей речи информанта объемом около 10 000 страниц. Первый том включает 6963 словарные статьи, второй – 7 026, третий – 5 818, четвертый том – около 7 000, итого – около 27 000 словарных статей.

Образец словарной статьи:

ПА'СКА, ж. (р. ед. па'ски, д. и п. ед. па'ске, им. мн. па'ски).

1. только ед. Величайший праздник православной церкви, отмечаемый в течение недели, – Ну, прошлого'д Паска была четырнадцатого, в но'нче седьмого апреля; Они говорят: «К празднику [приедем]» – на Паске, май-то был; Редьку, вот ее со'дят вот после Паски через девять недель, от Паски; <...> ДО 2/29.

2. Пасхальный кулич. – Я паски делаю. Помногу, штук по семь взбиваю белышов-то, множество набью. Узю'мом обкладываю, конфетки, если есь каки', всё обкладу' – красиво! • **Как паска / паски**. О булках хлеба круглой формы. – В кастрюлю туды' со'дит [хлеб] – ну, как паска. В плите, в кастрюлях, гыт [пекут]. // Негат. ЭО. О бледных, не подрумянившихся булках хлеба круглой формы. – В плите [хлеб пекла]. Ну, все пекут, а я всё не могу

насме'литься. Не гля'нется мне. Нет! Они [булки] бле'дны каки'-то... как паски [усмехается] так сидят... Д-/-6¹ [6. С. 14].

В 2009–2010 гг. был опубликован «**Мотивационный словарь сибирского говора**» (авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко) [7].

Этот словарь выполнен на материале говора села Вершинина и представляет один из редких в отечественной лексикографии типов словарей: это словарь одного говора, одной микросистемы, дифференциальный, системный, отражающий в лексикографической форме ведущее лексическое явление говора – явление мотивации слов сквозь призму мотивационных парадигм с их компонентами. Их употребление проиллюстрировано в текстах и метатекстах, отражающих естественную речь носителей вершининского говора второй половины XX в.

Двухтомный «Мотивационный словарь сибирского говора» содержит 4891 словарную статью.

Образец словарной статьи:

БАРХАТНИК. Растение медуница, с листьями мягкими, как бархат. ЛМ: бархат и бархатный. СМ: *багульник, свекольник* – названия растений.

– *Бархатник тоже в лесу растет. Листья светлые, как бархат быват. // Бархатником ее зовут, листья длинные такие языками... В огороде есть красный корень, мы его называем «свекольник»: корешок у него, как у свёклы*² [7. Т. 1. С. 25].

«**Словарь образных единиц сибирского говора**» (авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; под ред. О.И. Блиновой) [8] расширяет сферу лексикографического исследования вершининского говора: в круг лексикографируемых единиц входят не только единицы лексикологического и фразеологического уровня, но и морфологического, синтаксического уровней диалекта.

Словарь включает 2 131 образную единицу (за единицу счета приняты: однозначное слово, лексико-семантический вариант слова,

¹ ДО – диалектный вариант общерусского слова; вар. – варианты отношения, диалектный вариант общерусского слова; две фиксации; Д – диалектное; ЭО – эстетическая оценка.

² ЛМ – лексический мотиватор; СМ – структурный мотиватор.

двусловная и парная номинация, фразеологическая единица, сравнительный оборот, творительный сравнения).

Образец словарной статьи:

ЁЛОЧКА. 1. Хвойное дерево ель сибирская. Ласк. В сравн. Фитом. О чем-л. уподобляемом ели. – *Полевой хвощ, как елочка, он от ревматизма, от сердца.* // *Она так растет, как елочка: зелененькая, мохнатенькая, не цветет.*

1. ЯМ. Фитом. Комнатное растение аспарагус, с листьями колючими, как у елки. – Ёлочка – вид темный, лист колючий, сам лист состоит из маленьких-меленьких волосочков. // Парагус «елочками» называли, тоже двух сортов: есть лапочки мохнатенькие, а есть вся мохнатенькая.

2. ЯМ. Фитом. Травянистое растение хвощ полевой. – Ёлочка – на выгонах ее полно. Ёлочка по-другому еще «хвощ» называется. // Травя такя. Она больше на полях растет. На елочку походит, елочка и есть¹ [8. С. 71].

«Словарь синонимов сибирского говора» (авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова; под ред. О.И. Блиновой) [9].

Настоящий словарь представляет синонимию вершининского говора как явление со всеми его характеристиками – количественными и функциональными, для чего в структуру Словаря вводится интерпретационная зона.

Он включает 833 синонимических пары/ряда.

Образец словарной статьи (в сокращении):

РОМАШКА, ВОРОЖЕЙКА, НИВЯНКА, БЕЛОСВЕТНИК, СЕНОКОСНИК.

Травянистое растение нивянка обыкновенная (поповник) *Leucathemum vulgare* Lam.

Ромашка [мот., метаяз., переч., в сравн., О, 8]

Сенокосник [абс., мот., метаяз., Д, 3]

Ворожейка [абс., мот., обр., олиц., метаяз., ДО, 2]

Нивянка [абс., вар., мот., метаяз., переч., ДО, 1]

Белосветник [абс., мот., обр., олиц., метаяз., ДО, 2]

¹ ЯМ – языковая метафора. Фитом. – фитоморфизм.

– «Белосветник», «ворожейка», «нивянка», «ромашка» – *всяко называют. // Ворожейка, нивянка еще зовут. // Это вот собачка и ромашка. Ромашку у нас сенокосником зовут. Она цветет – косить траву надо <...>¹* [9. С. 341–342].

Словарем синонимов завершается уникальная серия словарей одного говора, вершининского.

На материале среднеобских говоров за последнее десятилетие было издано два словаря фитонимов: трехтомный и однотошный. Автор-составитель обоих словарей – доцент кафедры теории и истории языка Томского государственного педагогического университета В.Г. Арьянова.

Обратимся к первому, трехтомному, словарю.

«Словарь фитонимов Среднего Приобья» (авт.-сост. В.Г. Арьянова, науч. ред. О.И. Блинова) [10].

Словарь является полным, синхронным, толковым словарем названий растений.

Первый том содержит 345 словарных статей, в которых описано 1730 номинативных единиц – однословных и составных наименований растений. Второй том – 340 словарных статей, в которых описано 1610 номинативных единиц. Третий том – 75 словарных статей, в них описано 440 номинативных единиц. Итого 3780 номинативных единиц.

Образец словарной статьи (в сокращении):

Горицвет татарское мыло. *Lychnis chalctdonica* L.

Ванька красный, гвоздика, ерань красная, зырки, медвежье мыло, полевая гвоздика, татарское мыло, мыльник.

Многолетнее травянистое растение с прямым неветвистым стеблем до метра высотой и ярко-красными, довольно крупными цветками, собранными на верхушке стебля. Растение при растирании выделяет пену.

Ее гвоздика называют, похожа на гвоздику (Том. Н.-Рожд.). *Только вот озоньков много да ерань красная. Мы ею раньше мылись* (Тег. Бер.). *Теперь китайское мыло. Он как гвоздика. И вот ей*

¹ абс. – абсолютный синоним; мот. – мотивированный синоним; метаяз. – метаязыковая функция; переч. – функция перечисления; Д – диалектное; обр. – образный синоним; олиц. – олицетворение; ДО – диалектный вариант общерусского слова; вар. – варианты отношения, диалектный вариант общерусского слова; две фиксации.

мылили. ...Как от за речку выедешь, сразу околочек. Маленько пройдешь – вот тута подальше. **Красным** цветет, хорошо ее видно. Ее еще называют **зырки**. Гвоздику садовую родители раньше называли **зырки**: они вот такие зрячие, яркие. Они выдаются и называются «**зырки**» (Том. Н.-Рожд.). Цветок этот кто называет **татарское мыло**, а кто **медвежье мыло**. Им, наверно, по утрам медведь умывается (Чебул. Шест.). **Мыльник** есть, **татарское мыло** еще зовут. Цветки у него нарядные, яркие, оно мылится (Яйск. Кайла). **А ваня красный** – это мы называем его **татарское мыло** (Том. Верш.) [10. Т. 1. С. 62–63].

Составителем словаря проделана колоссальная работа: собран большой материал и с помощью сотрудников Гербария Томского университета выявлены точные названия огромного числа растений.

К трехтомнику примыкает другая словарная работа В.Г. Арьяновой «**Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья**» [11].

Словарь является полным, синхронным, толковым, диалектным словарем, включающим все зафиксированные в 80–90-е гг. XX – начала XXI в. названия частей растений в говорах Среднего Приобья. Содержит около 500 словарных статей¹.

Словарь фитоморфонимов (ФМО) является редким типом словаря в диалектной лексикографии. Одна из самых ярких особенностей его содержится в заглавной зоне, где представлены толкуемые ФМО. Они выражены существительными в трех формах: а) в исходной (Им.п., ед. или мн.ч.); например: БОТВА ‘стебель и листья корнеплодных растений’; б) уменьш. форме (ед. или мн.ч.); например: БОРОЗДКИ ‘складчатые выросты на нижней стороне шляпы гриба’; в) уменьш.-ласк. форме (ед.ч.); например: НОСОЧЕК ‘кончик корнеплода моркови’.

Другая особенность ФМО в анализируемом источнике – широко представленный метафорический способ их выражения посредством сопоставления с самыми разными объектами окружающего мира: с человеком, животными и птицами, с небесными телами и растениями. Примеры: ГОЛОВКА ‘соцветие на конце стебля’, КОТИКИ ‘соцветия ивы козьей’, ШЛЯПКА ‘верхняя часть плодового тела гриба’.

¹ Автор словаря ввел новый термин – фитоморфоним (от греч. *phyton* – растение + греч. *морфё* – форма + греч. *опота* – имя) как более экономный и удобный для произношения.

ПЕРЫШКИ 'стручки', РОГА 'длинные побеги каллисии душистой', СОБАЧКИ 'семена череды', СЕРЕЖКА 'загнутые лепестки'.

Образец словарной статьи:

Горочка.

Выпуклость в центре шляпки гриба.

А ложный груздь ножка пустотелая и сверху не горочка, а ямочка. Срежешь – выступает ядовитое. Он ещё синее. А на вкус он горький. Запах у него очень отвратительный (Мар. Ник.) [11. С. 63].

Итак, в канун столетнего юбилея томская диалектологическая школа преподнесла научному сообществу 6 словарей новых типов в 12 томах, которые послужат источниками изучения народной речи в лингвокультурологическом, дискурсивном, психолингвистическом, когнитивном, лингвоперсонологическом и других аспектах, интенсивно разрабатываемых современной мировой лингвистикой.

Литература

1. *Томская диалектологическая школа в лицах: биограф. словарь* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – Вып. 1. – 150 с.
2. *Томская диалектологическая школа в лицах: биограф. словарь* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 2. – 130 с.
3. *Томская диалектологическая школа: историографический очерк* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2006. – 392 с.
4. Антипов А.Г. Рецензия: Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006 // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 153–156.
5. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе: Итоги и перспективы // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 31–37.
6. *Полный словарь диалектной языковой личности* / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.
7. *Мотивационный словарь сибирского говора* [авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко]; под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009–2010. – Т. 1–2.
8. *Словарь образных единиц сибирского говора* / [авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина]; под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 217 с.
9. *Словарь синонимов сибирского говора* / [авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова; под ред. О. И. Блиновой]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 454 с.

10. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья: [в 3 т.]. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008.

11. Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: Говоры Среднего Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. – 246 с.

LEXICOGRAPHIC PROJECTS OF TOMSK DIALECTOLOGISTS (2007–2017)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 125–133.

DOI: 10.17223/22274200/12/7

Olga I. Blinova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: blinova_11@mail.ru

Keywords: dialect dictionaries, types of dialect dictionaries.

The article presents the results of the research of the Tomsk Dialectology School on the eve of its centenary (1917–2017) which coincides with the period of the third edition of the *Biographical Dictionary of the Tomsk Dialectology School in Persons*, covering the time interval of 2007–2017. The studies of the lexicographic sphere within this period are considered.

References

1. Blinova, O.I. (ed.) (2005) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola v litsakh: biogr. slovar'* [Tomsk Dialectology School in faces: a biographical dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

2. Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola v litsakh: biogr. slovar'* [Tomsk Dialectology School in faces: a biographical dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

3. Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: Istoriograficheskii ocherk* [Tomsk Dialectology School: a historiographical essay]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Antipov, A.G. (2007) Retsenziya: *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: Istoriograficheskii ocherk* / Pod red. O.I. Blinovoy. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006. [Book review: Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: Istoriograficheskii ocherk* [Tomsk Dialectology School: a historiographical essay]. Tomsk: Tomsk State University.]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 153–156.

5. Demeshkina, T.A. (2011) Lexicographic studies of Tomsk Dialectology School. Results and prospects. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (15). pp. 31–37. (In Russian).

6. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti: v 4 t.* [A complete dictionary of the dialect language personality: in 4 volumes]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Blinova, O.I. (ed.) (2009–2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational dictionary of the Siberian dialect]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.

8. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of figurative units of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Blinova, O.I. (ed.) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of synonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

10. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* : [v 3 t.] [Dictionary of phytonyms of the Middle Ob region: [in 3 volumes]]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

11. Ar'yanova, V.G. (2010–2011) *Slovar' nazvaniy chastey rasteniy: Govory Srednego Priob'ya* [Dictionary of the names of parts of plants: Dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/12/8

Рецензия на книгу: Словарь современных политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!» / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати»; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Книга представляет собой первый опыт создания словаря политических жанров малой формы. Российско-германский коллектив предлагает заинтересованному читателю яркую

палитру лозунгов, призывов, здравниц, девизов, активно используемых в современном коммуникативном пространстве различными политическими партиями и общественными движениями России и Германии.

Словарь адресован филологам, журналистам, социологам, а также всем, кто интересуется проблемами политической лингвистики.

Фразеологический фонд национального языка находит своё отражение в лексикографии. В связи с бурным развитием фразеологии логичным является возникновение фразеографии, для которой существует богатая теоретическая база, а также опубликовано немало научных трудов и словарей.

Следует напомнить, что отечественная и зарубежная фразеографическая традиция имеет длительную историю. Уже в начале XX в. фразеологи включали разные фразеологические ресурсы языка (паремии, крылатые слова и выражения, афоризмы и т.д.), а также другие устойчивые словесные комплексы (далее УСК) в справочники,

что отражено при отборе в словаре М.И. Михельсона «Опыты русской фразеологии».

Назначение недавно вышедшего Словаря «Дайте миру шанс!» – служить справочником для широкого круга лиц. Авторы отмечают, что Словарь адресован филологам, журналистам, социологам и всем, кто интересуется проблемами политической лингвистики. Польза данного справочника очевидна: он вводит читателя в мир интертекстем, таким образом предотвращая культурный диссонанс поколений. Представляя собой лаконичные формулировки политических, социальных, идеологических идей и представлений, конденсируя сложные образы, лозунги вызывают в нашем сознании ряд ассоциаций. Недостаточное знакомство с условиями возникновения того или иного лозунга приводит к тому, что ассоциации эти меркнут и значение его понимается неправильно.

Помимо практического значения, такой словарь имеет и теоретическое значение, так как закрывает лауну, имеющуюся в отечественной лексикографии. По данному вопросу В.М. Мокиенко пишет: «Слово *лозунг* стало столь концентрированным символом политической пропаганды, что многими языковедами не воспринимается как лингвистическое явление, достойное специального анализа». Однако, по мнению учёного, язык современного лозунга представляет собой зеркальное отражение основных особенностей нашей речевой системы [2. С. 39–40]. До появления такого специализированного Словаря лозунги включались во фразеологические или эптологические (словари крылатых слов и выражений) издания, именно потому он так важен для лингвистических исследований. В связи с этим, на наш взгляд, правомочно введение термина *лозунговая лексикография* по аналогии с уже принятыми: авторская лексикография (Л.Л. Шестакова), детская лексикография, компьютерная лексикография (О.В. Ломакина), цитатная лексикография (Т.В. Шмелёва).

Роль лозунгов в агитационной и пропагандистской деятельности партийных и общественных организаций страны переоценить невозможно. Лингвистическое исследование этого фонда национальных языков в Германии и России только начинается. Появившиеся классификации данных языковых единиц отличаются несовершенством, а выводы, касающиеся временного периода функционирования лозунгов (примерно пять лет), не представляются убедительными. Более того, как демонстрируют материалы Словаря, многие старые лозунги, например советской эпохи, переосмыслены, трансфор-

мированы и в итоге обретают новую жизнь. В связи с этим становится понятным, что, несмотря на активно развивающуюся политическую лингвистику, где глубоко изучаются процессы речевого воздействия и манипулирования сознанием читателей, роль лозунгов в обозначенных процессах исследована недостаточно.

Лингвистическое описание лозунгов обязывает авторов Словаря определить их место в языковой системе. Тщательное изучение функционирования лозунгов в политическом дискурсе показало, что лозунги – это специфические языковые единицы, обладающие чертами УСК и являющиеся объектами фразеологии в широком её понимании. Они обладают устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры; постоянством семантики, закреплённой за данным УСК; в речевом потоке они всегда выполняют предикативную функцию, а значительная часть лозунгов представляет собой крылатые выражения, поскольку их значения «отягощены генетической памятью о породившем их источнике» [1. С. 3]. Перечисленные свойства предопределяют способ семантической характеристики лозунгов, представленных в Словаре, а термин «лозунг» используется составителями как гипероним по отношению к разнообразным конструкциям со всеми указанными выше свойствами.

Авторы Словаря придерживаются традиционного принципа расположения словарных статей – алфавитного. Как в российской, так и в немецкой части даются отсылки к лозунговым аналогам в другом языке. Очень важно и принципиально, что словарные статьи создавались с учётом лингвокультурологических факторов. Каждый лозунг охарактеризован по пяти параметрам: инициальному, источниковедческому, семантическому, иллюстративному и фиксирующему описываемый лозунг.

В *инициальной* зоне лозунг обозначен в нормативной, исходной форме с указанием узуальных вариантов и «плавающих» узуальных компонентов:

«Я ЖУРНАЛИСТ! НЕ СТРЕЛЯЙТЕ! СМ. НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ЖУРНАЛИСТОВ! Я – ШАРЛИ!» [1. С. 237].

В *источниковедческой* (термин авторов Словаря) зоне содержится информация о времени возникновения лозунга, его авторе (авторах); здесь же указывается, если необходимо, название произведения, из которого взята фраза; описываются обстоятельства популяризации лозунга, сфера его распространения, а также принадлежность определённым партиям или общественным движениям:

«Время и место рождения этого лозунга известно точно: 7 января 2015 г., Париж, столица Франции. В этот день два террориста ворвались в редакцию сатирического журнала «Charlie Hebdo» и расстреляли 12 её сотрудников. Через несколько часов после гибели журналистов возобновил свою работу сайт еженедельника, единственная страница которого содержала надпись «*Je suis Charlie*», выполненную белыми буквами на чёрном фоне в переводе на семь языков: персидском, немецком, испанском, словацком, чешском, арабском, русском (Теракт 2016: <https>). Автором выражения *Je suis Charlie* является французский дизайнер, художественный директор журнала «Stylist» Йоахим Ронсан (*фр.* Joachim Roncin) (Автор 2016: <http>). Теракт вызвал по всей Франции массовые протестные выступления, участники которых в память о погибших несли распечатки нового лозунга. За несколько дней благодаря Интернету выражение *Je suis Charlie* превратилось в одно из самых популярных в международной электронной сети, а служба главных слов и выражений русского языка назвала его в числе самых употребительных выражений 2015 г. (Гранина 2016: <http>). В 4-миллионном марше в память о жертвах теракта приняли участие несколько десятков глав государств мира (Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Украины и пр.); среди представителей других зарубежных стран был и министр иностранных дел России С. Лавров (Charlie Hebdo 2015: <http>). Лозунг приобрёл в таких условиях интернациональный статус. А. Олейник считает одной из причин популярности лозунга его «укоренённость в национальной культуре протеста во Франции»; «неявную и возможно неосознанную автором вербальную и визуальную перекличку с лозунгом времён майских событий 1968 г.: “Nous sommes tous des Juifs allemands” (‘Мы все – немецкие евреи’), ставшего ответом на планируемую правительством высылку из страны Даниэля Кона-Бендита, немецкого студента с еврейскими корнями, одного из лидеров протестного движения». Олейник отмечает, что в лозунге 1968-го «акцент сделан на коллективной солидарности, а в лозунге 2015-го – на солидарности личной» (Олейник 2015: <http>). Поводом к нападению на редакцию еженедельника стала профессиональная деятельность журналистов: «Charlie Hebdo» известен своими левыми светскими взглядами и скандальными публикациями. В нём остро критиковались ведущие политики, высмеивались святыни христианства и ислама, помещались карикатуры на Христа и на пророка Мухаммеда, часто непри-

стойного характера, в чём очередной раз можно было убедиться по номеру, вышедшему накануне разбойного нападения. В России теракт осудили и выразили сочувствие по поводу гибели журналистов. Однако лозунг *Je suis Charlie* (*Я – Шарли*), как и этическую сторону деятельности редакции еженедельника, восприняли в Российской Федерации неоднозначно, так как большинство граждан нашей страны считает недопустимым оскорбление чувств верующих и надругательство над невинными жертвами. В российских партийных и прочих источниках лозунг может употребляться как в форме полужалкого, так и в исконном французском облике, но чаще всего – в трансформированном виде. Субституции может подвергаться как первый, так и второй компонент лозунга. См. нем. **ICH BIN CHARLIE!**» [1. С. 237–238].

В семантической зоне помимо указания на принадлежность УСК к лозунговому жанру (призыв, девиз, лозунг-констатация, лозунг-предостережение, здравица и пр.) содержится характеристика значения языковой единицы с учётом интенции адресанта и ожидаемой реакции коллективного адресата:

► **«Универсальная формула выражения солидарности или протеста против любой несправедливости»** [1. С. 238].

В иллюстративной зоне приводятся контексты с разным употреблением лозунга. Как правило, она состоит из двух разделов: в первом приводятся образцы узуального функционирования лозунга, во втором – примеры его использования в трансформированном виде:

«В российском контексте из истории «Я – Шарли» можно извлечь следующий урок. Массовые движения в России тоже нуждаются в лаконичных лозунгах и логотипах, способных стать их символами. Эти лозунги и логотипы должны быть так или иначе связаны с национальной культурой. И тогда отклик на них может стать таким же широким, как в случае «Я – Шарли». Олейник А. О секрете эффективного лозунга // Газета.Ру, 17.01.2015. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/> (дата обращения: 30.08.2016); *Изначально либерализм – это философия человеческой свободы и человеческого достоинства. Но, пытаясь утвердить свою свободу, карикатуристы, по сути дела, топчут достоинство миллионов людей. На мой взгляд, это повод задуматься тем в нашей стране, кто надевал на себя майки с надписью «Я – Шарли». Они своим потворством допустили в том числе карикатуры об авиакатастрофе», –*

подчеркнул Исаев. Исаев: Карикатуры журнала Charlie Hebdo вызывают омерзение, 06.11.2015 // Сайт ПП «Единая Россия». Режим доступа: <http://er.ru/news/136539/> (дата обращения: 26.06.2016); [Н. Гранина:] – *То есть главными для россиян всё же оставались темы морали и нравственности?* [А. Михеев:] – *Да, именно их можно считать доминантой года. Самое показательное слово в связи с этим – «Шарли». Оно стало практически нарицательным. Впервые появилось в обороте в январе, а в конце года реактуализировалось, снова попало в центр внимания и тоже стало своего рода знаком этической провокации: ведь началось всё с карикатур, которые журнал Charlie Hebdo специально публиковал с целью взбудоражить общество. Но после того как редакция журнала была расстреляна, это уже отошло на другой план: провокация журналистов привела не просто к общественным дискуссиям, а к трагическим событиям. Выражение «Я – Шарли», которое первоначально обозначало ‘Я выступаю за свободу слова’, трансформировалось и получило смысл ‘Я протестую против убийства невинных людей за их высказывания’.* Гранина Н. «“Ватник” и “укроп” поменяли окраску»: Лингвист Алексей Михеев о главных словах и выражениях 2015 года // Lenta.ru, 08.01.2016. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/01/08/slova_goda/ (дата обращения: 30.08.2016); Двое злоумышленников ворвались в здание и открыли огонь по находившимся там людям. Погибли 12 человек, в том числе двое полицейских. Нападавшие были уничтожены в результате проведённой спецоперации. Тогда в социальных сетях и СМИ была развёрнута широкая кампания под лозунгом «Я – Шарли» (*Je Suis Charlie*). Политики, знаменитости и просто сочувствующие с помощью этого слогана выражали солидарность с изданием, выступая за свободу слова в Европе. Теперь многие вспоминают произошедшее с другими эмоциями. «Ну и где теперь ваши таблички “Я – Шарли”?» – спрашивает пользователь @lenproq в Twitter. «Кто-нибудь ещё хочет сказать “Я – Шарли”?» – вторит ему @zoontnlick/. Кто-нибудь ещё хочет сказать “Я – Шарли”?» Charlie Hebdo опубликовал карикатуры на утонувшего сирийского мальчика // Мнения, 14.03.2016. Режим доступа: <http://minval.az/k/ya-sharli> (дата обращения: 30.08.2016); Французское издание Charlie Hebdo, пострадавшее от нападения террористов в январе 2015 года, опубликовало «карикатуры» на падение российского самолета A321, разбившегося над Синайским полуостровом. На одном из рисунков изображены па-

дающие сверху на исламиста детали самолета и люди, а надпись гласит: «Россия усиливает бомбардировки ИГИЛ». На другом рисунке изображён череп с расплавленными на нём солнцезащитными очками на фоне горящего самолета. Картинка подписана: «Опасность русского лоукостера «Теперь, после издевательств журнала «Шарли Эбдо» над погибшими в небе над Синаем, лозунг **«Я Шарли!»** в России может поддержать только отморозок», – написал Пушков в Twitter. Лозунг «Я Шарли!» в РФ теперь может поддерживать только отморозок – Пушков, 10.09.2016 // Сайт ПП «Единая Россия». Режим доступа: [https:// regnum.ru/news/2006526.html](https://regnum.ru/news/2006526.html) (дата обращения: 10.09.2016).

Мы знаем, что такое свобода. И поэтому наше сердце сейчас со сражающимся за свободу Донбассом! Да здравствует свобода! **Я – Донбасс!** Кандидат в члены ЦК КПРФ, адвокат Дмитрий Аграновский: Да здравствует свобода! Я – Донбасс! 13.01.2015 // Сайт КПРФ. Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/opinion/138111.html> (дата обращения: 10.09.2016); Лидер ЛДПР выразил глубокое возмущение тем, что французский сатирический журнал «Charlie Hebdo» продолжил публикацию скабрёзных карикатур на крушение российского самолёта в Египте. ЛДПР выпустила свой ответ французам. «После такого отношения к нам пора заявить: **«Je ne suis pas Charlie!»**. Мы никогда не будем Шарли. Мы должны отказаться от французских слов, продуктов, вина и в целом изменить свое отношение к французам», – заявил политик. Владимир Жириновский. Пришло время сказать **«Мы не Шарли!»** // Газета «ЛДПР», 13.11.2015. Режим доступа: [http:// ldpr.ru/events/ vladimir_zhirinovsky_its_time_to_say_i_do_not_charly/](http://ldpr.ru/events/vladimir_zhirinovsky_its_time_to_say_i_do_not_charly/) (дата обращения: 10.09.2016); Слоган вызвал не только одобрительную, но и протестную реакцию. Вслед за **Je suis Charlie** появился слоган **Je ne suis pas Charlie** (рус. **Я не Шарли**), объединивший часть общества, считающую, что сочувствие жертвам теракта не означает поддержки политики журнала «Шарли Эбдо». Хэштег **«Я – не Шарли»** вышел на первое место в русскоязычных социальных сетях после того, как «Шарли Эбдо» опубликовал карикатуры на катастрофу рейса 9268 над Синайским полуостровом, ставшую национальной трагедией в России. Теракт в редакции Charlie Hebdo // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Je_suis_Charlie (дата обращения: 30.08.2016); Современное общество, в том числе и французское, становится всё более индивидуализированным. **«Мы все –**

Шарли» (была и такая версия) в сегодняшнем контексте звучит менее уместно. Олейник А. О секрете эффективного лозунга // Газета.ру, 17.01.2015. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/> (дата обращения: 30.08.2016); Украинские СМИ использовали различные варианты лозунга солидарности. 8 января 2015 года украинский блогер и общественный деятель Денис Казанский опубликовал пост **«Мы все – протестанты из Славянска»**, напоминая об убийстве пятидесятников в Славянске; материал был переопубликован рядом СМИ. После обстрела автобуса под Волновахой 13 января 2015 года в украинских сетях началась акция **«Я – Волноваха»**, инициатором которой стал находящийся в Мариуполе Дмитрий Корчинский, который первым разместил свою фотографию с этим лозунгом. На следующий день некоторые депутаты Верховной Рады пришли в парламент с плакатами **«Я Волноваха»**. В дальнейшем 18 января в Киеве прошёл многочисленный марш под этим лозунгом, на который также пришли президент Пётр Порошенко и премьер-министр Арсений Яценюк с плакатами **«Я Волноваха»**. Схожие акции прошли в ряде городов после обстрела микрорайона «Восточный» в Мариуполе 24 января 2015 года под лозунгами **«Я Мариуполь»**. **Je suis Mariupol (Je suis Charlie)** // Википедия, 2016. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Je_suis_Charlie](https://ru.wikipedia.org/wiki/Je_suis_Charlie) (дата обращения: 30.08.2016); **Я – не Шарли. Я – ОДЕССА! Горловка, Пески, Луганск.** У нелюдей нет интереса к тем, кто погиб в пекле адском... Шустова С. Год назад. Я – не Шарли. Я – ОДЕССА!.. // YouTube, 2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=P9e29IdJsEk> (дата обращения: 30.08.2016); **«Шарли Эбдо»** вышел с двумя карикатурами с изображением погибшего ребёнка. На первой, озаглавленной **«Так близко к цели»**, мальши (мёртвый, беженец) лежит рядом с плакатом **«МакДональдса»** **«Два детских меню по цене одного»**. На второй под заголовком **«Доказательство, что Европа христианская»** изображён рядом с тонущим мальчиком стоящий на волнах Иисус Христос, изрекающий: **«Христиане ходят по воде. Мусульманские дети тонут»**. Вот я и спрашиваю себя: **«Я всё ещё Шарли?»** А вы? Козырев М. Пост, 14.09.2015. Режим доступа: <https://www.facebook.com/misha.kozyrev/posts/> (дата обращения: 30.08.2016); **Вы были Шарли, вы были Париж. Будете ли вы Анкара?** Пост живущего в Анкаре британца // Мнения, 14.03.2016. Режим доступа: <http://minval.az/k/ya-sharli> (дата обращения: 30.08.2016)). [1. С. 238–240].

Приведём пример немецкой словарной статьи:

«WIR WÄHLEN DIE FREIHEIT! ICH WÄHLE DIE FREIHEIT! ♦ МЫ (Я) ВЫБИРАЕМ(Ю) СВОБОДУ!

Лозунг молодёжного объединения партий ХДС и ХСС (JU), которое является самым многочисленным (120 тыс. членов) молодёжным союзом Германии и Европы. Цель этого объединения – привлечение молодых людей в политику. Лозунг прозвучал из уст первого федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра (годы правления 1950–1966), непримиримого борца с нацистским режимом, который, говоря о судьбе Германии в 1952 г., заявил: «Мы выбираем свободу». Этот лозунг стал генеральной линией страны и Христианско-демократического союза Германии.

► **Призыв к свободе как личному выбору.**

*„Wir wählen die Freiheit“ – so formulierte Konrad Adenauer 1952 ein zentrales Leitmotiv für unser Land und die CDU. Mit der Gründung dieser schichten- und konfessionsübergreifenden Volkspartei wurde eine Lehre aus den politischen Verhältnissen der Weimarer Republik gezogen. Die Verbindung von Stabilität und Erneuerung wurde zu einem Markenzeichen dieser neuen politischen Kraft. Pöttering H.-G. Wir wählen die Freiheit // Geschichte Deutschlands und der CDU in Bildern. Режим доступа: <http://www.kas.de/wf/de/33.41708/> (дата обращения: 06.09.2016); Während der SPD-Vorsitzende Kurt Schumacher mit gebrechlichem Körper und meist keifender Stimme am Mikrophon stand, dabei 282 an Kriegselend und Propagandatöne des Dritten Reiches erinnerte, wirkte der 73-jährige Adenauer, robust von Statur, gleichermaßen vital, souverän und entschlossen. Wo Schumacher zynisch polemisierte, polarisierte Adenauer geschickt mit Vereinfachungen, die kein Werbe-strategie besser herübergebracht hätte. „Wenn wir die Wahl haben zwischen Freiheit und Sozialismus, wissen wir, was wir wählen: **Wir wählen die Freiheit**“. Küsters H.J. Wahlkampf // Konrad Adenauer.de. Режим доступа: <http://www.konrad-adenauer.de/stichworte/politischeparteien/wahlkampf/> (дата обращения: 06.09.2016).*

Wähle die Freiheit (Выбери свободу). Название книги Р. Бандлера, А. Роберти, О. Фитцпатрика (2013 г.) о том, почему одни люди живут счастливо, а другие – нет. Режим доступа: http://www.nlp-shop.de/de_de/waehle-die-freiheit-warum-einige-menschen-gluecklich-leben-undandere-nicht.html (дата обращения: 06.09.2016)» [1. С. 281–282].

Завершается словарная статья сведениями о паспортизации описываемого лозунга – ссылками на фразеологические, эптологические, паремиологические и цитатные справочники, названия которых расположены в хронологическом порядке.

В конце книги находится Указатель лозунгов, описанных в Словаре.

Перед нами лингвистическая диагностика современного политического vs публицистического дискурса России и Германии, представленная сквозь призму функционирования лозунгов. Вместе с тем нельзя не отметить факт использования ряда знаков без объяснения их назначения. Например, в немецкой словарной статье у всех УСК имеется значок ♦, которого нет в русской части Словаря. О смысле знаков ► и # читателю также приходится строить догадки. Понятно стремление авторов представить картину функционирования лозунгов более полной, однако некоторые иллюстративные части словарных статей выглядят перегруженными, что затрудняет восприятие информации.

Попытка создания современного подлинно филологического справочника позволила установить фонд современных политических лозунгов России и Германии, уточнить их источниковедческие, семантические и стилистические данные. Многие давно известные советские и германские лозунги выступают сегодня в новых значениях, одни трансформируются, а другие, хранившиеся в пассивном запасе, «оживают» и начинают активно использоваться в публицистическом и политическом дискурсах. Таким образом, Словарь, являясь первым опытом создания справочника политических жанров малой формы, предлагает читателям политическую «мелодию» XXI века.

Развивающееся социокультурное пространство неизменно влечёт за собой изменения в словарях, характеризующиеся появлением неологизмов и окказионализмов как в корпусе лексических единиц, так и среди УСК. В целом Словарь является своеобразным «банком данных», которым может воспользоваться любой человек. «Хорошее словарное описание – совмещающее принципы нормативности и дескриптивности – должно отражать нестандартное употребление фразеологизмов, поскольку это показывает потенциал функционирования фразеологической системы и творческий аспект деятельности носителя языка» [3. С. 11]. Эта мысль подтверждается анализом словарных материалов и ярко проявляется в характере функционирования лозунгового фонда в современном политическом дискурсе России и Германии.

Все актуальные вопросы, стоящие перед современной фразеологией (что представляет собой фразеологический фонд нацио-

нальных языков, который должен описываться в специализированных словарях; какое значение фразеологизмы приобретают в том или ином контексте; каков их функциональный потенциал, реализующийся в семантических оттенках; возможность и способность к варьированию данных языковых единиц), находят ответы в новом Словаре современных политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!».

Литература

1. *Словарь современных политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!»* / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати»; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

2. Мокиенко В.М. Может ли лозунг стать рекламой? // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса: коллективная монография. – Грайфсвальд: ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. – Грайфсвальд, Германия, 2016. – С. 36–45.

3. *Академический словарь русской фразеологии* / А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва, А.Д. Козеренко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.

А.С. Макарова

BOOK REVIEW: *SLOVAR' SOVREMENNYKH POLITICHESKIKH LOZUNGOV ROSSII I GERMANII "DAYTE MIRU SHANS!"* [DICTIONARY OF MODERN POLITICAL SLOGANS OF RUSSIA AND GERMANY: GIVE A CHANCE TO THE WORLD!]

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2017, 12, pp. 134–144.

DOI: 10.17223/22274200/12/8

Aleksandra S. Makarova, Saint Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aleste_63@mail.ru

References

1. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2016) *Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii "Dayte miru shans!"* [Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany "Give a chance to the world!"]. Magnitogorsk: ZAO "Magnitogorskiy Dom pechati"; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

2. Mokienko, V.M. (2016) *Mozhet li lozung stat' reklamoy?* [Can a slogan become an advertisement?]. In: Walter, H. et al. (eds) *Germaniya – Rossiya: Verbal'nye i vizual'nye sredstva sovremennogo publitsisticheskogo diskursa* [Germany – Russia: Verbal and visual means of modern journalistic discourse]. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt Uni Greifswald.

3. Baranov, A.N. et al. (2015) *Akademicheskii slovar' russkoy frazeologii* [Academic dictionary of Russian phraseology]. 2nd ed. Moscow: LEKSUS.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: blinova_11@mail.ru

БОГАЧЁВА Галина Фёдоровна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

E-mail: ms.galbo@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: galinav44@mail.ru

ВЕРМА Киран Сингх – д-р филол. наук, профессор Центра русских исследований Университета Джавахарлала Неру (г. Нью Дели, Индия).

E-mail: kiransingh1@yandex.ru

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета.

E-mail: demeta@rambler.ru

ЗЕМИЧЕВА Светлана Сергеевна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

E-mail: optysmith@gmail.com

ЛЕВИНА Ирина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: iri555007@yandex.ru

МАКАРОВА Александра Стефановна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: aleste_63@mail.ru

НЕСТЕРОВА Наталья Георгиевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

ОЛЬХОВСКАЯ Александра Игоревна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения

русскому языку Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

E-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

ПАРАМОНОВА Мария Константиновна – мл. науч. сотр. проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

E-mail: mkparamonova@gmail.com

ПЕРФИЛЬЕВА Наталия Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: perfisha@rambler.ru

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: tolstova_11@mail.ru

ЯДАВ Раджкumar – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета; преподаватель Центра русских исследований Университета Джавахарлала Неру (г. Нью Дели, Индия).

E-mail: sainikraj05@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал
ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2017. № 12

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каптур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 18.12.2017 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,0; усл. печ. л. 8,4; уч.-изд. л. 8,2.
Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 10.02.2018. Заказ 2967. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал опечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru